

**ИРИНА
КРАСНОПОЛЬСКАЯ:**
«Без сострадания нет медицины»

*О жизни и творчестве художника Оскара Кокоски
читайте на стр. 69*

Неизвестное об известном

Светлана Марлинская **Искатель правды и справедливости**4

Из жизни смолян

Александр Ралот **Хозяйка Званки**11

Судьбы

Ирина Беспалова **Человек грандиозного таланта**18

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Путеводная звезда Эммануила Казакевича**26

Евгения Гордиенко **Нина Берберова: не только Серебряный век**47

Замечательные современники

Денис Логинов **Ирина Краснопольская:
«Мне очень повезло»**35

Елена Воробьева **Павел Новиков: «Работа в театре —
это постоянный творческий процесс
и постоянная работа над собой...»**81

Рассказ

Михаил Смирнов **Дотянуться до звезды**54

История одного портрета

Ирина Опимах **Королева детектива
и художник-скандалист**69

Житейские истории

Ольга Новикова **Перейти черту**88

Мир науки

Виктор Елисеев **Основоположник погодного прогноза**95

Это интересно

Дмитрий Зелов **Встать на гвозди**98

Николай Долгополов **«Гном» с ледорубом**106

Поэзия

Николай Филин **Стихи**103

Остросюжетный роман

Георгий Ланской **Ловушка для идеального мужчины**122

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Журналист «Российской газеты»
Ирина Краснопольская

Фото предоставлено редакцией
«Российской газеты»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.10.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«Еще при жизни он купался во всенародной любви. Сам «отец народов» называл его патриархом русской литературы, а Оскар Уайльд и Ромен Роллан почитали за честь дружить с ним. Он жил в эпоху, когда многие мечтали о социальной революции, которая подарит всем равные возможности и спасет человечество от бедности и страданий. Он сделался неукротимым проводником этой мечты и был готов отдать жизнь в борьбе за свои идеалы. Его звали Алексей Максимович Пешков, но всему миру он был известен под именем Максим Горький.

Екатерина **Зверева**. «Безумству храбрых поем мы славу!..»

«У человека, которого мы знаем как Леона Бакста, при рождении было другое имя — Лейб-Хаим Розенберг. Когда родители перебрались в Петербург, он назывался Львом, а уже знаменитым художником стал Леоном Бакстом. В 1889 году состоялась первая выставка его работ, а через несколько лет после этого он уехал в Париж, но время от времени продолжал наезжать в Петербург. Бакст считался одним из лучших портретистов своего времени. Его кисти принадлежат портреты Зинаиды Гиппиус, Жака Кокто, Сергея Дягилева, Айседоры Дункан, Андрея Белого. Но в основном Бакст известен как сценограф, оформитель спектаклей и член труппы Сергея Дягилева.

Евгения **Гордиенко** «Русский художник, любимец Парижа»

«Жизненный путь невероятной по силе таланта и темперамента Евлалии Павловны Кадминой оставил глубокий след в истории музыкального искусства России. Родившись в Калуге, она поступила в Московскую консерваторию по классу пения и окончила ее с дипломом и серебряной медалью. Она выступала на сцене Мариинского театра, затем отправилась в Италию, где пела в Неаполе, Турине, Милане. И везде — оглушительный успех! Последний раз она вышла на сцену в ноябре 1881 года в роли Василисы Мелентьевой по одноименной пьесе Островского. Это был очередной триумф, но... После первого акта певице стало плохо, и она скончалась, можно сказать, прямо на сцене. Это была гибель из-за несчастной любви...

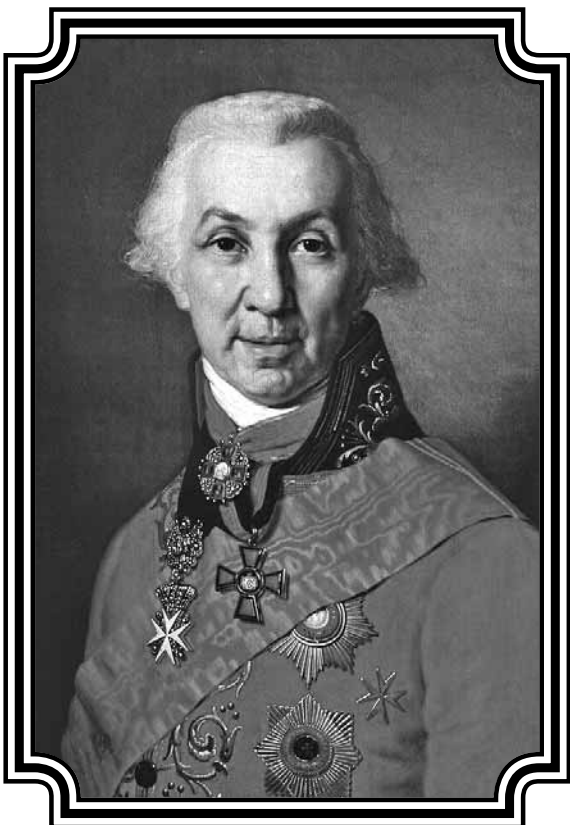
Ирина **Маркина** «Комета дивной красоты»

«Окончив Смольный институт, Екатерина Долгорукая в родное имение не вернулась, жила в столице у брата и ежедневно, в любую погоду, совершала моцион в Летнем саду. Встретив ее там во время своей утренней прогулки, император сразу вспомнил о бездонных глазах маленькой Катеньки, дочери князя Долгорукого, у которого он останавливался, когда ездил под Полтаву на военные учения. И вот сейчас они снова встретились... Позабыв о неотложных делах, император бродил с ней по аллеям сада и говорил, говорил... Еще мгновение, и вообще признался бы ей в любви... Эта встреча имела и счастливые, и печальные последствия...

Александр **Ралот** «Фаворитка»

«Ретро-детектив Натальи **Рыжковой** «Сумерки богинь»

ИСКАТЕЛЬ ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

**Гавриил
Романович Державин —
русский поэт
и драматург, крупнейший
представитель русского
классицизма, просветитель.
Известный государственный
деятель XVIII века
при дворе Екатерины II.
Автор первого
неофициального гимна
России
(«Гром победы,
раздавайся!»)**

Гавриил Державин родился в 1743 году под Казанью. Отец его умер рано, и матери было трудно дать сыновьям хорошее образование. Семья часто переезжала. Сначала Державин учился в оренбургской школе, потом — в казанской гимназии. Здесь он познакомился с поэзией Михаила Ломоносова, Александра Сумарокова, Василия Тредиаковского и сам

попробовал сочинять стихи. Владислав Ходасевич писал о его первых произведениях:

«Выходило коряво и неуклюже; ни стих, ни слог не давались, а показать было некому, спросить совета и руководства — не у кого».

С 1762 года Гавриил Державин служил гвардейцем в Преображенском полку. Это время поэт вспоми-

нал как самый безрадостный период своей жизни. Он нес тяжелую службу, а в редкие свободные минуты писал стихи. А еще в части Державин пристрастился к картам. Он писал в автобиографии:

«Научился заговорам <...> и всяким игрецким мошенничествам. Но, благодарение Богу, что совесть или, лучше сказать, молитвы матери никогда до того не допускали, чтоб предался в наглое воровство или в коварное предательство».

Позже, добившись славы и богатства, Державин уже не прикасался к картам и сурово осуждал эту страсть.

Из-за пагубного карточного увлечения Державина однажды чуть не разжаловали в солдаты: он настолько увлекся игрой, что вовремя не вернулся из увольнения.

Пугачевский бунт едва не прервал жизнь гвардейца. Спасло чудо: сторожившие его мятежники оказались большими любителями поэзии. Державин читал им все стихи, которые помнил, не разделяя их на свои и чужие. В конце концов благодарные слушатели его отпустили, рассудив, что чудаковатый барин никакой угрозы не представляет.

Вернувшись из плена, Державин служил на Волге, работал в комиссии по расследованию дел сообщников Емельяна Пугачева. Он написал «увещание к калмыкам», в котором призывал их раскаяться и не поддерживать крестьянские волнения. Главнокомандующий войсками

Александр Бибииков отправил это послание вместе с рапортом Екатерине II. Кроме того, так как материальное положение Гавриила Романовича было тяжелым, он сам лично написал письмо императрице с перечислением своих заслуг. Удивительно, но письмо «сработало».

Его назначили коллежским советником и пожаловали ему 300 душ.

Решив покончить с разгульной жизнью, Державин переехал в Петербург. В это время в России свирепствовала чума, и на карантинной заставе — при въезде в столицу — поэта заставили сжечь все его бумаги:

«Все, что во всю молодость свою чрез 20 почти лет намарал, как то: переводы с немецкого языка и свои собственные сочинения в прозе и стихах. Хороши ли они или дурны были, того теперь сказать не можно; но из близких его приятелей кто читал... весьма хвалили».

Многие из утраченных стихов Державин потом воспроизвел по памяти.

Вскоре Гавриил Романович женился на Екатерине Бастидон — дочери бывшего камердинера Петра III и кормилицы Павла I. Свою жену он называл Пленирой — от слова «пленять» — и посвящал ей множество стихотворений. Детей от своей Пленеры он так и не дождался.

Именно в эти годы Державин обрел свой собственный литературный стиль. Он писал философскую лирику — оды «На смерть князя Мещерского» (1799), «Бог» (1784), сти-

хотворение «Осень во время осады Очакова» (1788).

Его охотно публиковали, однако в литературных кругах он был не слишком известен. Все изменилось в 1783 году, когда поэт написал оду «Фелица» с посвящением Екатерине II. Название поэт взял из педагогического сочинения императрицы — «Сказки о царевиче Хлоре».

Это произведение изменило его жизнь и вообще русский литературный ландшафт. Он стал поэтом «но-

За оду Гавриил Романович был награжден усыпанной бриллиантами золотой табакеркой, в которой лежало 500 червонцев. А еще, после этого громкого поэтического выступления, поэту стали жаловать высокие должности. Однако принципиальный характер мешал Державину ладить с чиновниками, и его часто переводили с места на место.

«Чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение или, на-

З а оду «Фелица» Гавриил Романович был награжден усыпанной бриллиантами табакеркой, в которой лежало 500 червонцев. А еще, после громкого поэтического выступления, поэту стали жаловать высокие должности. Однако принципиальный характер мешал Державину ладить с чиновниками, и его часто переводили с места на место

мер один». Государственная карьера Гавриила Романовича тоже взмыла вверх: он был губернатором, личным секретарем императрицы, а уже после ее смерти — министром юстиции.

Дело не только в том, что ода понравилась Екатерине. Правителей воспевали и прежде, но делали это пафосно, по шаблонам. Державин же впервые заговорил о личных качествах императрицы. Он отметил ее скромность («пища самая простая бывает за твоим столом»), великодушие (прощает даже «самым крокодилам») и легкий нрав («любезна и в делах, и в шутках»).

против, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас колпак набекрень, оживится, глаза засверкают, и поэт превращается в оратора, поборника правды», — писал Степан Жихарев.

В 1784 году Державина назначили олонеким губернатором в Петрозаводске, а в следующем перевели в Тамбов. Эта область тогда была одной из самых отсталых в стране. Державин построил в Тамбове училище, больницу, приют, открыл городской театр и первую в городе типографию.

Спустя шесть лет поэт стал кабинет-секретарем императрицы. Но поскольку, будучи честным,

докладывал больше «все роду неприятного, т.е. прошения на неправосудие, награды за заслуги и милости по бедности», Екатерина II старалась обращаться к своему помощнику как можно реже, а вскоре его и вовсе перевели на службу в Сенат.

В 1791 году Григорий Потемкин устроил грандиозный праздник для Екатерины II: шла война с Турцией, и русская армия под предводительством Суворова взяла недавно крепость Измаил. Специально для бала композитором Осипом Козловским была написана торжественная музыка, а Державин сочинил к ней стихи, которые начинались со слов «Гром победы, раздавайся!» Песня эта прославляла успех Суворова и Екатерину, в чье правление Россия прирастала новыми территориями и шла от победы к победе. Вскоре после премьеры эта композиция стала неофициальным гимном России. Пока Екатерина II была на престоле, его исполня-

ли на всех торжественных церемониях. Потому новых правителей появились свои музыкальные символы, и гимн сменился на официальный «Боже, Царя храни!» Но на дворянских собраниях гимн Державина пели до 1917 года...

После смерти Пленеры поэт женился во второй раз — на Дарье Дьяковой. Детей не было и в этом браке. Супруги взяли на попечение детей погибшего друга семьи — Петра Лазарева. Один из его сыновей, Михаил Лазарев, стал адмиралом, открывателем Антарктиды, губернатором Севастополя. Также в семье воспитывались племянницы Дарьи Дьяковой.

При Павле I Державин служил в Верховном совете, был президентом Коммерц-коллегии и государственным казначеем. При императоре

Александре I — министром юстиции Российской империи. Все это время поэт продолжал писать, создавая оды. А в 1803 году Гавриил Романович окончательно ушел с государственной службы.

*Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться,
И философа брать вид...
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец, на гроб мой камень,
Если ты не человек.*

После отставки он полностью посвятил себя литературе. Писал трагедии, комедии и оперы для театра, переводил Расина, сочинял басни («Жмурки», «Выбор министра»), работал над

трактатом «Рассуждение о лирической поэзии или об оде». «Заметки», как называл их автор, содержали теорию стихосложения и примеры — поэзию разных периодов, начиная с древнегреческой.

В 1812 году увидела свет его сказка «Царь-девица».

А еще, занимаясь литературным творчеством, Гавриил Романович организовал литературный кружок «Беседа любителей русского слова». В него вошли писатели Дмитрий Хвостов, Александр Шишков, Александр Шаховской, Иван Дмитриев.

«Голова его была хранилищем запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин для будущих его поэтических произведений. <...> Говорил отрывисто и не красно. <...> Но тот же самый человек говорил долго, резко и с жаром, когда пересказывал о каком-либо споре по важному делу в Сенате или о дворских интригах, и просиживал до полуночи за бумагой, когда писал зак-

лучение или проект какого-нибудь государственного постановления». (Иван Дмитриев)

«Беседчики» придерживались консервативных взглядов на литературное творчество, выступали против реформ русского языка, которые отстаивали сторонники Николая Карамзина. «Карамзинисты» были главными оппонентами «Беседы», позже они сформировали свое литературное общество «Арзамас».

читали философствовать о возвышенном, а он целое стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» посвятил описанию своего обычного дня: рассказывал, как кормил пшеницей голубей, спал днем, пил чай на берегу реки.

С особым удовольствием и азартом Державин описывал еду. Никаких аллегорий и метафор — все максимально подробно и конкретно. Так, что сразу вспоминаешь живописные натюрморты и задумыва-

На экзамене в лицее 15-летний Пушкин прочитал свое стихотворение «Воспоминания о Царском Селе». Он очень волновался, потому что в комиссии на правах патриарха русской поэзии заседал сам Державин. «Я не умер! Вот кто заменит меня!» — такой была оценка Державина, который бросился к юному гению с объятиями. «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил», — увековечил Пушкин этот эпизод в «Евгении Онегине»

Последним произведением Гавриила Державина стало неоконченное стихотворение «Река времен в своем стремленье...»

Поэт скончался 1816 году в своем новгородском имении Званка.

«В поэзии Державина бьется и пенится родник творчества, глубоко волнующего, напряженного и живого». (Владислав Ходасевич)

«Поэзия Державина была жаркий летний полдень. Все сияло, все горело ярким блеском». (Петр Вяземский)

Державин, можно сказать, «опустил поэзию с неба на землю». Его предшественники в стихах предпо-

ешься о том, что пора перекусить:

*Багряна ветчина, зелены щи
с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый,
раки красны,
Что смоль, янтарь — икра,
и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!*

А еще он был в числе первых русских литераторов, которые заговорили о личных чувствах. И сразу получилось легко и без свойственных XVIII веку витиеватостей: «Ты лучше всех похвал, — тебя я обожаю». Эти строки Державин обращал к своей первой жене Екатерине, продолжая

в стихах оплакивать ее — к немалому неудовольствию ее преемницы. В стихах он также описал, как покойная супруга явилась к нему во сне, просила не горевать и занять душу Дарьей Дьяковой. Возможно, Екатерина еще перед смертью подсказала мужу кандидатуру новой супруги, так как Дарья давно признавалась ей, что мечтает о таком муже, как Гавриил Романович.

Но решение о браке с Державиным Дарья принимала сама. И сказать «да» ее убедили не стихи, а финансовые документы. Прежде чем согласиться, 28-летняя невеста — по тогдашним понятиям безнадежная старая дева — тщательно изучала приходно-расходные книги 52-летнего жениха, которые тот покорно ей предоставил. А после свадьбы Дарья взяла управление именьями мужа в свои руки и приумножила его состояние вдвое...

«О Державине можно сказать, что он певец величия. Все у него величаво: величав образ Екатерины, величава Россия, озирающая себя в осьми морях своих; его полководцы — орлы!» (Николай Васильевич Гоголь)

«Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов, во-вторых, где же бывает много талантов». (Александр Сергеевич Пушкин)

На экзамене в лицее 15-летний Пушкин прочитал свое стихотворение «Воспоминания о Царском Селе». Он волновался, потому что в комиссии на правах патриарха русской поэзии заседал Державин. *«Я не умер! Вот кто*

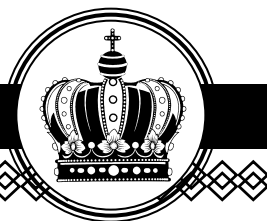
заменит меня!» — такой была оценка Державина, который бросился к юному гению с объятиями. *«Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»*, — увековечит Пушкин этот момент в «Евгении Онегине».

Он примет от Державина не только титул главного поэта, но и некоторые черты его стиля. Вслед за Державиным с упоением будет описывать чувства, быт, досуг и, конечно, гастрономические удовольствия: *«Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет»*. Как и Державин, он будет вести разговоры на серьезные темы легко и весело. А в пушкинской повести «Дубровский» мелькнет тень Державина: Кирилл Петрович Троекуров в моменты волнения насвистывает гимн «Гром победы, раздавайся!»

Державин будет влиять и на тех, кто придет вслед за Пушкиным. Известный советский поэт и сценарист Геннадий Шпаликов так объяснил, в чем состоит главный вклад Державина в русскую литературу:

*Как блеск звезды, как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О легкость, мудрости сестра.*

P.S. К 280-летию Гавриила Державина Третьяковская галерея показывает три картины, которые редко покидают запасники. На них Державин предстает в разных образах: поэта с рукописью оды на столе, чиновника в государственном мундире и сурового русского, в шубе и меховой шапке, который не боится морозов. □

Дарья Дьякова (Державина)

ХОЗЯЙКА ЗВАНКИ

*Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить,
Подчас и не бессилён
С Милоной пошалить...*

Гавриил Державин

ЗИМА 1794 ГОДА

Дверь в комнату распахнулась, и в нее влетела запыхавшаяся служанка:

— Барыня! Ой, что я вам сейчас поведаю! Конюх наш давеча прискакал. Так он по дороге такое...

— Сядь, угомонись. Толком можешь сказать, что случилось? Пожар на конюшне? — Дарья чуть ли не силой усадила девушку на стул.

— Некогда мне сиднем сидеть, бежать надобно. Неровен час, вы распорядитесь стол накрывать. Кушанья подавать, наливки всякие.

— Никуда я тебя не отпущу. Ежели ничего в имении не горит, так что же ты, словно скаженная, в комнату врываешься?

— А как же иначе-то? Ведь они вот-вот досюдова доедут!

— Да кто они?

— Конюх по дороге сватов повстречал. По вашу душу, барынька, поспешают!

В высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых. На балах сестры выглядели просто очаровательными. Не раз влюбленные до безумья молодые (и не

очень) кавалеры обращались к их отцу за благословением. Но обер-прокурор, статский советник Алексей Афанасьевич выдавать дочек за первых встречных не спешил. Тянул время. Но потом все же выдал одну за известного архитектора и поэта Львова. Вскорости и вторая стала именоваться графиней Стенбок...

Даша званых балов не чуралась, но какого-либо трепета от подобных мероприятий не испытывала. Танцевала недурно. Когда просили, играла для гостей, правда, с неохотой, на арфе. Из вежливости, без всякого удовольствия. Девушке было гораздо интереснее рыться в бухгалтерских книгах отца — многочисленных отчетах от управляющих имений, чертежах казенных построек, рулонами лежавших в кабинете батюшки.

Однажды, будучи в гостях у хозяйна со странной фамилией Капнист, Даша познакомилась с молодой, симпатичной женщиной, которую присутствующие называли Пленирой. Так прозвал ее супруг, известнейший поэт Гавриил Державин. Он утверждал, что придумал сие имя, переделав глагол «пленять». Отец ее прибыл в Россию из далекой Португалии. Состоял в свите императора Петра III, а матушка была кормилицей великого князя Павла.

Вечером того же дня многочисленные гости хлебосольного дома затеяли игру в «горелки». Развеселились не на шутку. Все это действие

Дарье не нравилось, но законы приличия не позволяли ей уйти. Тем более, что вскорости наступила ее очередь водить. Погналась за убегающими и неожиданно налетела на мужчину в расшитом золотом камзоле. Тот церемонно отошел в сторону и вежливо поклонился.

— Дашутка, познакомься... — Запыхавшаяся от бега Пленира представила ей вельможу: — Мой супруг, Гавриил Романович.

Дьякова, наконец, подняла голову и встретилась взглядом с веселыми глазами мужчины. Душа девушки мгновенно обрушилась в какую-то бездну, о наличии которой она до этого дня даже и не помышляла...

Императрица назначила поэта и чиновника Державина своим личным кабинет-секретарем. Отныне пребывание в столице стало для него обязательным, а посему Гавриил Романович приобрел участок на набережной Фонтанки.

Дашин свояк, архитектор Львов, спроектировал усадьбу, и работа закипела. Девушка при первой же возможности спешила туда. Просила показать ей эскизы. Будущие хозяева вознамерились разместить в одной из комнат соломенные обои, и Пленира захотела расписать их собственноручно, а потом пригласила всех оценить ее работу. Приехала и Дарья. Девушке к тому времени стукнуло уже двадцать пять. Красотой Бог ее не обидел, но потенциальных женихов отпугивали ее велича-

Дарья Дьякова

Гавриил Державин

вая фигура и пронзительный взгляд. Такая жена однозначно будет главенствовать в семье, с ней уж точно не забалуешь!

— Присмотрись вон к тому, чем тебе не пара, — на правах верной подруги указала Пленира на одного из гостей.

— Ты мне лучше подыщи такого, как твой Державин. За него пойду, не глядя, и буду счастлива с ним до конца своих дней!

В этот момент к подругам подошел поэт. Дарья смутилась, густо покраснела. И тут же распрощалась, сославшись на неотложные дела. А вечером того же дня уехала к старшей сестре в Прибалтику.

Больше они с Пленирой не встречались, и она не знала, что та тяжело заболела и вскоре скончалась.

Похоронив супругу, Державин не находил себе места. С утра до вечера слонялся по гостиной, расписанной ее рукой, а потом вдруг убежал из дома и бесцельно бродил по городу...

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Как-то вечером, когда Державин сидел в своей гостиной и в очередной раз рассматривал расписанные покойной супругой стены, в голове у него зазвучал голос: женись на Дьяковой, только она сможет изле-

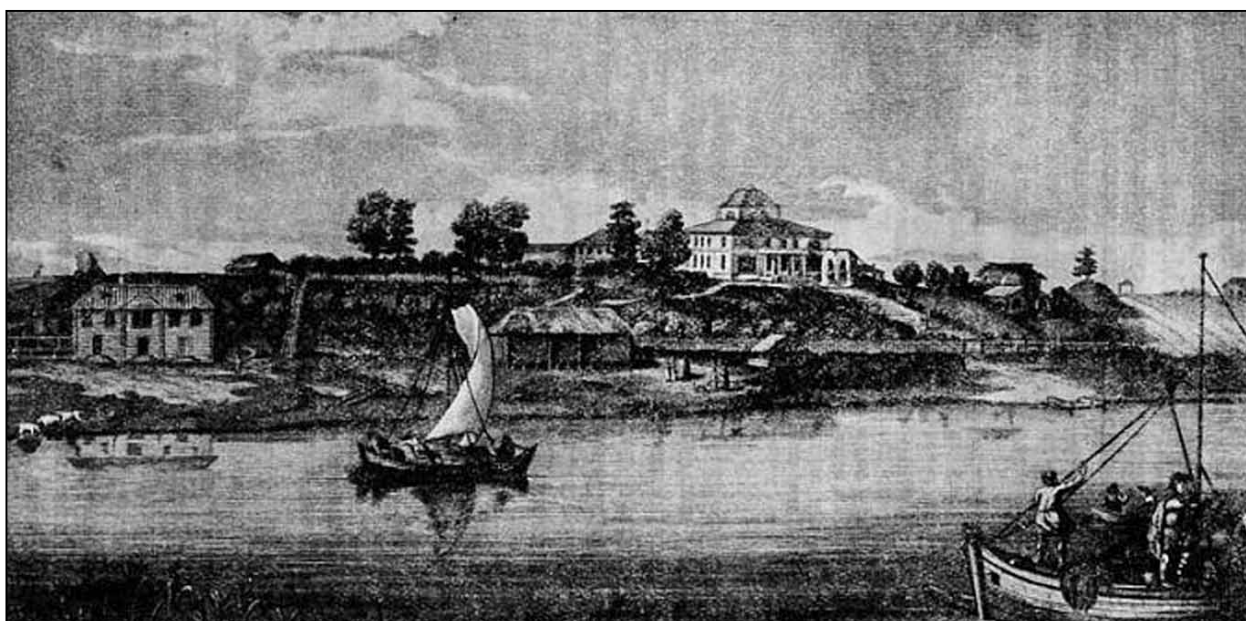
чить тебя от пустоты! Эти мысли не выходили из головы даже тогда, когда он отправился спать. А утром, проснувшись, Гавриил Романович почувствовал себя на удивление бодрым и окрепшим. Он тут же созвал друзей и сообщил им свое решение:

— Ежели немедля не женюсь, ей-богу, впаду в распутство. К тому же мне сообщили, что Дарья Дьякова

Немолодые сваты были изумлены: за свою жизнь они повидали всякое, но с такой просьбой столкнулись впервые. Они заверили ее, что Гавриил Романович пришлет требуемое незамедлительно.

Вернувшись к Державину, они передали ему просьбу девушки, на что тот ответил:

— А чего на них глядеть? Нет в том никакой нужды. Но коль ей на-

Имение Званка во времена Державина

недавно вернулась из поездки. Это ли не знак?

Отец Дарьи не так давно обрел свое упокоение на кладбище, поэтому девушке предстояло давать ответ сватам самостоятельно.

— Дайте время подумать. Более того, не сочтите за труд, пришлите мне для ознакомления хозяйственные книги Гавриила Романовича. Замужество — дело нешуточное!

добно, отправляйте, противиться не стану....

— Ясно, дела расстроены, но не до крайности. Ежели взяться с умом, то поправить можно, — проговорила Дарья, захлопывая последний «гроссбух». Ее страшили не финансовые дела, она была уверена, что справится с ними в кратчайший срок. Девушку тяготило другое — сможет ли она заменить Пленуру?..

Госпожа Державина трудилась не покладая рук. Выкупила у матери имение Званка. Начала возводить на берегу реки роскошную усадьбу, их семейное гнездышко. Там супруг будет сочинять свои произведения, а она окружит его заботой и лаской. Коля Львов в этом поможет. А как иначе? Родственник как-никак, да к тому же друг «заказчика». Пусть сотворит шедевр — чтобы свер-

канатную фабрику (флоту российскому и торговому подобная продукция всегда надобна будет) и конезавод.

Через несколько лет материальное состояние четы державиных приумножилось вдвое!

Державин не видел ничего зазорного в том, чтобы сказать комплимент-другой и оказать некоторые

В *высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых, но выдавать дочерей замуж отец не спешил. Но однажды Даша, будучи в гостях, познакомилась с известнейшим в то время поэтом Гавриилом Державиным. Когда ее представили поэту, она в какой-то момент встретилась взглядом с его веселыми глазами, и душа ее мгновенно обрушилась в какую-то бездну. Тогда она не знала, что вскоре станет супругой Гавриила Романовича и будет счастлива с ним до конца своих дней...*

шилась полная гармония природы и архитектуры. И будут званы в Званку все друзья, чтобы проводить здесь каждое лето. А еще надо пригласить садовников, причем самых лучших. Нужны парки. Чтобы зелени было как можно больше, и в них поселится муза супруга, не может не объявиться!

Одни имения Дарья без всякой жалости продавала, после двух лет неурожая рассталась с винокурными заводами, зато купила

знаки внимания молодой девушке или даже написать специально для нее пару поэтических строк..

Милена (именно так стал величать Дарью Державин) не ревновала. Умом понимала, что, как бы она ни старалась, ее любимый все равно сравнивает нынешнюю жену с той, первой, и это сравнение не в ее пользу. Послал бы господь им деток, глядишь, все было бы иначе. Но один год сменялся другим, а они не зарождались...

1803 ГОД

Державин служил одной императрице и двум ее наследникам. Но пришло время покинуть государеву службу. Старомодное бескорыстие давно уже было не в моде, и на старика начальство и подчиненные смотрели с явным недоумением.

Совсем недавно покинул этот мир друг и родственник Николай Львов. Его жена Мария вскорости отправилась вслед за мужем. Двух их дочерей чета Державиных забрала в свою Званку. Туда же Гавриил Романович привез и осиротевших детей одного своего сослуживца, и имение наполнилось детскими голосами. Для молодого поколения устраивали балы и маскарады. Дарье очень хотелось, чтобы Державин постоянно слышал веселый детский лепет...

Обняв супруга, Милена стояла на террасе их дома на Фонтанке.

— Вон там, — показала она рукой куда-то вниз, — я хочу разбить парк. Уверяю тебя, он будет превосходен. Но не сейчас, когда появятся деньги.

— Не печалься о том, что я нынче в отставке, — улыбнулся Державин, — поверь, рублики вскорости придут, их принесет Муза. И на твой проект хватит, и на наряды нашим девочкам.

Даша удивленно посмотрела на супруга, но ничего не сказала, только провела ладонью по его лбу...

Через несколько дней увидел свет сборник державинских произведений. Книга разошлась, как горячие пирожки. И сразу же закипе-

ла работа в парке. Дарья принялась за новые проекты. Но войска Наполеона уже перешли границу...

После полной виктории русского оружия Державины отправились путешествовать на Украину. Дома объявились только летом. Сад запустел, а некогда пышные кусты сирени облюбовали полчища кроваво-красных жуков.

— Милена, ты видишь это?

Даша молча кивнула.

— Дурное знамение...

ИЮЛЬ 1816 ГОДА

Державин захворал. Супруга мгновенно вспомнила треклятых жуков и стала упрашивать Гавриила Романовича поспешить к доктору, но тот категорически отказался. Увы, жить ему осталось недолго...

К безутешной вдове пожаловал всесильный граф Аракчеев:

— Мне ведомо о некоторых ваших финансовых затруднениях. Могу помочь. Куплю у вас имение.

Державина отказалась.

Предложение поступило вновь — на этот раз от самого императора.

— Доставь письмо во дворец, — протянула Дарья конверт лакею.

Внутри лежала короткая записка: «Памятью супруга не торгую. Готова подарить имение государю, но продать — никогда!»

1842 ГОД

После смерти супруга Дарья Алексеевна прожила двадцать шесть лет.

Взошел на престо Николай I, подавив восстание на Сенатской площади. На дуэли погиб поэт Пушкин, которого обожал ее Державин. И еще много чего случилось за эти годы.

Вдова, как умела только она, распределила имущество между родственниками и слугами. Велела перевести весомое пожертвование в Казанский университет, учредить там стипендиальный фонд и оказывать финансовую помощь. Выдавать деньги исключительно неимущим студентам. Открыть в имении училище для девочек-сирот.

Отдав все необходимые распоряжения, велела запрягать карету и везти ее в Званку.

По приезду первым делом отправилась в сад. Сирень цвела обильно и роскошно. Жуков на ней не было.

«Добрый знак! — подумала Дарья. — И вообще, никто и никогда не любил его, как я! И в этом невозможно усомниться!»

Гроб с телом хозяйки Званки отправили по реке на старом ботике. Кораблик должен был до-

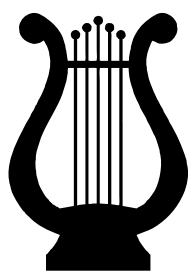

*П. Боровиковский. Портрет Дарьи Державиной
(на заднем плане имение Званка)*

ставить его к могиле Гавриила Державина — иного места своего упокоения Дарья-Милена и представить себе не могла!..

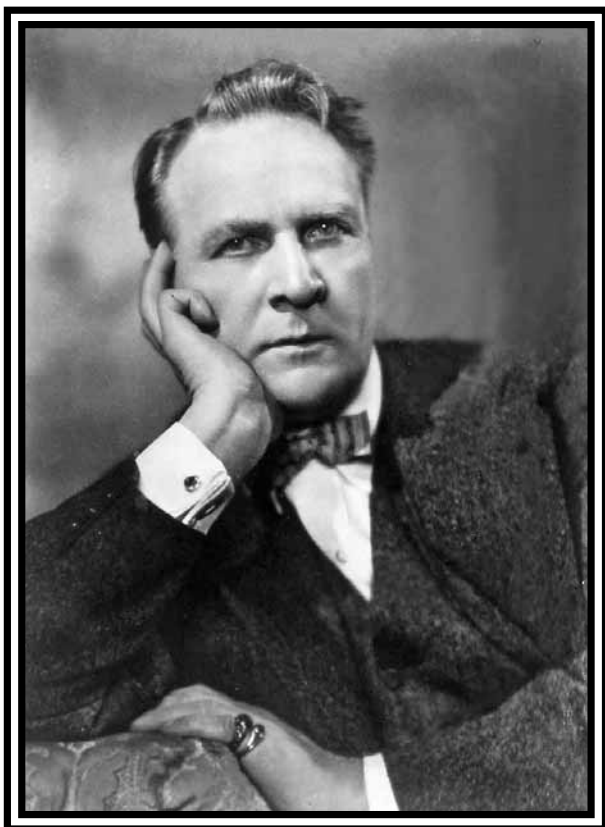
*Напиши мою Милену,
Белокурою лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней...*

Гавриил Державин □

Человек Ирина Беспалова

ГРАНДИОЗНОГО ТАЛАНТА

Легенды сопутствовали Федору Ивановичу Шаляпину чуть ли не с первых дней его творческой карьеры. И связаны они были с каким-то необъяснимым секретом таланта и обаяния, особой способностью покорять зрителя и слушателя, дававшейся ему без особого труда. Сначала говорили о «покоренной Москве», затем о «покоренном Петербурге», а дальше — «о покоренных Европе и Америке». Почти вся жизнь этого гениального певца и артиста сопровождалась все возрастающим поклонением перед «неповторимым русским басом». Господь одарил его невероятным голосом, благодаря чему и появилась русская оперная школа, с яркостью воплощенная на сцене Шаляпиным...

Родился он в Казани в 1873 году в семье мелкого канцелярского служащего. Раннее детство Шаляпина — это вечная нужда, убогое жилище, неуверенность в завтрашнем дне. Мальчика отдали учиться в городское училище, и он, как и многие сверстники его круга, вынужден был уже в одиннадцатилетнем возрасте добывать для семьи средства к существованию. Отец устроил его в

«ученики» к крестному отцу — сапожнику, затем к другому мастеру — токарю. Но так как у Федора обнаружился красивый голос, это дало ему возможность вступить в архиерейский хор, который стал первой школой вокального искусства будущего знаменитого певца. Когда ему исполнилось тринадцать, учеба закончилась, и мальчик устроился на работу писцом в управу, получая за нее

10 рублей в месяц. Единственное, что скрашивало его жизнь, — это хождение тайком в театр, где удавалось порой участвовать в детских массовках, за что Федору платили по пять копеек за вечер. Он потом писал в своих воспоминаниях: «Театр стал для меня необходимостью, хотелось проникнуть за кулисы, понять, откуда берут луну, куда проваливаются люди, и куда после представления исчезает вся эта яркая жизнь...»

Ему исполнилось семнадцать лет, когда с помощью друзей удалось устроиться хористом в оперный коллектив Семенова-Самарского, который должен был открывать сезон в Уфе. У долговязого, вечно голодного, плохо одетого подростка полностью отсутствовал какой-либо сценический опыт, зато голос был уже вполне определившийся, и ему доверяли некоторые басовые партии оперного репертуара. Но сезон подошел к концу, коллектив распался, и Федор остался один в Уфе. Что делать? Как жить дальше? Он уже не представлял жизни без театра и, списавшись с Самарой, где гастролировала бродячая труппа Деркача, получил приглашение приехать к ним. С этой труппой он кочевал по России, пока не оказался в Тифлисе, но, увы, и здесь его положение было до такой степени не прочно, что он дошел до крайней нужды, даже не раз подумывал о самоубийстве. И все же судьба сжалилась над ним: нашлись люди, которые помогли Федору устроиться писцом в управление Закавказской желез-

ной дороги с жалованьем в тридцать рублей и посоветовали поучиться пению у местного педагога Дмитрия Андреевича Усатова, который в свое время пел в Большом театре, а потом преподавал пение в Тифлисе. Год учебы у Усатова — это, собственно, вся «консерватория», которую прошел Шаляпин. Осенью учеба закончилась, но Усатов не пожелал взять за нее деньги у любимого ученика, а посоветовал ему отправиться в Москву, снабдив рекомендательным письмом в дирекцию императорских театров. Письмо это не произвело на чиновников никакого впечатления, поэтому пришлось отправиться на актерскую биржу и ждать появления хоть какого-то антрепренера, который заинтересовался бы им. И такой вскоре нашелся. — Михаил Валентинович Лентовский. В тот момент он набирал труппу для летнего сезона в Петербурге и сразу понял, что перед ним особое дарование, поэтому сразу предложил ангажемент. Но, увы, сезон провалился. Труппа распалась, и Шаляпин опять остался без работы и без средств. Но случайное знакомство с Андреевым, создателем балалаечного оркестра, помогло ему войти в круг друзей создателя балалаечного оркестра, среди которых был крупный правительственный чиновник Третий Филиппов, тонкий ценитель музыки, особенно народной. Благодаря ему Шаляпин все-таки попал в Мариинскую оперу, где спел Мельника в «Русалке» и получил хорошие отзывы в петербургской печати.

Но жизнь готовила ему еще одну судьбоносную встречу — на этот раз с «открывателем талантов» Саввой Ивановичем Мамонтовым, который заинтересовался молодым талантливым певцом и предложил ему перейти в его труппу. Так в 1896 году Шаляпин не только оказался в Московской частной опере, но и со временем стал в ней «первым певцом».

Тут стоит несколько отойти от темы и сказать несколько слов именно о Мамонтове. Крупный предприниматель, строитель железных дорог, владелец множества различных предприятий, он, можно сказать, был влюблен в русскую художественную культуру, стал ее жрецом и служителем. Страстность и широкий размах души — вот что характеризует этого неординарного человека, с пронзительными, живыми глазами, каким он изображен на портретах Серова и Врубеля. Из своих 78 лет жизни почти 45 он отдал искусству и стал поистине «покровителем муз».

Интересы строительства Северной железной дороги привели Мамонтова в село Абрамцево, расположенное рядом с железнодорожным путем, где находилась усадьба Аксаковых. В 1859 году автор замечательных произведений «Семейная хроника», «Детские годы Багрова внука» и других скончался, и усадьба пришла в полное запустение. В таком виде ее и приобрел Мамонтов, при котором она заново ожила. Сюда Савва Иванович привез своих друзей-художников — Васнецова,

Врубеля, Серова, Коровина, Поленова, Репина — и дал им возможность спокойно здесь творить. В своих воспоминаниях Васнецов писал о Мамонтове: «...Самая характерная черта Саввы Ивановича как человека — это способность возбуждать и создавать вокруг себя творческий энтузиазм, работая с ним, немудрено взвиться и повыше облака ходячего...»

В 1885 году сбылась, наконец, мечта Мамонтова открыть в Москве свой частный оперный театр. Он верил, что придет день, и победа русской оперы будет полной. Так и произошло, когда в труппе появился Шаляпин, исполнивший партию Ивана Грозного в опере Римского-Корсакова «Псковитянка», и опера не только зажила новой жизнью, но и помогла в полной мере раскрыть талант молодого певца.

А через несколько лет началась работа над партией Бориса Годунова. Шаляпин был безумно увлечен и оперой, и своей партией в ней, стараясь понять противоречивую фигуру Годунова. И в качестве консультанта для создания образа царя, ему посоветовали обратиться к В.О. Ключевскому.

Позже Шаляпин вспоминал: «Поехал я к нему, и старик встретил меня очень радушно, напоил чаем, сказал, что видел меня в «Псковитянке», и ему понравилось, как я изображал Грозного. А когда я попросил рассказать мне о Годунове, он предложил отправиться в лес погулять... Гулял я с ним по лесу, а он мне рас-

сказывал о характере князя Василия Шуйского. Какой же это был изумительный рассказ! Говорит, а сам хитрыми глазами как будто прощупывает меня, какое впечатление производят его слова — испуган ли я, встревожен ли? Это ему очень важно знать для своей политической игры»...

Большинство образов, созданных Шаляпиным, родилось именно в годы его работы в труппе Мамонтова. Здесь он пел «Псковитянку», «Хованщину», «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Жизнь за царя», и все эти образы, принесшие певцу миро-

ником, и это привело к тому, что в результате сложных отношений с министром Витте, который вел свою финансовую политику вразрез с интересами дельцов типа Мамонтова, он оказался в долговой тюрьме. Через некоторое время его выпустили на свободу, но это был уже разоренный пожилой человек, который, «уйдя на покой», замкнулся в себе и последние дни свои доживал в любимом Абрамцеве. Умер Савва Иванович Мамонтов в 1918 году, в маленькой квартирке на окраине Москвы...

Эти три года, проведенные рядом с Мамонтовым, сыграли в жизни Шаляпина особую роль. Именно в

Жизнь готовила Шаляпину судьбоносную встречу — с «открывателем талантов» Саввой Ивановичем Мамонтовым, который заинтересовался молодым талантливым певцом и предложил ему перейти в его труппу. Так в 1896 году Шаляпин не только оказался в Московской частной опере, но и со временем стал в ней «первым певцом»

вую славу, родились именно в «мамонтавский» период. С первых же шагов на подмостках Частной оперы Шаляпин видел теплоту, дружескую поддержку и помощь в каждой своей работе. «Феденька, — говорил Мамонтов, — вы можете делать в этом театре все, что захотите! Если вам нужны костюмы, скажите, и будут костюмы. Если нужно поставить новую оперу, поставим оперу».

К сожалению, Частная опера оказалась недолговечной. Ведь Савва Иванович был купцом-промышлен-

Частной опере Федор познакомился с приглашенной из Италии балериной Иолой Тарнаги. Эта девушка так поразила его своей красотой, что он сразу в нее влюбился и собирался тут же сделать ей предложение, но друзья горячо отговаривали его от этого шага: «Федя, выкинь эту блажь из головы! Куда тебе жениться? Ведь ты ни одной юбки не пропускаешь!»

А Федор так устал скитаться по чужим углам, так мечтал о настоящей семье, домашнем уюте, что все-таки

*Ф.И. Шаляпин.
Портрет
работы
В. Серова*

решился. Иола долго колебалась — это было, наверное, самое мучительное время для пылкого, по уши влюбленного Федора, — но, в конце концов, дала свое согласие. Молодые обвенчались. Иола стала женой Шаляпина и в течение счастливых супружеских лет родила ему пятерых детей...

Увы, как говорится, «натуру не перешибешь». Служа в Большом театре в Москве и одновременно в петербургском Императорском, Ша-

ляпину приходилось подолгу жить в северной столице. Именно там он и встретил свою новую любовь — Марию Петцольд. Правда, она была замужем и имела двух детей, но это нисколько не помешало зародившемуся роману...

Вообще Шаляпин по своей натуре был очень эмоциональным человеком, он моментально загорался, особенно при виде красивой женщины, но так же быстро остывал. С Петцольд такого не произошло. Роман оказался не только длительным, но, к тому же, Мария родила Шаляпину двух дочерей.

Слухи о тайном романе мужа дошли до Иолы. Она терпела, делала вид, что у них по-прежнему дружная, любящая семья. Но... всему когда-то приходит конец: терпение Иолы лопнуло, и она вывела Шаляпина на серьезный разговор, сказала, что прекрасно знает о существовании Марии и ее детей от Федора, и Шаляпин вынужден был переехать к своей незаконной семье. И хотя отношения между бывшими супругами окончательно разладились, Иола так и не дала Шаляпину развода (он получил его только в 1927 году)...

С уходом из жизни Мамонтова как бы завершилась и «юность» певца Шаляпина. Теперь он занимал особое место в русской опере, был уже знаменитым артистом, общепризнанным кумиром и сложившимся художником.

В 1901 году Федор Иванович совершил первую гастрольную поездку за границу, где дебютировал в ми-

ланском театре Ла Скала. Отныне заграничные гастроли, равно как и гастролы по России, стали повседневным обиходом в жизни артиста и создали ему репутацию артиста мирового уровня. Жизнь проходила в окружении возрастающей славы: теперь он — кавалер ордена Почетного легиона, кавалер многих других иностранных орденов. Но слава имеет и обратную сторону: все реже приходилось читать о творчестве Шаляпина, и все чаще — о его гигантских гонорарах, о купленных имениях, о страховых полисах, об участившихся скандалах в Москве, Петербурге и за границей. Начинало казаться, что вся жизнь певца — это жизнь человека, «стригущего купоны» с накопленного богатства. На самом же деле было далеко не так: шла неустанная и напряженная творческая работа. Можно сказать, что Шаляпин своими выступлениями за рубежом утвердил русскую оперу на мировой сцене, о чем говорят хотя бы Дягилевские сезоны в Париже 1907–1908 годов. В 1907-м, приехав в Париж по приглашению Дягилева, Шаляпин выступал в основном в концертах, посвященных русской музыке и поразил парижан исполнением песни князя Галицкого, а еще больше — «Трепаком» Мусоргского, который произвел впечатление какого-то «дикого гротеска». А в 1908-м Дягилев решил на показ спектаклей и показал оперу «Борис Годунов», которая буквально ошеломила парижан. Шаляпин-Борис оказался в центре внимания и зрите-

лей, и критики, которая не скупилась на хвалебные отзывы. Писали, что Шаляпин покоряет своим мягким, ласкающим голосом, безукоризненной манерой пения, своей выразительной, прочувствованной техникой. Эти Дягилевские сезоны сыграли огромную роль в пропаганде русского музыкального искусства...

Певец мирового уровня, кочующий из страны в страну, до такой степени свыкнулся с положением гастрوليрующего артиста, что другой жизни для себя уже не представлял. Слава сопровождалась неслыханными гонорарами, пресса сообщала о новых купленных особняках и имениях, приобретаемых в разных концах света, цифры, определяющие богатство певца, муссировались на страницах газет, вызывая нездоровое любопытство и заслоняя его уникальный певческий дар.

Отдельно стоит сказать об особых отношениях между Шаляпиным и Горьким. Их связывает многолетняя дружба. Считается, что она возникла еще в 1900-м году, когда Шаляпин приезжал в Нижний Новгород на гастроли, и Горький был потрясен талантом певца.

Он писал своему знакомому Поссе: «Это, брат, некое большое чудовище, одаренное дьявольской силой поработать толпу... Какой он Мефистофель! Какой князь Галицкий! Но все это не столь важно по сравнению с его концертом. Я просил его петь в пользу нашего народного театра. Друг мой, это было нечто

необычайное, никогда ничего подобного я не испытывал...

Когда он кончил петь, кончил этим смехом дьявола, — публика — а театр был набит битком — растерялась. С минуту все сидели молча и неподвижно, точно на них вылили что-то густое, тяжелое, что придавило их и задушило...»

По-настоящему они сблизились уже в те годы, когда один был известным певцом, а второй — таким же известным писателем. Сходство судеб в молодые годы, яркость индивидуальности обоих не могли не сыграть своей роли. Горький, восхищаясь Шаляпиным, в глубине души

слова, сказанные Горьким в адрес Шаляпина: «А все-таки нельзя жить одной стихийной силой таланта. Надо еще понимать, что делается вокруг. Если у человека слепое пятно в глазу, он может перестать видеть и самого себя...»

В чем-то эти слова оказались пророческими...

Началась Первая мировая война, за ней — Октябрьская революция, которую Шаляпин категорически не принял. В семье начался голод, одна из дочек заболела туберкулезом, к тому же часть сбережений певца была национализирована, и Федор

Ж

жизнь Шаляпина за границей — это жизнь прославленного артиста-гастролера: Париж, Лондон, Вена, Нью-Йорк, Стокгольм, Будапешт... Но она была лишена творческого начала. Сам Шаляпин прекрасно понимал это и очень страдал. Он не создал ни одного нового образа, жил только ранее накопленным. Такое творческое бесплодие сопровождало его все последующие годы...

надеялся, что тот, будучи «сыном народа», станет «певцом для народа», и был глубоко разочарован, что этого не произошло. На одном ужине в честь Шаляпина он произнес речь, которая начиналась так: «Вы талант, вы гений, Федор Иванович! Но ваши чудные песни не доходят до масс, до народной толпы! Необходимо петь для широких народных масс, только тогда вы станете воистину великим»... В своих воспоминаниях поэт Вс.Рожественский приводит

Иванович, не выдержав всего этого, принял решение покинуть Россию. С большим трудом, но он смог хлопотать у Луначарского разрешение выехать за границу — якобы на длительные гастроли. Так семья в 1921 году оказалась в Париже. Кроме того, Шаляпин, с разрешения Иолы, вывез туда и детей от первого брака — Иола и дочь Ирина остались в России.

Жизнь Шаляпина за границей — это жизнь прославленного артиста-

*Варяжский
гость.
«Садко»,
Римский-
Корсаков*

гастролера: Париж, Лондон, Вена, Нью-Йорк, Стокгольм, Будапешт. Но она была лишена творческого начала. Сам Шаляпин прекрасно понимал это и очень страдал. Он не создал ни одного нового образа, жил только ранее накопленным. Такое творческое бесплодие сопровождало его все последующие годы...

Во время последнего турне по азиатским странам Шаляпин почувствовал себя плохо и вынужден был

вернуться в Париж. Врачи диагностировали у него лейкемию, которую тогда не умели лечить, и весной 1938 года великий певец скончался. Ему было 65 лет. Похоронили его на парижском кладбище Ботиньоль.

Прошли годы, и в 1984 году сыну Шаляпина Федору удалось договориться о перезахоронении праха отца в России. Теперь могила великого Федора Ивановича Шаляпина находится на Новодевичьем кладбище. □

Юрий Осипов

Путеводная звезда Эммануила Казакевича

Великая Отечественная война застала 28-летнего отца двух малолетних детей в Москве, где пару лет назад ему, уже сложившемуся еврейскому поэту, писавшему на идиш, и публицистику — на русском, пришлось скрываться от возможного ареста в разгар сталинских репрессий. А до этого он в 17 лет окончил харьковский машиностроительный техникум и, увлеченный пропагандистскими лозунгами, уехал осваивать Дальний Восток, в еврейскую автономную область Биробиджан, где год спустя стал... председателем колхоза.

Заболоченная таежная земля быстро отучила его витать в поэтических облаках. Каким-то чудом юноша-технарь сумел не провалиться на сельскохозяйственной ниве, а, напротив, поднять вверенный ему коллектив, с раннего утра постигая в полевых бригадах и звеньях сложное искусство управления крестьянским трудом. Вечерами дома он допоздна штудировал подборку специальной литературы.

Вскоре юный председатель колхоза стал в крае не менее популярен, чем его отец, литературный критик Генрих Казакевич, редактировавший газету «Биробиджанер штерн». О нем писали в местной прессе, ему даже собирався посвятить роман один маститый автор...

Эммануил и сам начнет публиковать стихи в отцовской газете, а потом и в других, выпустит первый поэтический сборник, займется переводами на идиш Гейне, Пушкина, Лермонтова, Маяковско-

го, на похоронах которого побывает весной 30-го в Москве. Станет под конец периода жизни на Дальнем Востоке редактором областной газеты.

И уже сложившимся поэтом переедет с семьей после семи насыщенных лет в Биробиджане на столичную землю, оставив за плечами еще и пост директора областного еврейского театра, чье здание сам же и строил.

А затем будут фронт, боевой путь с ранениями, от военкора, «переквалифицировавшегося» в рядового разведчика, до начальника разведотдела дивизии в звании капитана, будут и два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, а также медаль «За отвагу». И еще будет правдиво-романтическая повесть о фронтовых разведчиках «Звезда», неоднократно экранизированная, переведенная на многие языки и сделавшая Казакевича одним из ведущих советских писателей послевоенной поры.

Эммануил Генрихович Казакевич родился в феврале 1913-го, в семье еврейского публициста и его жены учительницы. В детстве вместе с родителями и старшей сестрой переезжал из Гомеля в Екатеринослав, из Хотимска в Новозыбково, Киев, Москву, чтобы осесть в Харькове, где после окончания в 1927-м семилетки поступить в профтехшколу, из которой его, правда, через год по каким-то причинам исключили. Дальше — харьковский машиностроительный техникум, который беспокойный паренек окончил в 1930-м, а на следующий год судьба привела его в дальневосточную Еврейскую автономную область Биробиджан. Еще год спустя к нему присоединились родители (обратите внимание — не он к ним, а они к нему!)

Самостоятельности будущему писателю было не занимать. Очевидно,

поэтому на энергичного, инициативного паренька обратило внимание начальство. Иначе как объяснить, что его в 17 лет, ничего не смыслившего в сельском хозяйстве, назначили руководить колхозом, с чем он на удивление успешно справился. Столь же успешно он будет справляться со всем, с чем ему придется столкнуться в жизни.

Из председателя колхоза Эммануил легко перешел в прорабы, а затем — в начальники строительства городского Дворца культуры, который решили преобразовать в Биробиджанский государственный еврейский театр, а «Эмму» (так его ласкательно звали всю жизнь друзья и близкие) — поставить во главе.

И, надо заметить, на посту театрального худрука он в своем «нежном возрасте» тоже не подкачал. За опытом ездил в Москву к знамени-

тому актеру и режиссеру Михоэлсу, в его столичный еврейский театр, прославленный ГОСЕТ, и набрал из выпускников театральной студии актерское ядро БирГОСЕТа.

Отменный литературный вкус проявил Казакевич в выборе сценического репертуара, что принесло биробиджанскому театру немалый успех. Причем молодой директор сам переводил на идиш популярные у публики пьесы советских драматургов, горьковских «Врагов», «Сирано» Ростана, предлагал театру и собственные пьесы...

К тому времени стихи Казакевича уже всюду печатались в местных газетах, вышли его первые поэтические сборники, а вслед за ними — публицистические книги о приморском крае. Русский язык все увереннее делался языком его прозаических произведений. «Дальний восток стал моей второй родиной», — вспоминал позднее Эммануил Генрихович. Добавим, что там он родился и как большой русский писатель.

Однако вместе с пьянящим ощущением радости творчества Казакевичу довелось пережить там же горечь утрат. В 1935-м умер его отец, а следом после тяжелой болезни — мать, Евгения Борисовна, педагог, которая дала «путевку в жизнь» не одному поколению биробиджанских школьников. Тогда облисполком присвоил имя Генриха Казакевича одной из городских улиц и строящемуся кинотеатру «звуковых фильмов».

Последние годы жизни в Биробиджане оказались для начинающего поэта и драматурга весьма непростыми. В начале зловещего 1938-го над ним нависла угроза ареста, о чем его тайно предупредил знакомый гэбэшник. По его совету Казакевич срочно выехал в журналистскую командировку в таежный поселок, а оттуда — напрямик в Москву.

Поэзия и журналистика помогли Казакевичу обосноваться в столице, куда он вызвал к себе жену с детьми (у них только что родилась вторая дочь). Опасаясь все же возможного ареста и не желая подставлять приютивших семью московских знакомых, Эммануил Генрихович предпочел на какое-то время отправить жену и дочерей в белорусскую деревню, а сам курсировал то туда, то обратно, как бы и не прячась, но и не задерживаясь подолгу на одном месте. Через год, когда схлынула волна репрессий, он окончательно перевез семью в Москву.

Поначалу они бедствовали, сильно нуждались. Жизнь складывалась непросто. И хоть биробиджанский опыт был не так уж велик, он помог Казакевичу выстоять. В Белокаменную Эммануил Генрихович приехал еще очень молодым, но уже вполне зрелым, сложившимся человеком, твердо поставившим на литературную судьбу. И судьба его не подвела. В 1939-м вышла по достоинству оцененная критикой книга стихов Казакевича на еврейском языке «Ди

гройсе вельт» («Большой мир»). Она явилась творческим отчетом поэта, с добрый десяток лет трудившегося на литературной стезе. В 1940-м Казакевич был принят в Союз писателей и принялся за роман в стихах на идише «Шолом и Хаве». Роман был подписан к печати в мае 1941 года и увидел свет, когда автор уже воевал на фронтах Великой Отечественной.

Поначалу его освободили от воинской повинности из-за сильной близорукости, однако отсиживаться в

реди маячили вожделенные для любого из его ротных коллег страницы центральных газет. Но Казакевич выбрал иной путь — из газеты в тылу самовольно отправился на передний край, в самое пекло. Его легко могли за это арестовать и предать суду военного трибунала. Обошлось... Инициативный, хорошо знающий немецкий, он попросился в разведку и осенью сорок первого в составе одной из пулеметных дивизий Московского ополчения очутился в страшном «Вяземском кот-

В

Белокаменную Эммануил

Генрихович приехал молодым, но уже вполне зрелым, сложившимся человеком, твердо поставившим на литературную судьбу.

И судьба его не подвела. В 1940-м он был принят в Союз писателей и начал роман в стихах «Шолом и Хаве», который увидел свет, когда автор уже воевал на фронтах Великой Отечественной

тылу Казакевич отказался и ушел на фронт добровольцем. Попал в ополчение, в так называемую писательскую роту, в которой служили профессиональные московские литераторы. Тяжелейшие оборонительные бои преобразили мечтательного поэта, выковали из него смелого и решительного воина. В бригадной газете, куда его вскоре откомандировали, он оперативно писал передовицы и даже фельетоны в стихах. Казалось, его ждет успешная карьера фронтового корреспондента, впе-

ле». Был контужен. Потом воевал на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Не раз ходил с разведгруппами за линию фронта. Не избежал ранений. Удостоился почетных боевых наград и дослужился до начальника разведотдела дивизии. Войну закончил в звании капитана, помощником начальника разведотдела 47-й армии. И — участвовал в Параде Победы!

К мирной жизни Эммануил Генрихович вернулся не сразу — ему еще довелось послужить в советской военной администрации в Гер-

мании. То были годы писательского созревания Казакевича. Вспоминая встречу со штатными военными корреспондентами-литераторами, он писал одному из друзей: «Я начал подозревать, что мне, молчаливому поэту, непишущему писателю, лучше, чем им. Что-то накапливается в сердце, не разбрызгивается напрасну в поневоле пустых, ибо незрелых словах».

Итогом этого подспудного созревания явилась повесть «Звезда».

«Дивизия, наступая, углубилась в бесконечные леса, и они поглотили ее. То, что не удалось ни немецким танкам, ни немецкой авиации, ни свирепствующим здесь бандитским шайкам, сумели сделать эти обширные лесные пространства с дорогами, разбитыми войной и размытыми весенней распутицей... Противник исчез».

Так начинается это первое прозаическое произведение Эммануила Казакевича на русском языке, которое, по словам Твардовского, ознаменовало «приход в русскую советскую литературу большого, вполне самобытного таланта и, более того, новую ступень в освоении материала Великой Отечественной войны».

Читательский успех «Звезды» был огромен. Опубликованная в 1947 году повесть была переведена на все языки народов СССР, неоднократно переиздавалась массовыми тиражами, удостоилась Сталинской премии. Дело, конечно, не в премии.

Сколько их, тогда премированных вождем книг, давным-давно забыто! А дважды экранизированную «Звезду» по-прежнему любят читатели разных поколений.

Критика называла эту поэтичную повесть то балладой, то поэмой в прозе. Сам автор удивлялся таким оценкам, считая «Звезду» произведением вполне обыденным. Действительно, сюжет повести сосредоточен вокруг обычных будней войны. Группа разведчиков уходит на задание добыть необходимые сведения о противнике. Их ратный труд тяжел и опасен. И вот задание выполнено. Сведения добыты и переданы ценой гибели разведгруппы. Причем самой картины последнего боя ребят в повести нет. Мы читаем лишь пронзительные строки о том, как кольцо погони за ними неотвратимо сужается... И это все. Начинается наше наступление, и только юная радистка, полюбившая одного из разведчиков, продолжает ждать, выстукивая позывные «Звезды».

«И с ужасом Катя вдруг подумала, что, может быть, бесполезно ее сидение здесь, у аппарата, и ее бесконечные вызовы Звезды. Звезда закатилась и погасла. Но как она может уйти отсюда? А что, если он заговорит?.. И, полная надежды и железного упорства, она ждала... И никто не смел снять рацию с приема...»

Из, в общем-то, обыденной фронтовой истории писатель сумел извлечь «нечто необычное». Первые читатели повести, вчерашние фрон-

товики, узнавали в героях себя, своих боевых товарищей, узнавали свои чувства, свои потери. И необычность повести Казакевича состоит в весомом ощущении хрупкости и самоценности человеческой жизни. Это правдиво переданное ощущение поднимает «Звезду» до высокого поэтического уровня, сохраняя ее обаяние для сегодняшнего читателя.

«Звезда» стала одной из первых книг-предшественниц так называемой «военной прозы» в советской литературе 60-х — 70-х годов. Казакевич написал свою первую повесть так, что за судьбами отдельных персонажей, за частным эпизодом войны угадывается общая судьба поколений людей, «верящих в свое дело и готовых отдать за него жизнь». За Родину! За Победу! Вот почему эта проникновенная история, написанная более 60 лет назад, оказалась востребованной в наши дни. В 2002 году появилась новая экранизация повести, имевшая большой успех.

Следующим произведением писателя стала повесть «Двое в степи» (1948), которую Казакевич считал своей лучшей книгой. В ней рассказывается история испугавшегося, но сумевшего преодолеть свой страх человека. В трагическом сумбуре отступления начала войны лейтенант Огарков не сумел доставить приказ об отходе его дивизии. Военный трибунал приговаривает Огаркова к расстрелу. Он сам вну-

тренне согласен с приговором, ведь на его совести гибель однополчан. Поэтому лейтенант считает: «все, что произойдет, — должно произойти, потому что это справедливо».

Однако внезапное немецкое наступление воспрепятствовало приведению приговора в исполнение, и осужденный с конвоиром отправляются на поиски штаба армии. Они попадают в ряды наших отступающих частей и принимают участие в боях... Несколько раз Огаркову предоставляется возможность скрыться от конвоира, но он не делает этого. В конце концов конвоир погибает, а лейтенант является в штаб армии, хотя мог бы затеряться среди отступающих солдат и воевать дальше вместе с ними. Пафос повести в том, что Огарков добровольно приходит за исполнением приговора, чтобы все видели в нем «не жалкого беглеца» от смерти, а «человека, сознающего свою вину и готового держать за нее ответ».

При первом же появлении повесть подверглась жестокой критике. Автора упрекали в сочувствии трусу, в желании оправдать его, а также — в нарочитой приземленности повествования, по сравнению с возвышенно-романтической «Звездой», в чрезмерном внимании к неприглядным порой подробностям фронтового быта. Большинство критиков не поняли здесь главной мысли Казакевича: чувство долга, столь высоко ценившееся самим писателем, не дается человеку от природы.

Оно приходит в суровых испытаниях и оплачивается нередко ценой жизни. Герой повести своим последним поступком одерживает победу над собственным страхом, обретая внутреннюю свободу.

Казакевич писал о войне вплоть до начала 60-х годов. Романы «Весна на Оudere (1949) и «Дом на площади» (1957) посвящены последним боям в Германии и налаживанию мирной

приглаженными, и разрешаются они слишком просто. Последнее особенно относится ко второй части диалогии, где наряду с точными психологическими описаниями встречаются строки, словно заимствованные из газетных передовиц.

Между этими произведениями, в 1953 году, была опубликована небольшая, глубоко лиричная повесть Казакевича «Сердце друга». Речь в ней идет о светлой фронтовой любви

К

мирной жизни Казакевич

вернулся не сразу — ему еще довелось послужить в советской военной администрации в Германии. То были годы его писательского созревания, итогом которого стала повесть «Звезда». Это первое прозаическое произведение Казакевича ознаменовало, по словам Твардовского, «приход в русскую литературу большого, вполне самобытного таланта и, более того, новую ступень в освоении материала Великой Отечественной войны»

жизни в небольшом немецком городке при помощи советской военной комендатуры. Разумеется, в основу этих романов, объединенных общими героями и тем самым составивших дилогию, лег опыт автора.

Увы, их художественная правда пострадала, по его же признанию, от покорного следования писателем указаниям ортодоксальной критики. Из-за этого многие реальные конфликты в романной диалогии Казакевича оказались выхолощенными и

строевого капитана и военной переводчицы, которая находит оправдание охватившему ее там, на фронте, чувству в рождении дочери, уже после гибели ее отца. «Казалось, она жила тихо и безбурно, отдавая все силы своему делу и дочери Кате. Трудно было на ее безмятежном лице прочесть то отчаяние, которое владело ею раньше и иногда охватывало ее и сейчас... Она не хотела жить, потому что умер Акимов... Однако она жила и делала все, что требовалось...»

Эммануил Генрихович тяжело переживал очевидные литературные неудачи своих романов и стремился извлечь из них уроки на будущее. В 1961-м году он написал знаковый рассказ «При свете дня», своеобразный эпилог его произведений, посвященным войне. Рассказ о благодарной и святой памяти у одних и ненадежной и изменчивой у других. Памяти отдавших жизнь в битве с фашизмом. Тема, надо сказать, получившая исключительную актуальность именно сегодня, в свете того, что творится в западных странах вокруг событий на Украине.

«Все лучшее, благородное, героическое, с чем пришло в мир наше поколение, оно отдало войне», — говорит Э. Казакевич. Этим объясняется некоторая идеализированность характеров героев его произведений, абсолютное чувство долга, которым они руководствуются и которое их не тяготит, поскольку они воспринимают его как естественное.

Естественным стало тогда для писателя обращение к ленинской теме. Хрущевская «оттепель» начала шестидесятых ознаменовалась возвратом в литературе и искусстве к образу Ильича, ведь многим в тот период казалось, что «восстановление ленинских норм жизни» сможет решить острейшие проблемы советской действительности.

Небольшая повесть «Синяя тетрадь» посвящена работе Ленина

над книгой «Государство и революция» в то время, когда летом 1917 года он скрывался в лесном шалаше в финском местечке Разлив. Своеобразие повести в том, что вождь Октябрьской революции показан в ней не столько действующим, сколько размышляющим. «Мысль — тоже действие, — утверждает Казакевич, — переживания, сомнения, преодоление их — тоже деятельность». После традиционного изображения Ленина монументальной фигурой, так сказать живым памятником, показ его сомневающимся, раздумывающим был, безусловно, новаторским, подобно новаторскому изображению Ленина в нашумевшей пьесе М.Шатрова «Шестое июля», действие которой разворачивается в дни левоэсеровского мятежа в Москве 1918 года.

Казакевич собирался продолжить ленинскую тему, напечатал примечательный рассказ «Враги» о сложных взаимоотношениях Ленина и Мартова, задумал рассказ «Тихие дни Октября». У него вообще осталось больше нереализованных до конца творческих замыслов, нежели опубликованных произведений. Это — и повесть «Иностранная коллегия» о работе интернационального подполья в Одессе, и «Московская повесть» о молодости Марины Цветаевой, и рассказ «Мифы классической древности» о древнем поэте, сочинителе мифов, и пьеса о Колумбе, и любопытные

«Автобиографические заметки», и многое другое. Причем человеком он был порывистым, увлекающимся, с юмором, любил похохмить. Друзья вспоминали, что «не пошутить было выше его сил».

С возрастом активность Эммануила Генриховича не иссякла, хоть здоровье и начало подводить. Много сил и времени он отдавал работе в редколлегии одного из интереснейших «оттепельных» альманахов — «Литературная Москва», выступая в последние годы фактически его главным редактором.

Но все же больше всего его в поздний период жизни занимало создание огромного романа «Новая земля». Время действия задуманной писателем эпопеи должно было охватывать четверть века — с

1924-го по 1949-й год, а главным героем ее выступает, по словам автора, «советский народ, страдающий и побеждающий». Историческому оптимизму Казакевич не изменял никогда. Приступая к созданию романа, он написал: «Я буду делать свое дело без дерзости, но и без боязни». А незадолго до смерти говорил: «Главный труд моей жизни впереди... Там будет все — и террор, и война, и все наши беды вперемежку с редкими радостями». Не успел...

Эммануил Генрихович Казакевич умер в сентябре 1962-го в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Его лучшие книги продолжают издаваться в разных странах, их по-прежнему любят и ценят наши читатели. □

Несколько лет назад в конференц-зале «Российской газеты» проходила очередная пресс-конференция. В зале — аншлаг, поскольку на трибуне «живой иконостас». Самые известные и выдающиеся медики: академики, директора институтов, главные врачи крупнейших клиник, мировые знаменитости: Лейла Адамян, Лео Бокерия, Сергей Готье, Андрей Каприн, Леонид Рошаль, Давид Иоселиани, Юрий Бузиашвили, Александр Румянцев.

Интереснейший разговор с огромным количеством самых животрепещущих вопросов и еще более интересных ответов. Заместитель главного редактора газеты Ядвига Юферова успешно вела конференцию при молчаливо-дружеском участии Ирины Краснопольской. И это понятно, ведь все понимали, что самое трудное — собрать столь занятых людей в одном месте и в одно время — это заслуга Ирины Григорьевны Краснопольской. «Мавр сделал свое дело, мавр может... и помолчать».

Ирина Краснопольская

«Мне очень повезло...»

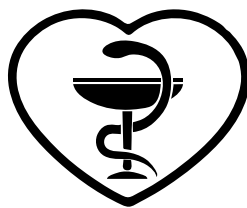

Фото предоставлены
редакцией «Российской
газеты»

Каждый журналист, решивший взять интервью у талантливого человека, потирает руки от удовольствия — ведь герой интервью обеспечит вы-окий читательский интерес. Вот и я, отправляясь на встречу с Ириной Краснопольской, испытывал почти такие же чувства. Еще бы, ведь

она — единственный в России журналист, получивший из рук Президента В.В. Путина Звезду Героя Труда с потрясающей формулировкой: «За особые трудовые заслуги перед государством и народом». Но она сразу охладила мои эмоции: «Пожалуйста, не о моем героизме,

давайте о медицине и о тех, кто в ней трудится! Пожалуйста!»

Поэтому, повинуюсь Ирине Григорьевне, попробую обойтись без дифирамбов и комплиментов...

Ее родители родом из Белоруссии, но там они еще не были знакомы. Лозовские, семья мамы, жили в Витебске. Позже переехали в Нижний Новгород и туда же, но уже в переименованный город Горький, приехал на строительство Горьковского автозавода будущий отец Ирины — Григорий Аронович Краснопольский.

Мама Ирины, Полина Марковна, со временем стала известным и уважаемым в городе стоматологом. Папа не только отличался редкой коммуникабельностью, но и феноменальными способностями. Много читал, боготворил Пушкина, поэтому первыми стихами, которые выучила Ирина в детстве, были строки из «Евгения Онегина». И при этом ... папа тогда не умел писать. Он был старшим сыном в многодетной семье и после смерти отца вынужден был работать (в семилетнем возрасте в его трудовой книжке значилось «мальчик в аптеке».) Может, поэтому он и женился на враче, да и большинство его друзей были медиками.

Ирина же, едва научившись читать, читала... газеты и мечтала стать журналистом. Увы, ее документы даже не приняли в приемной комиссии факультета журналистики (были и такие времена в нашей истории.) Поэтому она поступила с одной чет-

веркой на экзаменах во 2-й медицинский институт в Москве (нынче Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова). Но, затоковав по семье, перевелась в Горьковский медицинский институт, из которого... ушла через полгода, окончательно убедившись, что ей это не интересно. В 1951 году поступила в Горьковский педагогический институт, а после его окончания с дипломом преподавателя русского языка и литературы стала учителем в школе в деревне Ближнее Борисово.

В 1958 году отца перевели на работу в Московскую область, и Ирина переступила порог редакции газеты «Московская правда»...

— Ирина Григорьевна, почему пришли именно в эту газету?

— Мы жили в Московской области, в Болшево, а газета была ближе всего к Ярославскому вокзалу, куда приходила электричка. В коридоре редакции меня увидел ответственный секретарь газеты Виталий Мальков и спросил: «*Деточка, а что вы здесь делаете?*» А деточка нагло ответила: «*Я хочу здесь работать*». «*И кем же?*» «*Как — кем? Корреспондентом*». Так я стала внештатным корреспондентом отдела науки, вузов и школ. Позже, когда я уже работала в штате, руководитель отдела Анатолий Покровский предложил создать медицинскую рубрику с названием «*В наступление на болезни*».

— Стало быть, раз появилась новая рубрика в серьезной газете, то при ней должен быть и авторский (нынче бы сказали экспертный) совет, и вам, несмотря на то, что писали о школе, космосе, науке ... поручили его формирование. И Ирина Краснопольская, позвонила... Николаю Николаевичу Блохину — выдающемуся академику, имя которого нынче носит онкологический центр на Каширском шоссе...

— Поскольку я родом из Горького, и семья знала ведущих горьковских медиков, которые позже стали известными и в Москве, первым, к кому я обратилась, был Николай Николаевич Блохин. Потом позвонила профессору Юлию Ефимовичу Березову — известнейшему хирургу (сыну знаменитого хирурга Ефима Львовича Березова), тоже, как и Блохин, выпускнику Горьков-

ского медицинского института. В результате сформировалась команда авторского совета. При этом я продолжала оставаться «многостаночницей» (писала о науке, космосе, вузах, школах...) В «Московской правде» я проработала по июль 1990 года, ровно тридцать лет.

— Насколько я знаю, позже, поскольку «изменился климат» не только в редакции газеты, но и в стране, вы трудились в нескольких изданиях, а с февраля 1994 года по день нынешний — обозреватель отдела науки и образования «Российской газеты». Ведете тематическую полосу «Медицина».

С Сергеем Готье

Маленький штрих к вышесказанному. Поняв, что не могу не написать об Ирине Краснопольской, я пришел к Владиславу Фронину, главному редактору «Российской газеты», и попросил сказать несколько слов об Ирине Григорьевне. Он ответил: «Приведу только один пример. Едва стало известно, что в Центре имени Гамалеи (Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микро-

биологии имени Н.Ф. Гамалеи) появилась еще одна новая вакцина, я позвонил Ирине и попросил как можно быстрее сделать 200 строк об этой вакцине. А в ответ услышал: «У меня на кухне сидит заместитель А.Л. Гинсбурга (директор Центра) и рассказывает об этой вакцине». Через 40 минут в редакции уже были двести

дрения нового, передового. Вмешиваетесь в защиту обиженных и несправедливо обвиняемых врачей. Если в советские времена все были обязаны реагировать на критику, тем паче, на страницах главной партийной газеты Москвы, то каково нынче, когда чиновничья рать в ответ на критику просто отмалчивается.

С Ренатом Акчуриным

строк, которые, что называется «с колес», пошли в номер».

— Ирина Григорьевна, часто критикуя недостатки в медицинской сфере, вы при этом более всего помогаете больницам, клиникам, врачам достигать до власть имущих по вопросам вне-

ся. Можете привести конкретный пример?

— В ноябре 2018 года в родильный дом города Калининграда пришла женщина, у которой уже начались роды. И родила пятимесячного 500-граммового ребенка. Из всех органов у него работало только сердце. То есть, по всем параметрам —

не жилец. Врачи пытались его спасти, но не смогли. После чего Елену Белую, и.о. главного врача ГБУЗ Калининградской области «Родильный дом Калининградской области №4», и врача анестезиолога-реаниматолога Регионального перинатального центра Элину Сушкевич обвинили в убийстве новорожденного. Калининградский областной суд присяжных оправдал врачей. Но... оправдательный приговор был отменен. Дело направили в Московский областной суд, который 27 мая 2021 года отправил двух врачей в камеру, в СИЗО. А через полтора года судом присяжных Московской области врачей приговорили в девяти и девяти с половиной годам лишения свободы...

Не знаю, в чем причина, но, с точки зрения медицины, новорожденный был не жилец. Мы-то думали, что все решится оправдательным приговором в Калининграде, но позвонил академик-неонатолог Николай Николаевич Володин и сказал: *«Их теперь опять хотят посадить, это черте что!»* Я перезвонила Леониду Михайловичу Рошалю, и он предложил собрать экспертный совет, посоветовал, кого туда можно пригласить. Пришли Володин и два профессора, известных всему миру. Они подготовились к совету, принесли зарубежную литературу, доказывающую, что бывают ситуации, когда нельзя спасти. Мы опубликовали статью о том, что естественную смерть пытаются выдать за криминальную. И по сей день с Леонидом Рошалем и Николаем Во-

лодиным бьемся за то, чтобы оправдать врачей, которые сидят в тюрьме. Но пока не добились результата.

— Врачей ругают, если они ошибаются, и не замечают, когда они прекрасно работают...

— В истории нашей медицины было много замечательного, но и много постыдного в отношении к медикам не только властей, но и пациентов. Совершенно обыденный пример. Если парикмахер просит перенести время записи на стрижку, то клиентка безропотно соглашается. Если же пациент поликлиники не попадает к доктору во время, указанное в талончике (поскольку доктору пришлось больше положенного времени уделить предыдущему пациенту), то врач рискует получить не самые ласковые слова в свой адрес, а может и жалобу в «положенную инстанцию». То есть парикмахер не обязан, сапожник не обязан, это мы им обязаны, мы на них молимся. А врач — обязан.

Вот у нас в доме живет соседка, которая без конца вызывает «скорую помощь». Спрашивается, зачем? А ей просто хочется, чтобы приехала «скорая»... Почему за это никто не отвечает? А потому что медики, мол, обязаны. Это неправильно. Сейчас с зарплатами что-то немножко меняется, но во все времена врач получал меньше, чем водитель троллейбуса. Водитель троллейбуса, конечно, важен и нужен, но все же...

Я начинала работать в деревенской школе под Нижним Новгородом. Мой приятель работал там главным врачом больницы. И вот когда мы с ним шли по деревне, это было событие: идут врач и преподаватель. Казалось бы, это было не так давно, всего лет 60 назад. А теперь....

В результате «оптимизации здравоохранения» в той же Москве покрывали массу больниц. Их сливали, переводили... Хорошие больницы с репутацией, с прекрасными врачами, в том числе и инфекционные. Но случился ковид, который наглядно показал результаты этой оптимизации.. И тогда, что называется всем миром, начали срочно строить новые больницы. Инфекционные больницы должны быть всегда, потому что мы не защищены от инфекций: сегодня одна, завтра ковид, послезавтра неизвестно, что будет. Как говорит великий вирусолог, академик Виктор Васильевич Малеев: *«Мы всегда жили с инфекциями. От них никуда не деться»*.

И сегодня делаются попытки отобрать «лакомые места» у медиков — под предлогом переноса больниц якобы в более удобное место. Для больницы важно насиженное место. Скажем, 62-я онкологическая больница создана в бывшей усадьбе с многовековой историей в Красногорском районе. И ее пытались и пытаются куда-то переселить. Зачем?

— Нынче почти каждый день по телевидению, не говоря уже о других СМИ, показывают и рассказывают о вновь открывшихся больницах, медицинских центрах, поликлиниках с замечательным оборудованием и прекрасными зарплатами.

— Если говорить о Москве, о крупных региональных центрах, то подвижки к лучшему очень заметны. Взять, например, Республиканскую клиническую больницу Татарстана... Татарстан отличается успехами во внедрении самых современных информационных технологий: там действуют и системы видеосвязи с районными больницами, и системы наблюдения за тяжелыми больными. Или Краснодарскую краевую клиническую больницу №1 во главе с академиком Владимиром Алексеевичем Порхановым.

— Я часто бываю в Краснодаре и хорошо знаю, что Владимир Алексеевич не только Герой труда, но и «национальный герой края», перед которым преклоняются жители и очень поддерживают власти.

— Порханов — талантливейший хирург и очень мудрый руководитель.

— Вы согласны с тем, что настоящим врачом можно стать не только и не столько благодаря образованию?

— Далеко не каждый может быть врачом. К сожалению, сейчас полно таких, которых за версту нельзя подпускать к профессии. Если ты надел еще в студенчестве белый халат, то должен сознавать, какую ответственность будешь нести всю оставшуюся жизнь. Позволю пример. Девочке Маше с Дальнего Востока требовалась сложнейшая операция на сердце. Я договорилась с академиком Лео Антоновичем Бокерия. Маша с мамой приехали в Москву — очень переживали и боялись этой операции. Мы вместе явились в клинику рано утром, чтобы Маша смогла сдать анализы. Идем по вестибюлю Бакулевского центра. Навстречу Лео Антонович в дубленке. Он уже провел одну операцию и ехал на консультацию. Я ему говорю: «*Это наша Маша с Дальнего Востока*». Вы бы слышали, как Бокерия с этой девочкой разговаривал! После этой встречи Маша сказала: «*Теперь я ничего не боюсь. Никаких операций!*»

Раз уж заговорили о Бокерия... Лео Антонович создал Лигу здоровья нации — кстати, я тоже вхожу в эту Лигу. И каждый год с ведущими медиками страны мы плывем на теплоходе по разным рекам — Волга, Ока, Нева, Сибирь, Дальний Восток, Крым. Не только в областные центры, но и в небольшие города: Тутаев, Мышкин... Накануне в редакции газеты собираем форум, приезжают представители регионов, с которыми уточняем маршруты и

С Леонидом Рошалем

время поездок. На счету спасенных благодаря Лиге сотни, тысячи детей.

— Еще одна проблема: платная и бесплатная медицина. Частная и государственная.

— Должна быть доступна любая медицина. Человек должен иметь право выбора места лечения. Без сострадания нет медицины, и без понимания пациента тоже нет медицины. И если я хочу, чтобы меня оперировал, скажем,

Баграт Гегамович Алесян*, я выбираю Алесяна. Почему я не могу к нему попасть? Понимаете, когда начинают считать, сколько будет стоить лечение, это уже не медицина, это что-то около.

И потом, у нас должна быть доступной частная медицина, которая успешно развивается. Клиники Григория Ефимовича Ройтберга, Марка Аркадьевича Курцера. Это уникальные центры спасения, уникальные специалисты. Там

С Лео Бокерия

все уникальное, но... там высокие цены, а ОМС их не оплачивает. Почему?

Многое, конечно, зависит от региона, от руководителей регионов. В том же центре у Курцера, например, захожу в палату. Женщина из дальнего региона, у нее лейкоз. Удобная, прекрасная палата, самое продвинутое лечение. Спрашиваю, сколько это стоит. Отвечает: *«Двенадцать миллионов. За меня платит реги-*

он». В другой палате пациент — молодой врач, у него тоже тяжелейшее заболевание крови, тоже очень дорогое. Кто платит? Московская область. И это правильно! А вот если какой-то регион не платит — это неправильно.

Еще пример. Академик Ройтберг открыл в Химках ядерный центр (Институт ядерной медицины). Этот центр надо видеть: само здание — украшение города! Там лучшие специалисты. Там нет ощущения онкологической беды. Туда едут отовсюду, а регионы оплачивают.

И еще. На днях у меня был человек, который занимается гепатитами в Московской области. Его очень поддерживают власти, поэтому ему многое удалось. Снизил смертность от гепатита, снизили саму заболеваемость. И только потому, что регион идет навстречу. Ведь правильно лечить гепатит выгоднее —

* Баграт Гегамович Алесян — кардиохирург, академик РАН, профессор, главный специалист Минздрава России по рентгенэндоваскулярной диагностике и лечению, заместитель директора по науке и инновационным технологиям ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр хирургии им. А.В. Вишневского».

и денег меньше, и люди не становятся инвалидами, не болеют раком и циррозом. И это можно сделать, если есть такое желание. Регион должен поддерживать и любить свою медицину. А если не любят, то люди сами начинают искать пути. Нынче мне звонят и жалуются, что в связи со всеми событиями сейчас нельзя поехать лечиться в Европу. А до этих событий были другие звонки. Не буду называть имени, поскольку человек очень известный. Он сказал: *«У меня обнаружен рак мозга, и я еду в Германию»*. Говорю, зачем, у нас в стране вас все знают и все сделают. Но, даже понимая, что он все равно поедет в Германию, звоню нашему корифею академику Александру Николаевичу Коновалову. Он отвечает: *«Его спасти нельзя. Но раз он хочет туда поехать — пусть едет. Но и там не спасут»*. Он поехал. Увы, не удалось спасти...

Но у меня есть и другие примеры, когда человек с онкологическим заболеванием уехал за рубеж, а потом его спасал, продлил жизнь совершенно гениальный онколог академик Михаил Иванович Давыдов. И не исключено: если бы он не ездил за рубеж, где он никому не нужен, может, прожил бы дольше. У нас есть Центр, которым руководит академик Андрей Дмитриевич Каприн. Есть Центр академика Сергея Владимировича Готье. Все есть. Те же частные Центры должны быть задействованы в общей программе оказания медицинской помощи. Ведь

медицина в России начиналась именно с частных клиник и больниц... Кому принадлежал СКЛИФ, откуда он? Откуда Первая Градская? Это были частные учреждения. И не нужен этот дележ «государственная — частная». В этом некая несправедливость. Главное — должно быть человеческое отношение к пациенту.

За годы работы Ирины Григорьевны в «Российской газете» опубликовано более тысячи полос о проблемах медицины и медиков, беседы и интервью с великими докторами. А в 2022 году выпущена книга «Диагноз Краснопольской. Беседы о главном со звездами медицины». И остается только глубоко сожалеть, что, несмотря на очень внушительный объем (320 страниц) и большой формат, в нее вошли материалы только о 29-ти героях. Это — Лейла Адамян, Ренат Ачкурин, Лео Бокерия, Юрий Бузиашвили, Валерий Вечерко, Александр Гинзбург, Петр Глыбочко, Сергей Готье, Владимир Демихов, Давид Иоселиани, Андрей Каприн, Александр Коновалов, Андрей Махсон, Михаил Мурашко, Лейла Намазова-Буранова, Евгений Насонов, Сергей Петриков, Николай Плавунин, Анна Попова, Дмитрий Пушкарь, Григорий Ройтберг, Леонид Рошаль, Александр Румянцев, Галина Савельева, Анзор Хубутия, Евгений Чазов, Александр Чучалин, Алексей Шабунин.

В одном материале не рассказать даже о малой толике сделанного ге-

роями книги, поэтому позволю напомнить читателям только о великом Демихове и его труднейшей судьбе. Сначала факты его жизни:

1937 год — первое в мире искусственное сердце.

1946 год — первое в мире гетеротопическая пересадка сердца в грудную полость.

1946 год — первая в мире пересадка комплекса сердце-легкие.

1947 год — первая в мире пересадка изолированного легкого.

1948 год — первая в мире пересадка печени.

1951 год — первая в мире пересадка сердца без использования искусственного кровообращения.

1952 год — первое в мире маммарно-коронарное шунтирование.

1954 год — пересадка второй головы собаке. (Всего им было создано 20 двухголовых собак).

Это факты. А вот строки из книги Ирины Краснопольской:

«Мне повезло: когда только начала работать в журналистике, мне удалось побывать почти в сарайчике на территории знаменитого СКЛИФА, где проводил уникальные эксперименты, доказывал возможность пересадки органов, разрабатывал методику трансплантации этот великий человек. Все выглядело чудом и захватывало дух. А еще запомнила так называемый ученый совет, на котором некоторые мэтры отечественного здравоохранения, облеченные властью, предавали анафеме работу ученого. Его

клеймили даже за то, что он не врач, а биолог, а потому не должен вмешиваться в медицинские проблемы. Поразило, с какой стойкостью Владимир Петрович вынес это судилище. И не сдался...

Весь мир «на ура» принял первую успешную операцию по пересадке сердца, проведенную в 1967 году южно-африканским хирургом Кристианом Барнардом. А ведь прежде чем решиться на нее, Барнард в 1962 году приезжал к Демихову советоваться. В том же году книга Демихова о пересадке жизненно важных органов в эксперименте была издана в США, в ГДР, чуть позже — в Испании. Имя ученого стало всемирно известным. А на родине он не был даже кандидатом наук. Правда, когда в 1963 году защищал диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук, ученый совет МГУ ходатайствовал о присуждении ему «ввиду исключительной значимости работы» сразу степени доктора биологических наук. Присудили, но вот звание профессора Владимир Петрович так и не обрел.

Незадолго до ухода Владимира Петровича из жизни мне позвонил наш выдающийся хирург академик Ренат Сулейманович Акчурина, попросил познакомиться с Демиховым. Мы поехали на окраину Москвы, где в убогой пятиэтажной хрущевке жил с женой Лией великий россиянин. Ренат Сулейманович привез с собой ту самую книжку о пересадке органов, в которой многие абза-

цы были помечены красным фломастером. Ренат Сулейманович показал их Владимиру Петровичу и сказал, что, когда зарубежные коллеги узнают, что у него есть книга «самого Демихова», восторженно восклицают: «О-о-о!»

Признание Демихова и его работ на родине пришло заметно позже, чем за рубежом. С 1959 по 1989 год ему присудили звание почетного доктора Лейпцигского университета (ГДР), доктора медицины клиники братьев Мэйо (США), почетного члена Королевского научного общества в Уппсале (Швеция). В 2003 году был посмертно награжден Международной премией «Золотой Гиппократ». Но лишь в 1988 году в числе других известных специалистов Владимир Петрович был удостоен Государственной премии СССР «За достижения в области кардиохирургии». В 1998 году — уже в год смерти — Демихова наградили орденом «За заслуги перед отечеством» III степени, и в числе других ученых он

стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации «за разработку проблемы пересадки сердца».

Как-то, выходя из квартиры Владимира Петровича, спросила у подростков, которые дымили сигаретами на ступеньках, знают ли они, кто живет в квартире, из которой я вышла? «Каких-то два старика», — ответили мне. Когда «великий старик» скончался, я звонила по многим официальным телефонам, просила прийти проститься с Демиховым. Пришли родные, друзья,

С семьей Демиховых

коллеги, с которыми он когда-то работал. Из официальных — только Лео Бокерия, Геннадий Онищенко и Валерий Шумаков...

В 2016 году в Федеральном научном центре трансплантологии и искусственных органов имени академика Валерия Шумакова был открыт памятник основателю мировой трансплантологии Владимиру Демихову.

Руководитель центра академик Сергей Готье убежден, что памятник Демихову — это не только признание заслуг великого соотечественника. Он должен стать и местом приобщения студентов-медиков к пересадке органов. Ведь

ныне трансплантация заняла прочные позиции в службе здоровья.

— Казалось бы, материал об одном герое, но в нем огромный социальный срез не только

не согласиться с образным мнением ее коллег: «Если статью Краснопольской приложить к больному месту, человек выздоровеет»!

Но самое главное — мнение читателей газеты и журнала, и тех многих

Ирина Краснопольская с Владиславом Фрониным

отечественной медицины, но и всего общества...

— Мне очень повезло: я работаю в такой газете и с особенным человеком — главным редактором Владиславом Александровичем Фрониным. Он — потрясающий профессионал. Все знающий и во все вникающий. Все сотрудники обращаются к Владиславу Александровичу, ни для кого не преграда, что он главный редактор.

Как автор этого материала, должен согласиться с Ириной Григорьевной, что она «никакая-то там особенная». И в то же время не могу

людям, которым повезло в своей жизни встретиться с Ириной Григорьевной Краснопольской. Думаю, они поблагодарят за то, что я не смог согласиться с ее мнением о себе: «...ведь я никакая-то там особенная».

И в подтверждение этого добавить: она — единственный человек, который после получения награды в Кремле, пожурил Президента в ответном слове: «Владимир Владимирович, у вас есть один недостаток: вы до сих пор не были на «Деловом завтраке» в «Российской газете». □

Беседовал **Денис Логинов**

Нина Берберова:

НЕ ТОЛЬКО СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Описывая эту женщину, то и дело прибегают к «металлическим» сравнениям: «Железная женщина» (так называлась ее книга о Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг), «чугунная женщина» (так наша героиня называла себя сама), «мисс Серебряный век» — с легкой руки поэта Андрея Вознесенского.

Жизнь Нины Николаевны Берберовой была очень непростой, интересной и разной. Она успела застать все потрясения этого столетия, пожить во множестве стран, три раза побывать замужем и сделать свой выбор — прожить много лет в одиночестве.

Обращаясь к фигуре Нины Берберовой, чаще всего вспоминают ее автобиографию «Курсив мой», написанную в конце шестидесятых годов и выдержавшую несколько переизданий как в России, так и за рубежом. Об этой книге немало восторженных отзывов, но немало и претензий к ней — прежде всего, фактографического характера. Проще говоря, ее упрекали в придумывании и «подтягивании» фактов к той истории, которую она хотела рассказать. Писали и о том, что она просто «сводит счеты». Не исключено и это. Но никто не обвинял Берберову в том, что она не уловила духа времени, о котором писала...

Нина Николаевна Берберова родилась 8 августа 1901 года на Большой Морской улице Санкт-Петербурга в русско-армянской семье. О своем происхождении она впоследствии вспоминала: «Я несусь как дар судьбы

то обстоятельство, что две крови — армянская, южная, и русская, северная, слились во мне и во многом с детства обусловили меня <...> Дед мой со стороны отца, Иван Минаевич Берберов, был потомком тех

Нина Берберова

безымянных армян, которые в силу сложного исторического процесса в середине восемнадцатого века оказались на южном берегу Крыма <...> Дела армян на новом месте пошли завидно хорошо. Деда Ивана Минаевича его отец (видимо, имевший средства) послал в конце 1850-х годов учиться медицине в Париж... Из Парижа дед вернулся врачом, женился, имел семь сыновей и одну дочь и стал известен в округе как доктор-бессребреник<...> Из семи его сыновей мой отец, Николай Иванович, был третьим. Все мальчики были постепенно посланы в Москву учиться в Лазаревском институте восточных языков...»

О материнской же родне она тоже пишет с огромной любовью: «В

очень русской, очень православной, очень патриархальной семье брак моей матери с моим отцом был воспринят как удар, от которого оправдаться не скоро. Армянская вера отца казалась чем-то чужим, а сам он — почти иностранцем, южный темперамент внушал опасение; неизвестно откуда пришедший человек, тем не менее, не был отвергнут. Оба любили друг друга, любили всю жизнь и не расставались никогда, пока не развела их смерть. Если семья моей матери с трудом примирилась с тем, что она вышла замуж за «чужестранца», то для семьи моего отца это было гораздо сложнее: принять в семью русскую, отцу иметь от нее русских детей — это считалось изменой Армении. Но, конечно, ни та, ни другая сторона запрета не наложила. Свадьба состоялась в январе 1900 года...»

Несмотря на такие глобальные различия, брак родителей Нины Берберовой был крепким, и окончился только в годы Второй мировой войны, когда они умерли в эвакуации с разницей в несколько месяцев.

Несмотря на довольно теплые отношения в семье, Нина с детства была как самостоятельной, так и свободолюбивой, с юности она ощущала желание независимости. Окончив гимназию в Петрограде, Нина в 1919 году вместе с семьей переехала в Ростов-на-Дону, где училась в Донском университете, чтобы уже в следующем году вернуться в голодную и холодную столицу, где можно най-

ти единомышленников по поэтическому ремеслу. К тому моменту девушка уже всерьез увлеклась поэзией. Она поступила в институт истории искусств, писала стихи и очень гордилась тем, что в свои 20 лет уже принята в Союз петроградских поэтов.

Начала Нина лихо, влюбившись сразу в двух самых маститых поэтов: «Я такая косоглазая, сразу на двоих гляжу». «Двоими» были Александр Блок и Николай Гумилев. Но они не проявили к девушке ответного интереса, зато его проявил не менее талантливый тридцатипятилетний Владислав Ходасевич. Он, зная, чем привлечь юную поэтессу, сходу попросил Нину почитать свои стихи. Она прочла все, что скопилось за долгие годы, и читала, то и дело дотрагиваясь до рукава поэта. Смущенная, она не сразу смогла выговорить сложное отчество Ходасевича — Фелицианович. И тем совершенно покорила его.

Ей льстило, что те поэты, которых она знала ранее — те же Гумилев и Блок, Ахматова — уважали ее нового возлюбленного, он был в их кругах своим, его русский язык, чистота и образность стиха считались непревзойденными.

Их отношения развивались в духе времени: начало двадцатых годов было периодом опасным, веселым, бесшабашным, голодным... Вспоминали историю, как однажды Ходасевич с Берберовой отправились на Сенной рынок, чтобы продать несколько селедочек из продовольствен-

Владислав Ходасевич

ного пайка поэта или же обменять их на папиросы. Ходасевич выглядел при этом таким жалким, что у Нины сжалось сердце — о, эта великая жалость русской женщины! Она отобрала у него селедку и голосом рыночной торговки стала подзывать покупателей. Рыба разошлась в мгновение. Денег хватило не только на папиросы, но и на бутылку вина и пирожные. Они устроили настоящий пир и поклялись друг другу в любви.

Некоторая пикантность ситуации заключалась в том, что клявшийся в вечной любви Ходасевич был женат и до поры до времени об этой заварке своей даме сердца не сообщал. «Сдал» поэта кто-то из коллег по цеху, спросив на одной из вечеринок: «Нюра твоя когда возвраща-

*Нина Берберова
и Владислав
Ходасевич
в Сорренто*

ется из санатория?» Анна Ивановна Чулкова, или Нюра, как называли ее близкие друзья, несколько месяцев лечилась в Детском Селе от туберкулеза.

Нина была в гневе — как мог пылкий возлюбленный не поставить ее в известность о таком важном факте своей биографии?! И тут же бросила Ходасевича, проявив похвальную порядочность.

Но поэт был настолько одержим Берберовой, что без общения с ней стал чахнуть. Дошло до того, что Анна Ивановна сама предложила Нине вернуться к ее мужу — вполне в духе Серебряного века и его «тройственных союзов». Однако Нину такой союз устраивать не мог, и, в конце концов, Ходасевич с Анной развелся.

В это же время в кружке поэтов происходили печальные события: в 1921 году не стало Гумилева и Блока. Первый был расстрелян, второй умер от болезни и «отсутствия воздуха». Обе эти смерти ухудшили и без того депрессивное настроение Ходасевича. Вместе с Ниной он принял решение уехать из страны, и в июне 1922 года они через Ригу отправились в Берлин, не предполагая, что это навсегда. Формальной причиной выезда у Ходасевича значилось «поправление здоровья», у Берберовой — «поправление образования».

В Берлине долго они не задержались и отправились дальше — в Рим, а затем и в Сорренто, где жил Максим Горький. Он предложил им вместе поработать в его альманахе «Беседы». Именно тогда Нина Николаевна и познакомилась с Марией Закревской, ставшей прототипом главной героини ее знаменитой книги «Железная женщина».

Но и в Сорренто Ходасевич и Берберова не остались, решив попытаться счастья в Париже. Франция была не очень благосклонна к русским эмигрантам, и Нине приходилось братья за любое дело. Она не только писала стихи, но и работала машинисткой, вышивала на полотенцах и скатертях. Литературу, правда, никогда

тридами, то есть лицами без гражданства, без пособий и надежд на будущее. Апатриды считались людьми «второго сорта»: на работу они рассчитывать не могли. Самым же оскорбительным для Ходасевича здесь было то, что никто не воспринимал его как поэта, ни для кого он не был авторитетом.

Трудности не сплотили пару, как можно было подумать, напротив, супруги все больше отдалялись друг от друга. Сказывалась разница в возрасте: Нина была на пике своей энергии, несмотря на сложности, ей хотелось творить, действовать, а Ходасевич все больше погружался в пучину своей депрессии, стал играть — и проигрывать — в кар-

Трудности эмигрантской жизни не сплотили пару, напротив, супруги все больше отдалялись друг от друга. Сказывалась разница в возрасте: Нина была на пике своей энергии, ей хотелось творить, действовать, а Ходасевич все глубже погружался в пучину своей депрессии, стал играть — и проигрывать — в карты, и уже ничего не ждал от будущего. Спустя десять лет брака Нина Берберова ушла от мужа, назвав свой уход «невероятным, непомерным счастьем»

не бросала. Именно в те годы вышел цикл ее рассказов «Биянкурские праздники», романы «Последние и первые», «Повелительница», «Без заката».

Очарование Парижем прошло окончательно, когда паре выдали «особые» паспорта. Они стали апа-

ты, и уже ничего не ждал от будущего...

В 1932 году, спустя десять лет брака, Нина Берберова ушла от Владислава Ходасевича. Она съехала в отель с двумя чемоданами, предварительно заштопав все носки мужа и приготовив ему еды на три дня вперед.

Муж, разумеется, был подавлен, а Нина назвала свой уход «невероятным, невозможным, непомерным счастьем». Вероятно, ей казалось, что теперь, без депрессивного Ходасевича, она сможет двигаться дальше.

Несмотря на расставание, они продолжали общаться почти ежедневно, встречаясь в кафе и на литературных собраниях. В мае 1933 года Нина переехала к художнику Николаю Макееву, за которого вскоре вышла замуж. Дела у пары шли неплохо, они купили дом в Лонгшене, пригороде Парижа.

Ходасевич тоже недолго был один: скорее от безысходности, нежели по большой любви он женился на давней знакомой Ольге Марголиной. Это была милая тридцатипятилетняя женщина, зарабатывавшая на жизнь вязанием шапочек, дочь некогда богатого ювелира.

В конце января 1939 года Ходасевич заболел: больнице у него был выявлен рак печени. Последние его слова были обращены к Берберовой: «Все время о тебе, днем и ночью об одной тебе... Ты же знаешь сама... Как я буду без тебя?» На следующий день, в возрасте 53 лет, Ходасевич скончался. Нина Николаевна стала обладательницей его архива.

В годы Второй мировой войны Берберова и ее муж жили во Франции. Впоследствии их часто обвиняли в коллаборационизме, но доказательств этому не было. Эта тема стала излюбленной в эмигрантской среде, правда, со временем, как и любая сплетня, рассеялась.

Брак с Матвеевым окончился после войны. Нина Николаевна развелась с ним и приняла решение покинуть Европу и уехать в США. Собственно, примерно с теми же двумя чемоданами, с которыми она ушла от Ходасевича, и с 75 долларами в кармане (25 из них были взяты в долг) и прибыла в Америку. Впоследствии она говорила, что этот переезд был самым трудным решением в ее жизни.

Здесь Берберова в третий раз вышла замуж — за пианиста Георгия Кочевичко. Но не брак был для нее главным. Она работала: занималась преподавательской деятельностью, сначала в Йельском, затем — в Принстонском университете. Также активно печаталась во всех эмигрантских издательствах Америки. Через несколько лет ее брак с Кочевичким распался.

К американскому периоду относится книга, прославившая Берберову, — «Курсив мой». Кто-то из еще живых на тот момент персонажей счел, что она просто «свела счеты». Но, думается, цель была не в этом. Поскольку «Курсив» часто сравнивали с другими книгами, принадлежавшими перу Ирины Одоевцевой, — «На берегах Невы» и «На берегах Сены», Нина Николаевна четко сформулировала разницу между ними: «Автобиография, в отличие от мемуаров, откровенно эгоцентрична. Автобиография — рассказ о себе, воспоминания — рассказ о других». Именно здесь, скорее всего, и кроется причина исторической неточно-

сти «Курсива»: Берберова писала о себе, о своих мыслях, чувствах, а все ее окружение было статистами, декорациями ее размышлений. Но ведь от статистов и декораций трудно требовать стопроцентной достоверности...

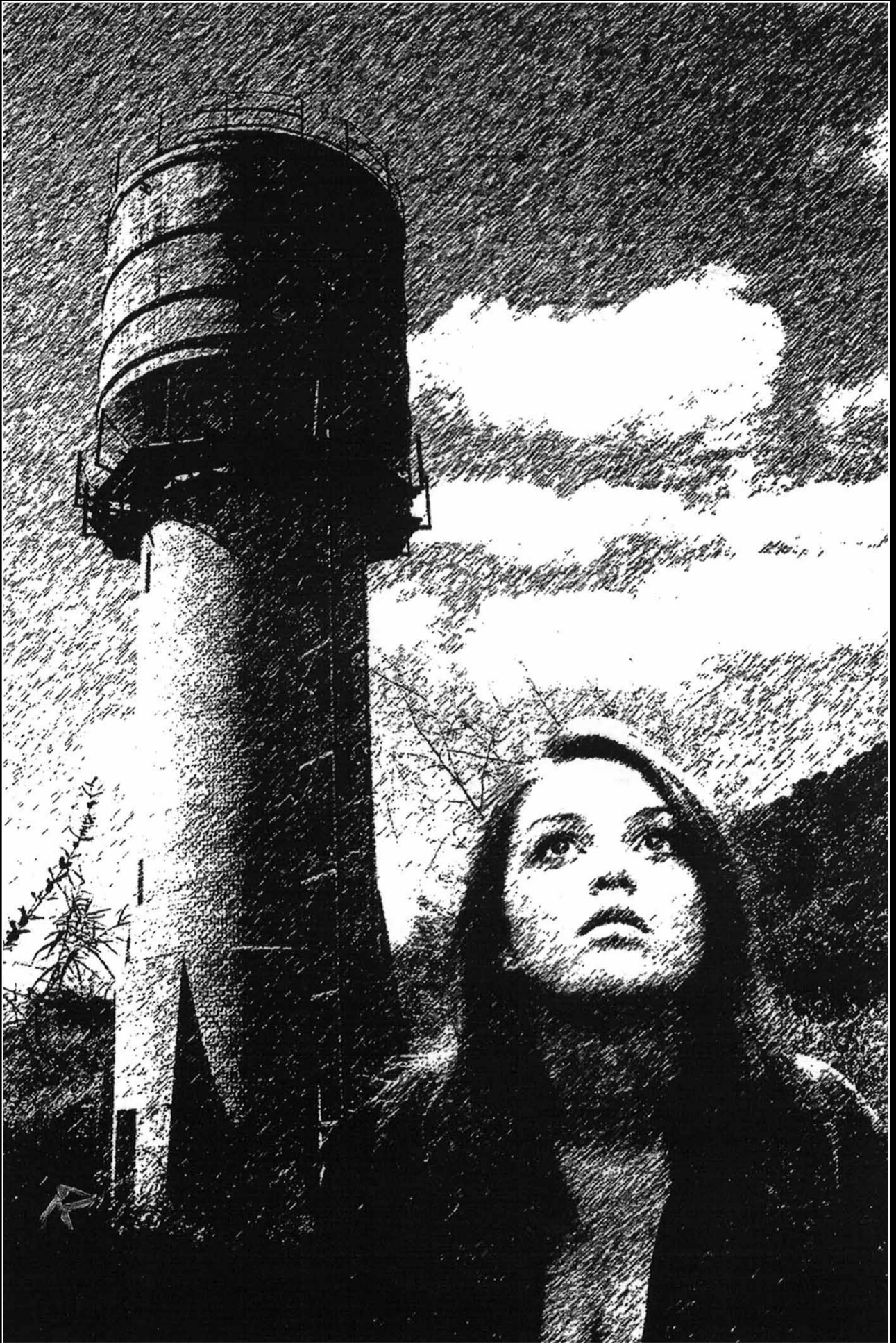
Круг ее общения в эмиграции был не менее широк, чем на родине. Она тепло общалась с Андреем Синявским и с Иосифом Бродским. Ей посвящали стихи, даже когда она была уже в преклонном возрасте. Андрей Вознесенский, когда Берберова сломала руку, посвятил ей такие строки:

*Вы выбрали пристань в Принстоне,
но что замерло как снег
в откинutom жесте гипсовом,
мисс Серебряный век?..*

*Кленовые листья падали,
отстегиваясь как клипсы.
Простите мне мою правую,
за то, что она без гипса.*

В конце восьмидесятых годов Берберова успела посетить перестроечное государство, тогда еще называвшееся Советским Союзом, но уже постепенно становившееся Россией. Побеседовала с критиками, читателями и вернулась в Америку, уже давно ставшую ее домом.

Нины Берберовой не стало 26 сентября 1993 года. Согласно ее завещанию, еще год после ее кончины в ее доме горел свет. Зачем? Никто не знает. Просто изящный жест женщины, продлившей свою и без того долгую жизнь еще на год... □

Михаил Смирнов

Дотянуться до звезды

Когда-то здесь построили город. И кипела жизнь. Люди ехали в эти края за счастьем и хорошей жизнью. Одним доставалось счастье, другим эта самая жизнь, за которой они гнались и готовы были на все, а были еще и такие, кому не перепало ничего, и такие оказывались на обочине этой самой жизни...

За городом поселок возник стихийно. Туда уходили те, кто не нашел своего счастья, за которым они приехали, а денег на обратный путь не осталось. Поселок называли Собачьей слободой. И не потому, что здесь обитали собаки, а люди, жившие тут, говорили, что они докатились до собачьей жизни. У каждого была своя история, почему он оказался в слободе. Но никто про нее не спрашивал. Захочет человек сам рассказать — поделится, а нет, так нет. Не лезли в душу. Наверное, правильно делали. Здесь было принято копаться в своей душе, но никому другому не позволяли лезть в нее грязными руками.

Из достопримечательностей можно назвать пожарную вышку и старую железную дорогу. Никто не знал, почему среди степи стоит эта самая вышка. Что здесь тушить? Но самое интересное, что вышка была, а пожарный пункт отсутствовал. И торчала она, словно палец в небо указывал, мол, все там будем. Железная дорога тоже была странной — она вела в никуда. И вечерами, когда солнце садилось за горизонт, словно золотые линии тянулись по степям. А куда по ним можно было добраться — этого никто не знал...

Танька Морозова или «Танька Шкалик» — молодая девчонка, вроде лет двадцати с небольшим, сидела на краю пожарной вышки. Рядом стоял шкалик с водкой, корка хлеба, повядший надкушенный огурец и початая пачка дешевых сигарет. Она всегда приходила сюда, когда было паскудное настроение.

А сегодня оно как раз и было. С утра в город моталась, куда приехала за счастьем после детского дома. Ей тогда много не нужно было, всего лишь капельку, чтобы почуять себя счастливой. Парня встретила. Цветы и первый поцелуй, о чем мечтала в детдоме. Влюбилась так, что готова была на все для него. И делала все, о чем бы он ни попросил. А потом парень исчез вместе с ее деньгами, документами и прочими вещами, оставив кучу долгов и огромный кукиш в придачу. Вот тебе и любовь, вот тебе и счастье, ради которого Таня проехала тысячи километров, а в конечном итоге оказалась в Собачьей слободе, когда ее выгнали с работы, выбросили из квартиры за долги, и она осталась у разбитого корыта. Первое время еще пыталась судорожно удержаться за городскую жизнь, но с каждым днем надежды ее таяли, с каждым разом она все чаще видела донышко шкалика, куда привыкла заглядывать, и еще неизвестно, чем бы закончилась ее жизнь, если бы одна сердобольная старушка не увела за собой захмелевшую Таньку в Собачью слободу. Так она и оказалась здесь...

И сегодня утром, когда она торопилась по городским улицам на овощную базу, где можно было немного подработать, неожиданно столкнулась с мужчиной, который шел под руку с расфуфыренной девицей. Танька что-то пробормотала себе под нос, и уже прошла, было, мимо них, как вдруг услышала знакомый голос — это был голос того парня, из-за которого потеряла не только голову, но и все, что имела.

— Ты?! — резко развернулась она. — Это же ты, сволочуга! Я твой голос узнаю из миллионов!

И не удержалась, врезала по носу своему «счастью», который ее обобрал. Жизнь в детдоме и в Собачьей слободе всему научила, тем более — постоять за себя. Парень упал. Девица завизжала и кинулась прочь, крича, чтобы вызвали полицию. Те приехали быстро и забрали Таньку. А что с нее взять — слободской? Танька не выдержала и разревелась. А потом рассказала допрашивавшему ее капитану, что произошло, почему она накинулась на парня. Капитан не перебивал, внимательно слушал. За день много всяких историй наслушаешься, а вот Танькина чем-то его задела. Ведь еще совсем молодая, а уже, можно сказать, нет жизни из-за какого-то подонка. И скорее всего, обратной дороги у нее уже не будет...

Он вдруг подхватил Таньку, вывел на крыльцо, исподтишка сунул полтинник в карман застиранного халата и толкнул в спину:

— Иди отсюда. Иди и старайся не попадаться. Сегодня я помог тебе, завтра меня может не оказаться на работе. Хоть хлеба себе купи, одни глаза остались.

Он снова подтолкнул ее и скрылся за дверь.

И Танька побрела по улице, с удивлением рассматривая деньги, которые сунул ей капитан. А потом заторопилась в магазин, купила хлеб, в овощном отделе взяла подвявший огурец, собралась уходить, но не удержалась, ноги сами понесли к водочному отделу. Она купила шкалик, бутылку пива и вышла на улицу...

И вот Танька сидит на краю пожарной вышки, а душа все ноет. Она не выдержала, открыла бутылку, сделала глоток. Нюхнула корочку хлеба и, передернув плечами, поморщилась. Настроение было — хуже некуда. И какого черта ее понесло в город, когда на овощную базу можно было добраться другой дорогой? Могла бы вообще в слободке остаться.

Сюда не от хорошей жизни попадали. Одни сами ломались от житейских проблем, а других город ломал, и разогнуться уже не было никаких сил. Одни еще бултыхались на поверхности, стараясь удержаться, а другие смирились и с каждым днем опускались все ниже, пока не превращались в какие-то непонятные существа. Вроде обличье человеческое, а нутром хуже скотины...

— Тьфу ты! — вырвалось у Таньки. — Чего только в бóшку не лезет! Так и свихнуться недолго...

— Танюха! — вдруг кто-то позвал ее снизу. — Ты где, наверху?

— Меня нет! — отозвалась Танька. — Здесь никого нет!

— А чьи же ноги торчат? — засмеялся голос, и Танька быстро подобрала ноги под себя. — Ага, меня не проведешь! Опять паскудный настрой, если забралась туда? погоди, сейчас поднимусь.

Из люка появился Ленька Губин, которого в слободке прозвали «Леонтьевым» за длинную, густую гриву волос. Никто не знал, откуда он взялся, а сам Ленька про себя ничего не рассказывал. Наверное, как и все, за счастьем приезжал, а оказался тут, на обочине жизни. Вообще Леонтьев был странным человеком. Не пил, как все нормальные люди, а носился с папкой под мышкой и что-то рисовал там, но никому не показывал. Говорил, что ищет себя, а когда найдет, уйдет отсюда. Не в город вернется, а отправится по шпалам старой дороги туда, где его ждут на закате дня. И махал рукой в сторону солнца. Многие жители слободки крутили пальцами у виска. Кто сюда попал, обратной дороги нет. Ну, разве на кладбище снесут, которое находилось неподалеку от них, закопают, и колышек с номером воткнут, потому что почти ни у кого не осталось документов. И получается, вроде есть имя, а после смерти один номер останется от человека. А этот

Леонтьев собрался идти в сторону заката солнца, где, по его словам, стоит Золотой город. Хе-хе! Дурачок, да и только! И снова крутили пальцами у виска...

— Тань, а что с тобой случилось? Могу чем-то помочь? — Леонтьев даже разговаривал непривычно для обитателей Собачьей слободы. Не матерился, как сапожник, что было более привычно здесь, да и слова мудреные говорил, смысл которых многие не знали, но не спрашивали, чтобы не казаться глупыми, а может, наоборот, засмеяли бы, что городит всякую ерунду.

— Гада одного повстречала, — неожиданно разоткровенничалась Танька. — Это по его вине я оказалась тут. Ну и того... Как врезала по носу, у него кровь во все стороны брызнула. А его девка орет благим матом. Полицию на помощь позвала. Ну и того... Меня забрали. А потом отпустили, когда узнали, что я живу в слободе.

Но про капитана и деньги она не стала говорить.

Леонтьев, слушая ее, хмурился, откидывал гриву волос назад, о чем-то думал и молчал.

— Понятно, — наконец сказал он. — А я издалека тебя заметил. Сюда же никто не ходит, ты да я, и все на этом. Ты приходишь, когда у тебя, как ты говоришь, паскудное настроение, а я бываю здесь, чтобы порисовать в тишине, чтобы никто не мешал и не заглядывал из-за плеча, мол, а что он, дурачок, малюет? Главное для меня, чтобы не лезли. Мне с тобой хорошо. Ты сидишь, думаешь о своем, и я сижу и спокойно рисую. И ты еще ни разу не спросила, что у меня в папке, ни разу не сказала, чтобы показал. Поэтому и общаюсь с тобой.

— А если бы попросила показать, что бы ты ответил?

— Даже не знаю... — пожал плечами Ленька. — Я покажу тебе все, но потом, когда время придет, чтобы отправиться в сторону солнца, где есть город, в котором меня ждут...

Другой бы подумал, вот дурачок какой-то, но Танька промолчала, лишь покосилась на него и снова стала смотреть в вечернюю степь.

Ей нравилось приходить сюда. Здесь было тихо. Лишь ветер гудел в пустых глазницах окон да слегка завывал, когда она забиралась наверх и усаживалась на краю. Заберется и смотрит на степь или в небо уставится. А со шкаликом в кармане вообще было хорошо. Глоточек отопьет, смотрит в дали дальние и мечтает, что когда-нибудь не удержится, соберется и отправится по шпалам старой железнодорожной ветки. Правда, в слободе говорили, что некоторые хотели уйти и даже отправлялись по шпалам, но к вечеру или на следующее утро возвращались. А спроси у них, почему вернулись, они отвечали, что конца и края этой дороге нет. Идешь, а перед глазами одни шпалы мелькают, и тишина такая, аж в ушах звенит. Страшно станови-

лось, что уйдут, а вот чтобы вернуться, сил не хватит, вот и торопились обратно — лучше жить в сарае или собачьей будке, чем пытаться дотянуться до небес.

Конечно, можно было прожить в Собачьей слободе, где все было знакомо и все знакомы. Каждое новое лицо сразу замечали, но на постой никого не пускали, как когда-то старуха пустила Таньку, но потребовала, чтобы она приносила продукты, и кивнула на топчан, где она будет спать. Документов не было, чтобы устроиться на работу, и Тане приходилось каждый день ездить на овощные базы, где можно было подработать. Она приносила бабке продукты, а для себя выкраивала шкалик, поэтому и прозвали ее так — «Танька-Шкалик».

А когда бабка померла, Таня стала полноправной хозяйкой этого сарая. Были желающие отобрать ее жилище, но ее не проведешь и не напугаешь. Как-то схватила арматуру, когда нагрянули захватчики, и устроила настоящую бойню. Так отходила арматуриной, что едва оторвали ее от «захватчиков», а то бы покалечила. С той поры никто больше к ней не совался...

Танька продолжала сидеть на краю вышки, а Леонтьев открыл папку, в которой лежали листы бумаги, и что-то чиркал там. Взглянет на нее, словно рентгеном просветит, и снова что-то рисует. Таньке хотелось взглянуть, но она привыкла никуда не совать свой нос.

Говорили, что очень давно здесь появился человек. Он пришел не из города, и никто не знал, откуда он, и как его зовут. Человек — и все на этом. Соорудил небольшую будку и стал жить. Рядом было степное озеро, мелкое и теплое, но в нем даже рыба водилась.

Человек остался жить в этих местах. Вскоре неподалеку появилась еще одна будка, а чуть позже сразу несколько пришли. Хотели занять готовое жилье, но Человек не дал это сделать. Сказал им: «Сами ставьте, если хотите жить, а нет, так уходите и больше не появляйтесь». Те помахали руками, погрозились, но все же принялись за работу. А за ними потихонечку стали тянуться другие люди, кого город выплюнул.

И все обращались за советом к этому Человеку, который часто уходил к железной дороге, садился на камень, что лежал на рельсах, и начинал петь, поглядывая вдаль, где рельсы уходили за горизонт и упирались в заходящее солнце. И было видно, что он многое повидал в этой жизни и все хотел найти свободу в этой жизни, говорил, что когда-нибудь отправится за ней. И опять начинал петь странные песни, словно ветер завывал в степи, словно ковыль шелестел неподалеку или шуршал камыш на берегу озера. Странные были песни, непонятные для одних, а другие умолкали, вслушиваясь в его пение...

Танька знала этого человека. Правда, он был уже древним стариком, когда они с ним встретилась. По дороге шла, и вдруг показалось, что кто-

то поет. Остановилась, прислушалась. Нет, ветер завывает, да ковыль шелестит. Едва шагнула, опять голос послышался. И снова ветер загудел. Она закрутила головой, пошла на звук и увидела его — этого старика, который сидел на камне, смотрел на блестящие рельсы, что уводили в дали дальние, и о чем-то пел, почти не открывая рот. А ей слышались звуки ветра и шорох ковыля в степи, потом камыш зашумел, какая-то птица закричала. Она вскинула голову. В вечернем небе никого не было, как не было ни ветра, ни шороха. Танька подошла к старику, молча присела рядом и стала тоже смотреть в дали дальние, где садилось солнце, и в нем исчезали рельсы старой дороги. Так они просидели до первых звезд. Потом старик поднялся, долго смотрел на нее, словно в душу заглядывал, а потом махнул рукой и сказал:

— Скоро я обрету свободу. А ты уходи в сторону солнца. Уходи и ничего не бойся. А здесь сгинешь, как другие, и останутся одни цифры вместо имен, но и они вскоре исчезнут, даже памяти не оставляя о тех, кто лежит в земле. — И потихонечку зашагал по дороге.

— А как тебя зовут, старик? — глянула ему вслед Танька.

— Имя мое — Человек, — не оборачиваясь, ответил он и ушел.

Танька еще долго сидела на камне и думала над его словами. А потом поднялась и тоже зашагала в слободу.

А вскоре старика не стало. Два или три дня прошло, как разговаривал с ней, а потом пропал. Здесь не привыкли интересоваться, куда уходишь или чем занимаешься. Но старика все не было и не было. Сунулись в его жилище — пусто. Танька помчалась к железной дороге, словно почувствовала, где он может быть. И правда, старик сидел, привалившись к камню, голова запрокинута и взгляд в небеса. А взгляд словно живой. Будто хотел сказать, вот я и нашел свободу от жизни земной... Похоронили его быстро. Все уйдут в мир иной, и не нужно их задерживать. А когда закопали и воткнули колышек с цифрами, Танька выдрала его, нашла кусок фанеры, прибила и крупными буквами написала — Человек. И все, кто мимо проходил, знали, что здесь покоится старик или Человек, как привыкли его называть в слободе...

— Что молчишь, Тань? — отвлек ее от мыслей Леонтьев. — Уставилась в одну точку и молчишь.

— Человека вспомнила, — вздохнула она. — Хороший был, справедливый. Все к нему шли за советом.

— Я слышал о нем, но уже не застал, — вздохнул Леонтьев. — Даже табличку видел на кладбище. Сказали, ты написала.

— Да, я написала. Как представила, что колышек сломается, и он исчезнет... Пусть память о нем останется. Давай, помянем...

Она достала из кармана шкалик, открыла его, сделала глоток, занюхала коркой хлеба и протянула Леонтьеву.

— Я же не пью, — замотал он головой. — Да и не умею.

— Выпей, Ленька! За хорошего человека грех не выпить.

— Нет, Тань, не буду пить. Лучше его в памяти сохрани. Бывает, я захожу в его жилище, сажусь за стол, где он сидел, и молчу. Слушаю. И порой чудится, что слышу голос Человека. Иногда вопросы задаю, и кажется, будто он отвечает мне. Вот так, в полнейшей тишине, посидим, поговорим с ним, а потом оставлю что-нибудь из еды на столе и уйду. А приду в следующий раз, ни одной крошки нет — видать, принял. И снова долгие разговоры в тишине. Кому сказать, дурачком меня назовут. Ну и пусть. Главное, что Человек учит меня правильно жить.

Они сидели и молчали. Поплыли перистые облака. Горизонт затянулся вечерней хмарью, и казалось, что вот-вот пойдет дождь. Ан нет, это сумерки опустились на землю. Еще немного, и наступит ночь. Здесь и ночами было интересно. В лунном свете серебрились две тонкие нитки, теряясь в горизонте — это поблескивали рельсы. И небо было сплошь усеяно звездами. Сколько их — не счесть! Танька однажды попробовала пересчитать. Долго считала. Сбивалась, снова начинала и не заметила, как уснула. И до самого утра снились ей звезды. Разные. И большие, и маленькие, некоторые даже подмигивали ей, словно здоровались. А утром проснулась и впервые за долгое время почувствовала в душе тихую радость, словно она дотянулась до небес и прикоснулась к чему-то потаенному, одной ей известному, и от этого было тепло...

— А хочешь прогуляться по шпалам? — неожиданно предложил Леонтьев и сам испугался своей смелости, но отступать было поздно. — Под вечер пошли бы навстречу солнцу. Рельсы как золотые, ковыль серебрится, и мы идем. А если приложить ухо к рельсам, можно услышать шум поездов, которые раньше тут проходили. Пойдем, а? — и покосился на Таньку.

— Что, на свидание приглашаешь? — нахмурилась Танька. — По шпалам прогуляться, рельсами полюбоваться, на серебристый ковыль посмотреть... А что дальше? Чтобы ты меня в этом самом серебряном ковыле поимел? Да пошел ты отсюда, сволочуга! И ты такой же, как остальные. Пошел вон!

Леонтьев растерялся. Он не понимал, почему Танька так разозлилась. Аж в душе зажгло, когда его оттолкнула.

— Тань, да ты что... — растерянно проговорил Ленька. — Ничего мне от тебя не нужно, я ведь просто хотел с тобой погулять. Я всегда один ходил. А вдвоем все же веселее. Тань, ты чего, а?

Танька сидела, отвернувшись, и молчала. Он долго стоял перед ней, потом вздохнул, медленно спустился вниз и отправился в Собачью слободу...

Танька прислушалась. Было слышно, как Леонтьев спускался по лестнице, о чем-то бормоча под нос. Вскоре шаги затихли. На душе у нее было тошно. Опять появилось паскудное настроение, когда злилась на всех и вся, а сейчас еще и на себя из-за этого Леньки Леонтьева. Что с него взять? Дурачок, как считали в слободе. Ну, что он мог сделать с ней в этих ковыльных степях? Да ничего! Это, наверное, со старых времен осталось из-за того парня, который оказался мерзавцем. У, как же она любила его! А в итоге оказалась в Собачьей слободе. Это он, сволочуга, виноват в том, что с ней произошло. Ладно, бабка встретилась, которая увела к себе, а то неизвестно, где бы она сейчас была. Прикопали бы где-нибудь в степи, и никто бы не узнал, где ее могилка...

Танька всхлипнула. Жалко стало себя. Может, зря Леньку обидела? Не от мира сего он. Ну какой нормальный человек будет носиться с папкой весь день по степям или сидеть на пожарной вышке и что-то чиркать на бумаге? Только дурачок на это способен. Есть и пить забывает, когда занимается своими «почеркушками». Он рядышком живет. Угол снимает у такой же старухи, к какой Танька попала. Та первое время заставляла приносить еду или деньги, а к зиме дровами запастись, но Леонтьеву бесполезно говорить. Мотнет головой и снова уткнется в свою папку. Старуха измучилась с ним, а потом махнула рукой. Ладно, живи, придурочный.

К утру Танька вернулась в свое жилище. Прилегла на топчан и сразу уснула. И снова приснился сон, будто она шагает по шпалам, рельсы золотом горят, и ковыль серебрится, а солнце низкое, глаза слепит, но Танька знает, что там ее ждет необыкновенная жизнь, и торопится. Но ноги не идут, будто связанные. Она рукой срывает путы с ног и мчится навстречу ветру, навстречу солнцу и той самой жизни....

Проснулась Танька оттого, что солнце светило прямо ей в глаза через небольшое окошечко. Она зажмурилась, а потом засмеялась. На душе было как-то светло и радостно.

— Как дела, Васька? — потянулась она в проеме двери. — Что готовишь?

Длинный, худой мужик сидел возле костра, помешивая в старой кастрюле половником.

— На рыбалку ходил, — буркнул он, немного зачерпнул, попробовал и зачмокал: — Эх, лаврушечки бы сюда, да ладно, и так сойдет. Ущицу будешь, Тань?

— Буду, если нальешь, — засмеялась Танька, и сосед удивленно посмотрел на нее. Такого почти не бывало, чтобы она смеялась. Чаще рыкала на других и, чуть что, хваталась за арматуру, которая всегда была под рукой. А сейчас...

— Тащи посудину. Угощу от души! — не удержавшись, тоже улыбнулся Василий.

Танька нырнула в свою конуру, через пару секунд выскочила оттуда и подставила ему глубокую эмалированную чашку с побитыми краями. Потом уселась прямо на пороге и принялась шумно хлебать горячую уху. Такое редко бывало, чтобы она с утра садилась поесть, а сейчас... сама удивилась, с каким удовольствием наворачивала.

— Оставь посуду, — не глядя на нее, сказал сосед. — Потом песком продраю на озере. Ты сегодня пойдешь в город? Прихвати дешевых сигарет. Сейчас мелочишку подсчитаю, — и полез в карман.

— Сама куплю, — отмахнулась Танька. — У меня сегодня настроение хорошее.

Она до вечера бродила по улицам города. Смотрела на лица людей, но не видела на них счастливых улыбок. Вдруг увидела знакомое лицо — на встречу ей шла девушка, с которой они вместе жили в общежитии, когда приехали в этот «город счастья».

— Ну и как, нашла счастье в жизни? — спросила бывшая подруга. — Много его тут?

Танька в ответ только вздохнула.

— Вот и я больше потеряла, чем нашла, — буркнула знакомая. — От зари и до зари, как каторжница, от темна и до темна — вот и все счастье, за которым сюда мчалась. Обратного бы вернуться, но увязла по уши. Того и гляди, окажусь в вашей Собачьей слободе...

— А ты не бойся слободы, — улыбнулась Танька. — Везде люди живут, а где они лучше — в городе или в слободе, — это еще нужно посмотреть. — И пошла дальше.

Она купила в магазине булку хлеба, консервы, которые никогда не портятся, макароны, соль и перец, потом, вспомнив про соседа, несколько пачек дешевых сигарет, как обычно, шкалик себе и отправилась в слободу.

Денежка у нее водилась. Нет, она не воровала, не просила милостыню, а действительно работала в городе. То на рынке листовки раздавала, то в магазинах помогала, бывало, что и за грузчика приходилось таскать тяжелые мешки и пакеты...

Танька отдала сигареты, соль и перец соседу. Сказала, что в следующий раз тоже не откажется от его ухи. Потом взяла шкалик, сунула несколько карамелек в карман, кусок хлеба и огурец и зашагала к камню, где раньше сидел Человек, который говорил о своей свободе. Что-то вспомнилось сегодня...

Камень нагрелся за день, а ей казалось, будто Человек сидел на нем и только что куда-то ушел. Чувство было столь сильное, что она оглянулась по сторонам, но вокруг не было ни души.

— Наверное, его душа приходит на это место, — пробормотала Танька, села поудобнее, прижавшись к теплomu камню, достала шкалик, стакан и прошептала: — Ну что, ты нашел свободу, Человек? — Налила немного в стакан и поставила на камень. Сама же сделала из горлышка глоток, передернула плечами и задумалась, поглядывая на позолоченные рельсы, что уводили к закатному солнцу.

Человек многие годы приходил сюда. О чем думал — неизвестно. А рельсы казались ему дорогой в другую жизнь, где все другое, а люди — тем более. Наверное, он мечтал, что когда-нибудь придет время, и он уйдет по этим шпалам в новую жизнь, где не будет забот, где нет зла и насилия, а есть счастье, за которым все гоняются, но не могут найти, и начинают винить в этом всех вокруг. И с каждым днем все чаще и чаще заглядывают в рюмку, после которой становятся счастливыми, не понимая, что это счастье всего лишь на мгновение, а потом наступит горькое похмелье, и мир покроется черными красками. И так будет длиться до тех пор, пока человек не опустится на самое дно этой самой призрачной счастливой жизни. Опустится, чтобы никогда уже не подняться...

Вдруг Танька вспомнила слова Человека, когда спрашивала его, почему же он не уходит отсюда, если знает, что «там» есть счастье? А он ответил: «Зачем мне одному это счастье? Его нужно делить на двоих. И когда ты увидишь, что счастлив твой человек, значит, и ты будешь счастливой». Вроде понятно сказал, а, в то же время, слишком путано. Счастье заключается в том, чтобы сделать счастливым другого человека. А если его мало и тебе одной не хватает, почему нужно с кем-то делиться? А Человек говорил, один не бывает счастлив. А счастлив тот человек, который может им поделиться с другими и ничего за это не попросить. Вот и пойми его. Странно и непонятно...

Она подняла глаза к вечернему небу и прошептала:

— Человек, неужели за свою долгую жизнь ты не нашел себе подобного, чтобы с ним разделить счастье? Ты же говорил о счастье, а почему хотел стать свободным? Разве свободный человек может быть счастлив, если он один в этой жизни? Видишь, сколько вопросов к тебе, а ты молчишь. Хоть бы знак подал...

Тут послышались чьи-то шаги, и Танька уже знала, кто сюда идет. Это действительно был Леонтьев со своей неизменной папкой. Он подошел к ней, присел рядом и стал смотреть на золото рельс, что тянулись в сторону горизонта и упирались в вечернее солнце. Смотрел и о чем-то думал...

Танька тоже молчала. Изредка доставала шкалик, делала глоток и снова задумывалась. Она думала о жизни. Вспоминала прошлое, когда в детском доме, куда ее забрали от пьяных родителей, она схватила чью-то куклу, которую так и не смогли отобрать у нее воспитатели, потом драки с ребятами, когда рядом не было взрослых. Она кидалась на всех, кто смел покоситься на нее или, не дай бог, что-то сказать обидное в ее адрес. Так и росла дичком, пока не покинула стены детского дома. Наверное, все руководство радостно вздохнуло, когда она вышла за ворота. Вышла и не знала, куда податься, чем заниматься. Танька вспомнила про родителей и поехала к ним. Приехала, а их, оказывается, давно нет в живых, как нет и дома, в котором они сгорели. Первые дни она ночевала, где придется, ела, что попадало в руки. А потом встретила знакомую девчонку, которая рассказала о городе, где люди живут и горя не знают. Она собирается туда, вот только денег немного подкопит и уедет. Наслушавшись этих рассказов, Танька на последние деньги купила билет и отправилась в этот город, где живут счастливые люди... Увы, никакого счастья она там так и не нашла...

Танька покосилась на Леонтьева. Он продолжал смотреть в сторону солнца, а по его глазам было видно, что в мыслях он где-то очень и очень далеко. Наверное, в том городе счастья, о котором постоянно говорит...

Она вздохнула, поднялась и зашагала в слободу. Узкая тропка, по которой изо дня в день ходил Человек, не зарастала, может, и сегодня его душа бродила по знакомым местам и присаживалась на камень, а потом снова отправилась в далекий путь.

Танька не заметила, как добрела до его жилища. После его смерти (или свободы) никто не посмел занять жилище, где он прожил всю свою жизнь, когда первым из всех пришел сюда и построил его. Никто не знал, откуда он родом и сколько ему лет. Человек и Человек, да еще «стариком» называли за глаза, но говорили с почтением.

Она немного постояла возле прикрытой двери, потом нерешительно приоткрыла ее, вошла и застыла, прислушиваясь к каждому звуку. Казалось, в жилище кто-то есть. Здесь не было затхлого воздуха, не пахло тленом, как обычно бывает, если человек умирает, не было той запущенности, какая бывает в помещении, в котором никто не живет. Здесь чувствовалось присутствие Человека, словно он сидит возле стола и смотрит на нее.

— Человек, ты здесь? — нерешительно прошептала Танька, понимая, что его не должно быть. — Человек, отзовись... Скажи, что мне делать? Ведь ты же знаешь, что отсюда всего лишь один путь — это кладбище.

Вдруг что-то скрипнуло, и она, вздрогнув, стала невольнo оглядываться, пытаясь в темноте рассмотреть жилище.

— Человек... — тихо повторила Танька, постояла немного, достала из кармана сигареты, шкалик, положила их на стол, а сама направилась к двери. И тут ей показалось, будто Человек сказал... Нет, даже не сказал, а словно выдохнул:

— Уходи отсюда, пока душа светлая... уходи туда, где солнце...

Танька прислушалась, но вокруг стояла тишина. Видать, почудилось...

Она вышла на улицу, плотно прикрыла дверь, чтобы никто не заходил и, задумавшись, отправилась к себе.

— Танька, есть будешь? — спросил сосед, увидев ее.

Она молча прошла мимо, захлопнула за собой дверь и, завалившись на топчан, стала вспоминать слова Человека: почудилось ей или это было на самом деле? И не заметила, как уснула, когда в запыленное оконце уже пробивался серый рассвет.

Очнулась Танька от стука. С улицы доносились голоса, смех, пьяная ругань. Все, как всегда. Все, как обычно.

— Кого принесло? — уставшим голосом спросила она. — Заходи, что топчешься?

В проеме двери показался сосед.

— Танька, есть будешь? Уху сварганил — закачаешься! И перчик, а лавруха — страсть, как вкусно!

— Нет, Васька, ничего не хочу. Вот скажи, может так быть, что человека схоронили, а ты разговариваешь с ним, словно с живым? Его не видишь, а голос слышится.

— Бывает, Танька, это точно, — кивнул Василий. — Я же в деревне родился, и моя бабка часто говорила, что видела нашего деда. И расписывала, будто гуляла с ним по цветущему лугу, а он все с собой ее звал. А бабка знала, что деда давно уже нет, и отказывалась. А однажды моей мамке говорит, что ее дед ждет, и она собирается уйти к нему. Мать отмахнулась, мол, чудишь, старая. Спать легли, а утром бабка не поднялась. Подошли, а лицо светлое такое, словно она чему-то радовалась. И помню, мать сказала тогда, что она к деду своему ушла. Вот и получается, что живой человек слышит голоса ушедших в мир иной и даже разговаривает с ними.

Танька долго молчала, потом снова посмотрела на Ваську и неожиданно спросила:

— Вот скажи мне, в чем заключается счастье?

— Ну, как сказать... — Васька соображал, как ответить. — Счастье — это такая штука, что сразу и не скажешь. Оно бывает разным. Я вот на прошлой неделе нашел стольничек — у, как обрадовался. Ну, думаю, счастье подвалило! Понабрал выпивона, закуси. Всех угощал. А утром еле голову поднял, так она трещала с будуна. А моя Верка как-то нашла помаду,

видать, какая-то тетка обронила. Радости было — полные штаны! И это называется счастье?

— Ну а со своей Веркой ты счастлив? — не отставала Танька.

Васька окончательно растерялся — еще про любовь бы заговорила!

— Не знаю, Танька, — пожал он плечами. — Живем и живем. Жалко, боженька детишек не дал. А то, глядишь, по-другому бы жили. Наверное, это и есть счастье, когда для других живешь, а не только для себя. Ты у бабки Евдохи с дедом Петром спроси, они всю жизнь вместе живут и везде вместе ходят. Их даже прозвали интересно. Как это... Ну, как же? А, вспомнил! Ромео с Джульеткой. О, как! А кто это такие — не помню. Наверное, счастливыми людьми были...

Сказал и замолчал.

И Танька молчала, думая над его словами.

Васька долго топтался возле двери, а потом потихонечку выскользнул и заторопился к себе.

Она тоже вышла и сразу направилась к пожарной вышке. Ей казалось, будто снова слышит голос Человека. Кинулась, было, к его камню, где он просидел долгие годы, но увидела, что никого нет, и зашагала по тропке дальше, чтобы забраться на вышку и подумать. О чем? Все о том же — о жизни, а еще о счастье, о котором он говорил...

Танька издали заметила, что на вышке кто-то сидит.

— И сюда добрались, — возмутилась она. — Ничего, сейчас я тебе покажу, и ступени не понадобятся, чтобы на землю спуститься.

Подхватив палку, что валялась на обочине, Танька стала быстро подниматься вверх. Последний пролет словно на крыльях пролетела и, схватившись за край, появилась на площадке. На краю вышки сидел Леонтьев, что-то рисовал на листке и тихо напевал.

— Ты чего сюда приперся?! — взвилась Танька. — Тебе мало места в степи? Обязательно на мою вышку нужно лезть? Не зли меня, Леонтьев! У меня сегодня паскудное настроение. А ты знаешь его. Собирай манатки и вали отсюда, пока не выкинула тебя.

Ленька начал торопливо укладывать свои вещички, рисунки и карандаши и, спотыкаясь, стал быстро спускаться с вышки.

Танька не успела сесть, как в глаза бросился листок бумаги, прижатый камнем. Может, Ленька прижал, чтобы не сдуло сквозняком, а может, случайно под камень попал, и он не заметил. Танька потянулась, вытащила листок и с недоумением уткнулась в него. На нем был изображен профиль девушки, и она неожиданно узнала в ней себя. Задумчивый взгляд, такой бывает, когда она смотрит с вышки и думает о чем-нибудь, вытянутая рука, а на ладони светится первая звезда, вдаль — заходящее солнце, и на его

фоне едва заметен необычный город. Не этот город счастья, куда все слетались, словно мотыльки на свет, и погибали, а другой. И к этому городу на фоне солнца тянулись рельсы. Она узнала их. Это рельсы, где стоял камень Человека, и они упирались в заходящее солнце. А ведь Человек говорил ей, что...

Танька вскочила, подбежала к краю, увидела, что Леонтьев уже далеко отошел от пожарной башни, и крикнула:

— Леонтьев, Ленька, Вернись!

Но Леонтьев продолжал шагать по тропке в сторону слободы.

— Ленька, сволота, вернись! — снова закричала она. — Ты знаешь мой характер. Я кому говорю? — она потопталась, глядя ему вслед, а потом нерешительно прошептала: — Ленька, вернись, прошу тебя...

Непривычно было говорить такие слова. Но Ленька словно услышал или почувствовал их. Остановился. Оглянулся на башню, где стояла Татьяна с опущенными руками, держа его рисунок, и повернул обратно. А когда появился наверху, впервые заглянул в ее глаза. И не нужно было отворачиваться и бояться, не нужно было исподтишка смотреть на Татьяну. Он стоял, смотрел, и ему казалось, что в ее глазах отражалась вся огромная степь с необъятным небом, а еще было что-то такое, отчего екнуло сердце, и на душе стало теплее...

Они сидели на башне. Много не разговаривали, больше о чем-то думали. Татьяна взяла папку и долго рассматривала рисунки. Они были разные, но, в основном, на них был изображен город. Чудный город, необычный.

— Откуда это? — спросила она, кивая на рисунки.

— Я бывал там, — покосился на нее Ленька.

— А почему вернулся, если там живет счастье?

— За тобой пришел, — чуть помедлив, ответил Ленька. — Так велел Человек.

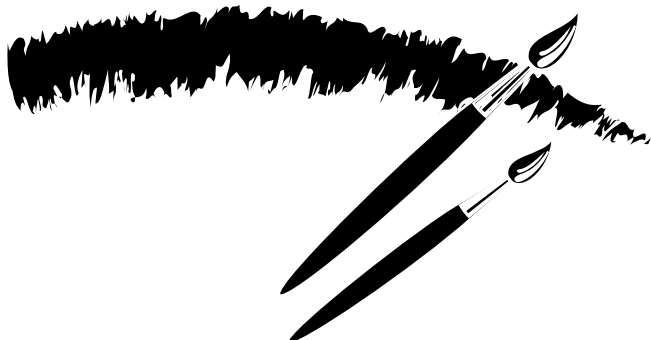
Танька не стала спрашивать. Сам расскажет, когда придет время. Она не могла оторваться от рисунков.

А когда наступил вечер, и солнце стало клониться к закату, они спустились с башни и пошли... Нет, не в Собачью слободу, а зашагали по шпалам в сторону заходящего солнца, где должен быть город, который она видела на рисунках, и про который Человек говорил, что там находится счастье...

Над их головами простиралось бездонное ночное небо, и перемигивались первые звезды, до которых хотелось дотянуться. А впереди был город — город счастья... □

КОРОЛЕВА ДЕТЕКТИВА

И ХУДОЖНИК-СКАНДАЛИСТ

*Оскар Кокошка.
Автопортрет*

Известно, что самая тиражируемая книга в мире — Библия. Говорят, что на втором месте — пьесы Шекспира, а вот на третьем — сочинения Агаты Кристи — общее количество изданных ее книг огромно — более миллиарда на английском языке и более миллиарда — на других языках мира!

В 1970 году ей должно было исполниться 80 лет, и семейство писательницы решило сделать пода-

рок юбилярше. Причем он должен был быть достоин командора ордена Британской империи: это высокое звание было даровано королевой Агате Кристи в 1956 году. (Кстати, в 1971 году за достижения в области литературы она была повышена в степени до Дамы-командора того же ордена, обладательницы которого также приобретают дворянский почетный титул «дама», употребляющийся перед именем).

Каким же должен быть этот подарок? Решение сей сложнейшей проблемы долго не находилось. Но однажды внук Агаты Кристи, сын ее единственной дочери Розалинды, 26-летний Мэтью Причард зашел в известную галерею Вольфганга Фишера в центре Лондона. Шел ливень, и галерея казалась таким уютным местом, где можно переждать дождь и с пользой провести время, приобщившись к высокому искусству: у Фишера выставлялись работы знаменитого австрийского художника Оскара Кокошки. Картины, а там было много портретов, — Мэтью понравились: они отличались какой-то сумасшедшинкой, каким-то удивительным, но вполне себе оптимистичным безумием, юмором, психологизмом и явной любовью к портретируемому. Мэтью обожал свою бабуку — она много вложила в него: в детстве она рассказывала ему сказки, гуляла с ним, а когда он стал постарше, они вместе ходили в театры, смотрели кино, ездили в Байройт, место, где все дышит Вагнером и его музыкой, а еще он с восторгом читал ее книги. Она помогала Мэтью понять людей, понять себя... Может, заказать Кокошке портрет бабушки?

Оказалось, что супруг Агаты мистер Мэллоуэн хорошо знал Оскара Кокошку и полагал, что этот художник достаточно хорош и знаменит, чтобы написать портрет его жены. Итак, решено, семейство Кристи подарит Агате портрет кисти этого из-

вестного австрийского художника, приятеля Климта, современника Шиле. Но сначала нужно было уговорить Кокошку — избалованный славой, уже очень немолодой, он совсем не стремился получать новые заказы. У него болели суставы, он уже устал от суетливого Лондона, а дома, в Швейцарии, его ждали сад, письменный стол — он увлеченно писал воспоминания, и еще множество самых разных дел... Конечно, он читал пару книг Кристи — она бывает весьма забавна, эта сочинительница, и порой придумывает весьма неожиданные повороты сюжета, но писать ее портрет — увольте! Однако, когда он рассказал о просьбе родственников известной детективщицы своей жене Олде, она, статная дама, моложе его лет на тридцать, женщина трезвомыслящая и вполне разумная, к тому же умеющая считать деньги, заметила, что, пожалуй, они уже все равно здесь, в Лондоне, и легко могут еще немного задержаться, а лишние деньги, да к тому же весьма внушительная сумма, о которой шла речь (15 000 фунтов стерлингов), им не помешают. А может, она читала книги прославленной королевы детектива и, как и читатели всего мира, полюбила ее героев — смешного господина с роскошными усами, бельгийца мсье Пуаро и милую старушку мисс Марпл. И Кокошка согласился — он писал портреты уже стольких уважаемых людей — живописцев, политиков, врачей,

Портрет Агаты Кристи

пусть в его галерее знаменитостей будет и эта английская писательница. Только вот нужна будет ее детская фотография — как она выглядит сегодня, он увидит, но чтобы точнее отобразить ее личность, характер, ему нужно посмотреть, какой она была в детстве. И Мэтью принес Кокошке фотографию маленькой Агаты — ей 5-6 лет, платье с кружевным воротничком, все вроде обычно, и только взгляд какой-то не совсем детский у этой девочки, будто она все уже понимает про вас...

А еще нужно было договориться и с самой миссис Кристи. Поначалу

она встретила идею в штыки. Ни за что! Она никогда не слышала об этом Кокошке. Он замечательный художник, австриец, бежал от Гитлера в Прагу, потом в Англию, теперь живет в Швейцарии, объяснил ей муж Макс Мэллоуэн, профессор археологии Лондонского университета. И Агата согласилась, она готова позировать Кокошке, но с условием: пару — ну, или три раза. Но тут же встал в позу художник. Три сеанса — это ничто! Он должен узнать своего героя, должен увидеть его, почувствовать. Не менее шести сеансов! Он никогда не халту-

рит, а что можно сделать за три сеанса — только халтуру! В конце концов они сошлись на шести сеансах.

И начались эти долгие сеансы, долгие беседы... Постепенно художник и писательница становились все ближе и ближе, во время этих долгих часов два немолодых человека говорили о самом разном — и, конечно же, вспоминали свою жизнь...

Миссис Агата с удовольствием рассказывала о своем детстве, о том, как ей было интересно жить в кругу литературных героев, среди вымышленных персонажей...

Королева детектива родилась 15 сентября 1890 года, в местечке Торки, в Девоне, на берегу Ла-Манша. Тогда ее звали Агата Миллер. У нее были старшие брат и сестра — Мэдж и Монти. Их мать, Кларисса, слыла дамой непростой — оставив англиканскую церковь, она стала

приверженкой зороастризма, потом увлеклась буддизмом, спиритизмом и теософией. Отец, мистер Фредерик Миллер, был гораздо прагматичнее и прозаичнее своей жены — американец, он жил на деньги, которые получал, сдавая свою американскую недвижимость, а время проводил в клубах — читал газеты, общался с приятелями, а еще — покупал антиквариат. И книги. Его библиотека была любимым местом маленькой Агаты. В пять лет она освоила грамоту и принялась запоем читать — кельтские саги, приключения Шерлока Холмса, сочинения Шекспира, Диккенса, Вальтера Скотта. А в восемь лет сочинила свой первый рассказ, который члены ее семейства с удовольствием разыграли на домашней сцене.

В 1901 году после многочисленных сердечных приступов умер отец. Кларисса была в полном отчаянии — она осталась одна, с тремя детьми и в очень шатком финансовом положении. В это трудное время именно Агата была помощницей и опорой матери.

В 18 лет она окончательно поняла, что сочинять — это то дело, которое ей удастся лучше всего и которое ей интереснее больше всего.

Во время Первой мировой Агата работала медсестрой в госпитале Международного Красного Креста в Торки. Ей нравилось приносить вполне конкретную и осязаемую помощь раненым. Медицина, говорила она Кокошке, «одна из самых полез-

Слева: *Альма Малер и Оскар Кокошка*

«Обрученная с ветром»

ных профессий, которой может заниматься человек». А потом какое-то время Агата работала фармацевтом в аптеке — отсюда, по ее словам, и появилось знание всяческих ядов, которые с успехом используют некоторые герои ее книг.

А потом она влюбилась. Ее избранником стал лейтенант Арчибальд Кристи, пилот Королевского летного корпуса. Они познакомились в 1912 году, а через два года поженились — в это время он уже был полковником. Почти сразу после свадьбы Кристи

вернулся на военную службу. Настоящая их семейная жизнь началась только в январе 1918 года. 5 августа 1919 года миссис Кристи родила дочь, которую назвали Розалинда, а в следующем году «родился» и ее первый роман — «Загадочное происшествие в Стайлзе». Роман напечатали тиражом 2000 экземпляров, а гонорар составил 25 фунтов стерлингов. Так скромно стартовала карьера королевы детектива.

Все складывалось совсем неплохо — Розалинда росла, Агата сочи-

*Двойной
портрет —
Оскар Кокошка
и Альма Малер*

няла свои истории, муж был внимателен, а в 1922 году они совершили чудесное путешествие — побывали в Африке и Австралии, в Америке и на Гавайских островах. Но наступил 1926 год... В том году умерла мать Агаты, а в начале декабря она узнала, что ее обожаемый супруг влюбился в свою партнершу по гольфу, красотку Нэнси Нилл, и хочет развода. После бурного скандала с Арчи Агата... исчезла. в неизвестном направлении из своего дома в Беркшире, оставив маленькую Розалинду на няньку. Об этом писали все

газеты — ведь она, автор уже шести замечательных детективных романов, была известна в стране и любима читателями.

Одиннадцать дней о том, где она, жива ли вообще, никто ничего не знал. Наконец 14 декабря ее обнаружили в ресторане фешенебельного спа-отеля «Swan Hydropathic Hotel» в Харрогейте, в графстве Норт-Йоркшир. Сидя за столиком, писательница изучала статьи о своем исчезновении и действиях полиции. Выяснилось, что Агата зарегистрировалась в отеле под фамилией

своей соперницы, назвавшись Терезой Нилл. Миссис Кристи и не пыталась объяснить, что ею двигало, когда она ушла из дома и скрывалась от всех эти 11 дней. Но несомненно одно — такой побег из действительности был вызван глубочайшим шоком...

Об этой истории в семье писательницы предпочитали не говорить. Прежде всего сама миссис Агата словно забыла все это. Вряд ли она рассказывала об этом грустном эпизоде Кокошке, но, конечно же, не могла не сказать, что в 1928 году развелась с бравым полковником Кристи.

А потом, наверное, предложила художнику: «Давайте теперь поговорим о вас. Расскажите мне немножко о себе». И Кокошка стал вспоминать...

Он родился 1 марта 1886 года. Его отец происходил из известного рода пражских ювелиров, но сам ничего в жизни не достиг — был ленив и много пил. Мать Оскара, женщина простая, как могла, старалась заработать на жизнь себе, мужу и ребенку и не чуралась самой тяжелой работы. В школе Оскар особыми талантами не отличался, зато все время что-то рисовал. Окончив школу, он собрал свои рисунки и подал их на конкурс в Венскую школу искусств и ремесел. И его приняли! Отец, брюзжа, предсказывал ему нищее будущее заурядного художника, зато мать гордилась и верила в своего талантливого мальчика. Он еще всем покажет! Среди его преподавателей был Густав Климт, и Оскар

многому у него учился. А еще увлекался литературой, даже писал сам. Его основными темами были секс, насилие и вечная борьба мужчины и женщины.

В 1908 году открылась первая выставка Кокошки, и тогда его работы — эротичные, очень откровенные — вызвали настоящий скандал. Скандалом закончилась и постановка в одном из венских театров его драмы «Убийца — надежда женщин».

Как-то он познакомился с известным венским архитектором Адольфом Лоосом, который сыграл большую роль в его жизни, став покровителем, мудрым советчиком, помогая художнику и материально, и духовно. Оскар вспоминал о нем с большой благодарностью и теплотой.

Постепенно Кокошка стал известным героем венской богемы. Об этом огромном атлете с бритой головой в Вене тогда много говорили — говорили и о буйстве его живописи, и о буйстве его характера. А в 1911 году в его жизнь вошла Альма Малер, вдова композитора Густава Малера... Не просто вошла, он был буквально одержим ею до помрачения рассудка.

Познакомились они благодаря отчиму недавно овдовевшей Альме, который однажды пригласил скандального художника к себе в гости. Зная его работы, Карл Молль посоветовал красавице Альме — пусть попросит художника написать ее портрет. Что она и сделала.

Альму нельзя было назвать красавицей — крупные черты лица,

полноватая фигура, тяжелая походка. Но мужчин она словно гипнотизировала.

Кто только за ней не ухаживал! Густав Климт и композитор Александр фон Цемлинский; директор Венской оперы и композитор Густав Малер, ставший ее мужем, посвятил ей свою самую известную симфонию — Восьмую. Среди ее поклонников были один из ведущих архитекторов XX века Вальтер Гропиус и классик австрийской литературы Франц Верфель (эти двое были ее мужьями). Вот и Кокоска пал жертвой женского обаяния Альмы.

Позже она так рассказывала об их первой встрече: «Он принес с собой оберточную бумагу и сразу захотел меня рисовать. Но я, колебавшись, сказала: мне неловко, когда меня так пристально разглядывают, и попросила позволить мне во время сеанса играть на рояле. Он начал рисовать; время от времени его сотрясали приступы кашля, и он потихоньку прятал в карман испачканный кровью платок. На нем были драные ботинки и поношенный костюм. Мы почти не разговаривали, но, несмотря на это, он никак не мог сосредоточиться на работе. Наконец мы встали — и вдруг он страстно обнял меня. К подобному обращению я не привыкла и никоим образом не ответила ему. Видимо, это подействовало на него сильнее всего...» А Кокоска писал о той их первой встрече так: «Она была столь прекрасна,

столь обольстительна в своем трауре! Она меня околдовала!» На следующий день Альма получила от него письмо. Покоренный ее красотой, художник умолял ее «пока он еще беден, стать его тайной женой». Конечно, она не восприняла дерзкое предложение всерьез, но этот молодой человек, полный какой-то первобытной силы, неистовый и в то же время трогательный, заинтересовал ее. Через пару дней она пришла в его номер в дешевой гостинице. И начался страстный роман, мучительный, принесший им обоим невероятные страдания, но и невероятное счастье. «Три года, проведенные с ним, были для меня сплошной яростной и любовной борьбой. Никогда до сих пор не испытывала я столько безумств, столько адских мук, столько райских наслаждений», — писала спустя многие годы Альма.

Оскар хотел, чтобы она принадлежала ему целиком. Когда они были вместе, он или ласкал ее, или рисовал. А когда ее не было рядом, писал ей сумасшедшие, любовные письма. Она вдохновляла его, рождала в нем невероятные творческие порывы. В 1913 году он написал картину «Обрученная с ветром». Мужчина и женщина, обнявшись, парят в облаке страстей, светлых и темных, и различить их не может никто. Настоящий гимн любви. А еще был «Автопортрет с Альмой» и многие другие картины и рисунки. На одних его картинах Альма — красавица, на других — страшное чудовище. «Ты должна как мож-

«Портрет с куклой»

но скорее стать моей женой, иначе мой огромный талант пойдет ко всем чертям, — писал он ей. — Ты должна каждую ночь воскрешать меня заново, как волшебный напиток...»

Мать Кокоски была категорически против, как ей казалось, старой, мучавшей ее сына Альмы. Она даже говорила, что готова застрелить эту страшную женщину, терзающую ее мальчика. Но он — он не мог без Альмы жить.

Однажды в порыве ревности он ударил Альму в живот, а она в это время была от него беременна. Альма попала в одну из венских больниц, у

нее случился выкидыш. После этого она твердо решила, что уйдет от Оскара. «Нужно расстаться с Оскаром, — писала она в своем дневнике в августе 1914 года. — Ему больше нет места в моей жизни. Он отнимает у меня все силы. ...Мы должны поставить точку. Но он все еще нравится мне. Очень нравится, слишком нравится!.. Какой дьявол послал его мне!»

Ей было очень трудно избавиться от него, но тут началась Первая мировая война, и Кокоска записался в элитный драгунский полк. Долго воевать ему не пришлось — уже через месяц в Галиции его серьезно

*Оскар
Кокошка*

ранили: пуля попала в голову, а штык пробил легкое. Оскар оказался в госпитале. Он тут же попросил Альму через знакомых приехать к нему, но она уже полностью себя контролировала. «Оскар стал для меня чужой тенью. И все же я очень его любила», — признается она на страницах своего дневника. — Но теперь он меня больше не интересует».

Оправившись после ранения, Кокошка вернулся в Вену. Сколько раз он стучался в двери дома Альмы, но она была непреклонна, а в 1915 году вышла замуж за архитектора Гропиуса.

Поняв, что Альма потеряна для него навсегда, Кокошка в отчаянии заказал куклу в человеческий рост — ее сделала мюнхенская художница

Эрмина Моос. Эта кукла была как две капли воды похожа на Альму. Оскар часами разговаривал с ней, клал в свою постель, ходил с ней в театр. А однажды его друзья, придя к нему в дом, увидели, что у кукольной Альмы весь рот измазан в чем-то красном. «Это кровь, — хмуро объяснил Оскар. — Она всегда пила мою кровь. И сейчас продолжает это делать». Неудивительно, что многие решили — Кокошка натуральным образом сошел с ума! То, что произошло позже, только подтвердило это предположение. Както, созвав друзей и напившись, Оскар облил игрушечную Альму красным вином и с криком «Убьем ведьму», топором разрубил ни в чем не повинную куклу на куски. (Спустя многие годы кукла эта была восстановлена и ныне хранится в Венском музее изящных искусств.)

Так закончилась эта история.

В 1919 году Оскар переехал в Дрезден,

приобрел там дом и студию и стал преподавать в Дрезденской академии художеств. Его репутация смутяна и ниспровергателя нравственных устоев ушла в прошлое. Его пьесу «Убийца — надежда женщин» поставили в театре, его картины выставлялись в картинных галереях, и не только в Австрии и Германии, но и в Италии.

В 1937 году картины Кокошки были выставлены на знаменитой мюнхенской выставке «Дегенеративное искусство», среди других шедевров искусства XX века. Увы, нацистам он не нравился, и пришлось бежать... сначала в Вену, потом — в Прагу. Там он познакомился с Олдой Павловской. Она была хороша собой, обладала легким, веселым характером и научилась не уставать от Оскара и его безумств. Ему было уже около 50, и так захотелось спокойной жизни, верного друга рядом с собой. Олда стала таким верным другом и любящей, нежной женой, к тому же она была молода, на 29 лет моложе его! Они поженились в 1941 году, и с тех пор она всегда была рядом с ним...

Успех снова пришел к художнику в 1945 году, когда в Вене открылась выставка работ лучших австрийских художников XX века — Климта, Шиле и Кокошки. Затем его работы выставлялись в лучших музеях мира. К нему пришла заслуженная, заработанная большим трудом, страданиями и вдохновением мировая сла-

ва. Но Кокошке все это было уже не нужно. Переехав в тихую Швейцарию, он жил вдали от мира искусства, вспоминал прошлое и писал автобиографию (под названием «Моя жизнь» она вышла в 1971 году).

А у Агаты Кристи вторая половина жизни, жизнь после Арчи Кристи, тоже складывалась непросто, и в ней тоже были любовь и работа. И слава.

В 1930 году, путешествуя по Ираку, она попала на раскопки в Уре. Там Агата познакомилась с археологом Максом Маллоуэном. Он был моложе ее почти на четырнадцать лет, что нисколько не помешало им полюбить друг друга. Понятное дело, многие не поняли, как этот молодой и подающий большие надежды археолог мог влюбиться в 40-летнюю писательницу, отнюдь не отличающуюся красотой. Но несмотря ни на что, они поженились, и всю оставшуюся жизнь прожили душа в душу. Говорят, Кристи так объясняла влюбленность в себя Мэллоуэна: для археолога женщина должна быть как можно старше, ведь тогда ее ценность значительно возрастает.

Вторая мировая война принесла горе в ее семью. Муж Розалинды Хьюберт Причард погиб в бою во Франции. Агата работала волонтером в госпитале и помогала дочери справляться с маленьким Мэтью. После войны с увлечением трудилась с мужем на раскопках и даже придумала свой способ по сохранению артефак-

тов — протирала находки губкой, пропитанной косметическим кремом. А еще ее слава и популярность способствовали в поиске денег на работы мужа в восточных странах...

И вот теперь, во время сеансов позирования Кокошке, она рассказывала об этих экзотических землях, о тамошних людях, традициях, самых разных ситуациях, которые так или иначе находили место в ее романах.

Во время сеанса Кокошка выпивал полбутылки виски, которые каждый раз для него были заботливо заготовлены. Агата любила постукивать пальцами по ручке кресла, и Кокошка показывал это на портрете.

Так и прошли в замечательных беседах и воспоминаниях эти шесть сеансов позирования.

Наконец, к середине мая, работа была закончена. Взглянув на полотно, Агата воскликнула: «Какой ужас! Очень пугающе! Но все это мне кого-то напоминает...» А затем, рассмеявшись, добавила: «Оскар, да вы, как я погляжу, поклонник моего большого носа! Он вам явно понравился и пришелся по душе». А в письме своему литагенту Эдмунду Корку написала: «На портрете я выгляжу важной персоной».

Портрет получился живым и остроумным. Величественная старая женщина сидит в кресле. Немножко похоже на шарж, карикатуру, но написано так по-доброму, с таким юмором! И характер леди Мэллоуэн явно схвачен!

В последний день работы над полотном леди Агата сказала Кокошке: «Оскар, наш блестящий финал следует отметить праздничным обедом». «Агата, мне пинту «Guinness» и три селедки с вашего позволения», — поддержал художник.

А потом все так или иначе занятые в этой истории люди — Мэллоуэны, Причарды и Кокошки — отметили окончание работы над портретом в одном из любимых заведений Агаты Кристи — ресторане клуба «Boodle's». Агата сдержала слово, и Оскар получил свою заслуженную награду — порцию пива и три копченые селедки. Сдержали свое слово и Мэтью с Марком — Оскар получил также и свои честно заработанные 15 000 фунтов стерлингов. Олда была довольна. Некоторое время они смогут с Оскаром жить, ни о чем не беспокоясь.

Агата Кристи прожила еще 7 лет. Она умерла 12 января 1976 года, в возрасте 85 лет. И весь читающий мир скорбел об этой утрате.

Оскар Кокошка пережил свою знаменитую модель на четыре года. Он скончался в 1980 году в госпитале в Монтре, тихо и достойно, оставшись в истории искусства как один из самых ярких, противоречивых и страстных художников XX века.

P.S. История встречи писательницы и художника, история создания портрета Агаты Кристи Оскаром Кокошкой вошла в литературу — ей посвятила свой роман «Двойной портрет» современная шведская писательница Агнета Плейель. □

Павел Новиков — ведущий актер Театра Романа Виктюка. Он обладает красивым дикторским — «левитановским» — голосом, что редко сегодня и крайне важно. Его можно увидеть почти во всех спектаклях театра: «Маскарад маркиза де Сада», «Танго», «Пир», «Орфей», «Мелкий бес», «Сказка о царе Салтане», «Мастер и Маргарита», «Коварство и любовь», «В начале и конце времен» и других.

Фото из личного архива

Павел Новиков

Работа в театре — это постоянный творческий процесс и постоянная работа над собой

— Павел, как вы пришли в Театр Романа Виктюка?

— Все произошло совершенно случайно. Моя жена Александра, тоже актриса, предложила пойти вместе с ней попробоваться в Театр Виктюка. Поначалу я ей возразил, потому что не имел представления об этом театре; единственное, когда я еще работал в Самаре, то в городе видел афиши спектаклей Театра Ро-

мана Виктюка. В результате приняли решение и вместе отправились утром в театр. Пришли на просмотр первыми. На тот момент у меня была застужена шея, и двигаться я толком не мог. Ну, думаю, будь, что будет.

Роман Григорьевич меня сразу поставил к станку, помню, как я старался, пыхтел, кричал. В итоге, жене Роман Григорьевич в театр не взял, а мне сказал придти на репе-

тицию постановки «Коварство и любовь» по одноименной пьесе Фридриха Шиллера, и это был мой дебют — роль Вурма.

А потом у меня начались вводы в другие постановки. Сам процесс работы с Виктюком всегда был невероятно интересным, творческим.

— Роман Григорьевич говорил, что все его спектакли как

родные дети, кто-то старше, кто-то младше... А какие роли вам особенно нравятся?

— Любимых ролей у меня нет, я могу выходить и в массовке, и в главной роли, для меня они все равноценны. Это работа, и ее нужно любить, нравится тебе твой герой или нет. Нужно выходить на сцену к зрителям — радовать их или печалить. Главное, чтобы все было «чисто», как всегда говорил Роман Григорьевич. Работа в театре — это постоянный творческий процесс и постоянная работа над собой, над ошибками.

— До переезда в Москву вы работали в Самаре?

— Два сезона служил в драматическом театре «Камерная сцена», у режиссера и его основателя — Софьи Борисовны Рубиной. Театр молодой, в этом году ему исполнится 30 лет, в его репертуаре много классических произведений. Софья Борисовна продолжает традиции русского психологического театра. В свое время она занималась в режиссерских лабораториях у Леонида Хейфеца и Камы Гинкаса.

— Кто-то повлиял на выбор профессии, или это было чисто ваше решение?

— Музыка повлияла на мой выбор стать актером и всегда помогает в жизни.

Я родом из Набережных Челнов, после школы учился в Казанском те-

атральном училище. Перед поступлением видел в театре только два спектакля: один был кукольный, а второй — антрепризный — «Мастер и Маргарита». Но этот спектакль я запомнил навсегда, Воланда играл Виктор Авилов, полюбившийся многим по фильму «Граф Монте-Кристо».

С детства я всегда очень любил музыку, со временем стал увлекаться

крытой эмоцией. До работы с Романом Григорьевичем, как актер, я не понимал, как следует управлять своими эмоциями.

Театр — это не кино, и если у артиста появляется эмоция, то она должна быть максимально открыта. Это в кино можно добавить смысл крупным планом, музыкой, а в театре все должно быть преувеличенно, выпукло.

Фото Вадима Балакина

так называемой «тяжелой музыкой», экстрим-вокалом и даже был целый год вокалистом в группе, но сочетать это с работой в театре, увы, невозможно, времени на это не хватает.

— Павел, чему вы научились у Романа Виктюка?

— Именно Виктюк научил меня, как нужно правильно работать с от-

Если сравнивать с живописью, то нужно работать жирными, крупными мазками, работать с красками не кисточкой, а лопаткой. Виктюк учил, что актеру нужно все делать не только «чисто», но и чтобы все было исполнено максимально эстетично.

— «Я занимаюсь только вечностью, горизонтальное меня

не интересует» — так говорил Роман Виктюк. В 1988 году он поставил свою первую легендарную «Федру» с Аллой Демидовой в заглавной роли. Этот спектакль по-прежнему уникален и вызывает неизменный интерес у публики. С этого сезона вы играете Тезея в «Федре» по пьесе в стихах Марины Цветаевой...

— Изначально я репетировал эту постановку, но, к сожалению, из-за травмы пришлось сойти с дистанции. И в этом сезоне, восемь лет спустя, я вернулся в этот спектакль. Постановка «Федры» — поэтической драмы — уникаль-

на, потому что Роман Виктюк тонко чувствовал и очень хорошо знал творчество Марины Цветаевой.

В «Федре» у меня роль Тезея, мужа Федры. Тезей в юности предал свою невесту — Ариадну, и богиня Афродита прокляла его за это и с тех пор мстит за свою любимицу. Человек, нарушивший обет, по Цветаевой, больше не властен над своей судьбой, он становится игрушкой рока. Драма Цветаевой «Федра» — это гимн трагической любви.

— Роман Григорьевич дружил с Еленой Васильевной Образцовой, и эта постановка посвящена ей, премьера состоялась в июле 2015 года, ко дню ее рождения... Вот слова самого мастера: «Не буду говорить «любимая актриса», потому что она больше, чем актриса. Просто любимая и единственная. Из всех прим, больших актрис, которые играли в моих постановках, только Образцова обладала редким да-

ром — способностью любить бескорыстно и преданно. Она была очень верным, чистым, духовным человеком»...

— В «Федре» — в финале — звучит одна из последних записей ве-

люблю русских классиков-эстетов: Владимира Набокова, Ивана Бунина, Константина Паустовского — мне нравится их манера письма, стиль, работа со словом. Книги этих авторов для меня как

ликой певицы, она была сделана специально для этого спектакля... Елена Васильевна ушла из жизни за полгода до премьеры...

— Павел, любите ли вы литературу и что из книг вы читаете?

— Я большой любитель книги в любом жанре, правда, у меня есть любимый автор — это фантаст Станислав Лем, а в целом — все великие, от Альбера Камю до Габриэля Гарсия Маркеса. Очень

мед, получаю огромное наслаждение. Из исторической литературы люблю Валентина Пикуля — мне нравится познавать историю своей страны.

Вообще считаю, что чтение — это единственное спасение для человека, потому что в книге есть ответы на многие вопросы, и всегда есть правда. Кто-то из священников сказал, что у мужчины должно быть два друга — книга и турник, и я с этим полностью согласен.

Еще люблю детективы. У меня в жизни бывает напряженный, непростой период, когда в театре несколько вводов в спектакли, дома — маленькие дети, которыми надо заниматься, и тогда меня спасает чтение детективов. Несмотря на то, что мозги загружены текстами и информацией, я успокаиваюсь именно с книгой, детективы — это как массаж для головы. нравятся все произведения Джеймса Хедли Чейза, какой же великолепный автор!

— Какие фильмы, спектакли в свободное время вы предпочитаете смотреть?

— У меня специфический вкус: люблю режиссеров Германа старше-

го и младшего, в свой день рождения с женой и братом смотрели предварительную премьеру картины «Трудно быть Богом», фильм шел три с половиной часа. Нравится театральный режиссер из Перми — Сергей Федотов, его спектакли тяжеловесны, но они поражают. Он — создатель и руководитель Пермского театра «У моста». Интересно, что это единственный театр в мире, где поставлены восемь пьес МакДонаха.

Не так давно открыл для себя итальянского режиссера Паоло Соррентино, понравились многие фильмы: «Молодость», «Молодой Папа», «Новый Папа», «Великая красота» ...

— Вы много гастролировали с театром Виктюка, куда хотелось бы вернуться?

— География обширна, есть города с наибольшей концентрацией образованных людей, куда всегда хочется вернуться. Есть театры, где интересно работать — особая атмосфера в Таганроге, в драматическом театре имени Чехова. Нравится Иркутский драматический театр — помпезный, имперский, но при этом мягкий, «зефирный». Это для меня лучшие гастрольные площадки в России, где мне очень хорошо.

В наших южных городах — Краснодаре, Ростове-на-Дону — случилось так, что публика подпевала музыкальному сопровождению на спектакле «Мастер и Маргарита». В Новосибирске, Академгородке, в Обнинске, Ангарске — в этих научных городах спектакли идут при полной тиши-

Фото Полины Капицы

не тысячного зала. Такое впечатление создается, что зрители «раскалывают орешки», заложенные автором и режиссером постановки. Играть в таком зале — это большой плюс.

Запомнились гастроли в Израиле, например, в Тель-Авиве, где проживают выходцы из нашей страны — эмигранты 60-70-х годов. Они, их дети и внуки с удовольствием приходят на наши спектакли и всегда нас с нетерпением ждут.

— Драматург Валентин Красноголов — автор пьесы «Иллюзии любви», которая с успехом идет в вашем театре, — бывший мэтр Хайфы. Вы блестяще играете в этом спектакле...

— Спектаклю уже двадцать лет, но он по-прежнему актуален и инте-

ресен. Было время, когда я впервые увидел его и просился играть в массовке, но ввели меня в «Иллюзии любви» только пять лет спустя.

— Павел, что в вашем понимании означает счастье?

— Отвечу так: как для артиста, счастье — это когда после спектакля начинаются поклоны, и ты понимаешь, что сыграно все «чисто», зритель не ушел из зала, у него появились вопросы и какие-то мысли после спектакля. На поклонах я люблю аплодировать зрителям.

Как для мужчины, счастье — это когда рядом спит жена, а через стенку спокойно спят твои здоровые дети... □

Беседовала **Елена Воробьева**

Перейти черту

Я лежала в предродовой и мысленно уговаривала врачей не делать мне общий наркоз. Подбирая слова для них, я прекрасно понимала, что в моем случае никто не даст никаких гарантий, а при таком положении плода в случае чего врачи будут спасать мать, то есть меня. Но я не могла пустить все на волю случая — мне надо видеть все самой, хоть как-то держать ситуацию под контролем! Глупо, конечно, и самонадеянно, но я так долго к этому шла... Так, не время предаваться воспоминаниям, надо взять себя в руки и просто уговорить врачей. Я глубоко вздохнула и посмотрела на открывающуюся дверь — анестезиолог идет. Не дав ему и рта открыть, я, как мне казалось, спокойно, а на самом деле на грани срыва, затараторила:

— Доктор, умоляю вас, хотите, на колени встану! Только не делайте мне общий наркоз. Придумайте что-нибудь, чтобы я была в сознании во время операции! Я понимаю, при кесаревом...

— Голубушка! — перебил он меня, — успокойтесь! Да я сам пришел становиться перед вами на колени, чтобы вы согласились на местную анестезию. С таким букетом аллергических реакций, да еще на фоне бронхиальной астмы — поверьте, я в крайне затруднительном положении. Ну а раз наши с вами желания совпадают, то не волнуйтесь, голуба моя, все будет в лучшем виде: чувствовать ничего не будете, но видеть и слышать сможете все!

Я выдохнула с облегчением и благодарно улыбнулась милому дядечке в белом халате. Правда, я не подозревала, что его слова «все видеть и слышать» надо понимать так буквально. Минут через десять меня на каталке перевезли в операционную. Вскоре я лежала в окружении врачей и медсестер, стараясь поймать их взгляды поверх белых масок, ведь от их умения зависели сейчас наши с дочкой жизни. Они были сосредоточены, но спокойны. Немного успокоилась и я, подняла глаза вверх — вот это да!

Потолок был глянцевый до зеркального блеска! В нем отражалось все: люди в белых халатах, которые устанавливали поперек меня шторку, чтобы оградить от лицезрения того, что будет происходить дальше, я сама, распластанная как-то нелепо и некрасиво (ну, на это мне сейчас, положим, наплевать), и блестящие инструменты, лежащие на столике рядом, ожидающие меня. Ну, ничего, перетерплю и это, крови я не боюсь. В отличие от моего мужа. На минуту мне даже стало смешно, когда я представила, как буду потом все ему рассказывать — он от капли крови на пальце уже бледнеет и почти теряет сознание, а тут — меня полосуют, как поросенка, и я наблюдаю за всем происходящим как бы со стороны. Спасибо анестезиологу, действительно ничего не чувствую.

Время как будто остановилось, не ползло, не летело, а замерло в одной точке до тех пор, пока я с облегчением не услышала:

— Мамочка, посмотрите, кто у вас?

— Девочка!

Волна радости и безмерного счастья накрыла меня при виде этого маленького сморщенного создания, которое, сделав свой первый вздох, все громче и громче давало миру знать о своем появлении. Малышку на минутку положили мне на грудь:

— Все хорошо, мамочка! Теперь можете отдыхать — зашиваем!

И я погрузилась в небытие...

Красное, колышущееся, огромное приближалось ко мне — мы ехали домой из соседнего аула, где жили какие-то друзья отца, а степь алела цветущими маками. Живем мы в большом городе, про который поют песни и слагают стихи — Ташкент. Когда-то давно здесь было сильное землетрясение, после которого город восстанавливали всей страной, и он стал красивее прежнего. Среди тех, кто отстраивал заново Ташкент, были и мои дедушки-бабушки. Здесь они создавали свои семьи, рожали детей, строили дома. Один из дедушек был очень дальновидным человеком, и, когда на окраине города дали возможность построить свои дома, он застолбил за своим семейством большой участок земли, где потом строились и селились все родственники. Так получился целый кусок улицы, на котором жила вся наша родня. Внутри между домами участки были разделены чисто условно и мы, ребята и взрослые, свободно проходили друг к другу. Со временем наш семейный квартал разрастался все больше. Жили мы с соседями очень дружно, устраивали шумные праздники, всегда помогали друг другу.

Можно сказать, что у меня было самое счастливое детство! Я ходила в школу, играла с соседскими ребятами, весной, когда все зацветало,

мы ездили за город к папиным друзьям, где нас угощали вкуснейшими лепешками, сладостями и, конечно же, бесподобным пловом!

Но потом все очень быстро стало меняться. Мы перестали выезжать из города — это было смертельно опасно. Сначала родители не хотели меня пугать, но я уже была не маленькой и из обрывков разговоров взрослых понимала, что происходит нечто ужасное. В городе было полно беженцев, а те, у кого была возможность, разъезжались кто куда: греки, немцы и корейцы — на историческую родину, русские, украинцы, татары — в Россию. Оказалось, что мы теперь отдельная страна, в которой проживало много людей разных национальностей, на что раньше не обращали внимания, но всем им теперь не было места в новом Узбекистане. Южные границы бывшего Советского Союза превратились просто в черту на карте, перейдя которую, в наши цветущие долины беспрепятственно устремились вооруженные бандиты всех мастей. Ташкент окружили войска тройным танковым кольцом, чтобы боевики не могли ворваться в город, а вся страна была охвачена каким-то средневековым ужасом — целые семьи исчезали без следа, жгли дома русских, убивали, насиловали.

Мама вынуждена была провести со мной беседу, чтобы хоть как-то обезопасить — девочек хватили прямо на улице и увозили в неизвестность. И даже лучше, что они пропадали без вести, потому что, если девочек находили, то труп старались не показывать родителям — так страшно это было.

В школу я теперь старалась приходиться после звонка, чтобы не сталкиваться в школьном дворе с местными ребятами, которые меня толкали, обзывали, бросали комья в меня земли — какая-то неудержимая злоба буквально захлестывала их.

И в город мы с мамой выбирались как можно реже — на рынке нас, русоволосых, оскорбляли, овощи и фрукты швыряли самые плохие и по самой высокой цене. Возвращаясь, мама плакала, поэтому после подобных случаев на рынок стал ходить отец — он благодаря болгарским корням был чернявый и смуглый.

К счастью, у него была хорошая работа, много знакомых и связей. Его ценили как специалиста и поэтому не увольняли, как многих других. Так мы и жили: в постоянном страхе, но уезжать пока не собирались — ведь здесь — наш дом и вся наша родня. Дом и был нашей крепостью, причем, с замечательным охранником — овчаркой по кличке Ураган. Умнейший и преданный пес, которого дед выдрессировал так, что он по одному только взгляду хозяина мог порвать глотку любому, осмелившемуся обидеть кого-то из нашей родни, так что мы считали нашу улочку неким оазисом безопасности, где все свои. Но как мы ошибались!..

— Анята, сбегай за молоком к тете Люсе, я тесто хочу поставить на пирожки, — как-то попросила меня мама.

Я взяла бидончик и быстрым шагом пошла на соседнюю улицу. Она была пуста, только незнакомая легковушка остановилась невдалеке. Я взяла молоко и так же быстро пошла обратно. Машина стояла на том же месте, но я со страхом увидела, как из нее вышел молодой мужчина и направился в мою сторону. Из машины выглядывали еще трое. Я не оцепенела от ужаса, а молниеносно стала прокручивать в своей голове варианты: добежать до своей улицы не успею, назад дорога перекрыта, но живой я им не дамся. Мужчина, мерзко усмехаясь, уже протянул ко мне руку, но тут на дороге показался грузовик, и я рванула под колеса грузовика. Мужчина по инерции сделал шаг за мной, но тут же в страхе отпрянул — уж он-то умирать не собирался. Я в очередной раз убедилась, что Бог есть! Водитель грузовика в последний момент вывернул руль и нажал на тормоза...

Что было дальше, не знаю, так как со всех ног помчалась домой. Захлопнув калитку, упала на колени около Урагана и обхватила его за шею. Меня всю трясло, но надо было срочно успокоиться, чтобы мама ничего не узнала — у родителей сейчас проблем и так хватает, а если отец узнает про нападение на меня, то можно не сомневаться, что он найдет этих молодчиков и поквитается. Ничем хорошим это не закончится: его или убьют, или, в лучшем случае, посадят, что для нас всех будет почти одним и тем же.

Молчать я смогла, а вот справиться...

...Мне сегодня 30, но роз в букете, который мне протягивал Олег, было гораздо больше. Милый этот Олежка. Может быть, с ним у меня что-то получится? Ну, об этом я подумаю завтра, а сегодня — праздник! Я его вполне заслужила. Гостей будет много: и с работы, и институтские, и просто друзья-подруги. Вон Аленка со своим старшим братом-красавчиком Ванечкой! Они из Львова, в Москве живут практически постоянно — бизнес. С Аленкой всегда весело потусить в клубе, да и братец ее еще тот плейбой.

— Ниточка, с днем рождения! Классная тусовка! — чмокнула меня в щеку Аленка и вручила подарочный пакетик: — Это тебе от нас с Ванечкой!

— Спасибо, ребята! Вы все вдвоем? Ванечка еще не женился? Москва — город большой, столько людей вокруг! Неужели не найдет себе пару?

— Ой, Анятка! — отмахнулась Аленка. — Лучше скажи, почему ты еще замуж не вышла?

— Рано еще свободу терять, — отшутилась я.

День рождения шел своим чередом — было вкусно, весело, музыка, танцы, конкурсы...

Поздно вечером, проводив гостей, я вернулась домой и подумала, что сразу усну от усталости, но что-то скребло на сердце и не давало мыслям успокоиться, возвращая их в прошлое. Я прекрасно помню, как мы, став изгоями, жили несколько мучительных лет в стране, где русские перестали считаться людьми. Когда я окончила школу, мы за бесценок продали дом (и то благодаря отцовским связям) и уехали куда глаза глядят. В итоге осели в маленьком подмосковном городке. Слава богу, что я смогла сама поступить в институт, где была общага. Ничего, прорвались через нищету и безнадёгу. Вместе со всей страной выкарабкались.

Теперь у меня хорошая работа — финансовый аналитик в сфере IT-технологий. Неплохо зарабатываю. Очень молодо выгляжу. Много друзей-приятелей, ухажеров хватает. Но...

Вот это самое «но» и тянется за мной из прошлого.

Тот ужас, что я пережила в детстве, не дает мне покоя до сих пор. Я пыталась, много раз пыталась перейти через табу, сидящее в моей голове, но не получается. Обращалась и к психологу. Но то ли психолог попался не тот, то ли я не была готова, чтобы кто-то просочился в мою тайну сквозь броню, что я вырастила за эти годы. Однако факт остается фактом — перешагнуть черту в отношениях с мужчинами я не могу.

Нет, не подумайте, что я «синий чулок», совсем даже наоборот. Я веселая, общительная, очень привлекательная. Были и есть вполне достойные мужчины, которые ухаживали за мной и даже предлагали руку и сердце. Но как я могу соглашаться выйти замуж за человека, если знаю, что при попытке близости с мужчиной на меня накатывает такой ужас, что я в страхе убегаю, захлопываю дверь, выталкиваю из дома, в общем, совершаю много разных неожиданных для кавалера действий... Но я очень хочу семью и детей. И в минуты отчаяния уговариваю себя так: просто это не твой человек. Хорошо еще, что работы много. Каждый день приползаю домой — только до подушки добраться. На фоне всего этого заработала себе бронхиальную астму, пока пыталась избежать ее и лечилась, приобрела несколько медикаментозных аллергий. В общем, цветочек в букетике болячек.

И вот сегодня мне исполнилось 30 лет. Возраст почтенный, так что надо дать себе немного отдыха. Не будем искать потенциальных мужей, все общение только ради приятного поддержания тонуса жизни! Я молода, привлекательна, умна, образованна, хорошая хозяйка (кто ж на востоке из женщин не умеет готовить?) Есть любимая работа, квартира — и даже

хорошо, что у меня такие специфичные отношения с мужчинами — альфонсы не пройдут. Так что расслабились и наслаждаемся жизнью! Надо выложить свежие фотки в ленту — соберем комплименты. О, почти стихи! И хорошо, что Игнатий, а то мог бы быть какой-нибудь Галактион...

Ну, Анютка! Ну, юмористка! Как же все-таки с ней легко общаться. Вот уже скоро полгода как начали переписываться с ней, а становится только интересней. Как она не похожа на всех, с кем я встречался раньше. Какая-то вся настоящая: искренняя, юморная, столько всего знает, но иногда наивная и очень ранимая. Ее хочется оберегать и защищать. Я стал ловить себя на мысли, что скучаю, если она долго не пишет. Пора, наверное, ехать в Москву, знакомиться, так сказать, воочию. Тем более что и работу там предлагают. Чем черт не шутит — вдруг она та самая?! И есть в ней какая-то недосказанность, какая-то загадка. Пожалуй, действительно надо ехать, а то вдруг я себе все напридумывал.

Вон как отреагировала на историю с моим именем. Меня же при рождении Валерой родители назвали, в честь дяди. А он возьми и плохо кончи — утонул через пару лет после моего рождения по пьяной лавочке. Мама моя, суеверная во всем, что касается любимого сыночка, решила меня окрестить и имя сразу поменять по святцам — в тот день выпал Игнатий. Так-то все больше Гнатом кличут, и представляюсь так при знакомстве. А девушкам эту историю с переменной имени иногда преподношу. Не всем, а тем, с кем завязывались отношения. Они, как правило, начинают ахать, говорить, что это жутко интересно, задавать дурацкие вопросы, какое имя мне самому нравится, а Анютка сразу приняла, как должное, как будто заранее все знала. И потом, она явно моложе меня, наверное, совсем недавно институт окончила. У меня есть пунктик, дурацкий, может быть, но не хочу, чтобы жена была старше меня, а мне, как назло, часто такие девушки и попадаются. Возможно, я выгляжу старше своих лет: рослый, накачанный, пресс, что называется, «кубиками». У нас на Кубани парни все не хлюпики, поэтому и мне не пристало отставать, да и мать с отцом хорошими генами не обделили. Мужчина же должен быть сильным, чтобы все уметь: построить дом, семью прокормить, детей и жену оберегать и защищать. А Анютка, как увидел первый раз ее фото, сразу меня зацепила — веселая, открытая, в то же время трогательная, юная и какая-то чистая вся. Решено — еду!..

Прошел всего год с моего тридцатого дня рождения, а как сильно изменилась моя жизнь. Теперь у меня есть Игнатий, а у Игнатия есть Анита,

то есть я. Какой он невероятно красивый, добрый и терпеливый. Полгода назад Игнат переехал в Москву, снял квартиру, и мы наконец-то увиделись. А спустя какое-то время поняли, что не можем обходиться друг без друга ни дня. Я рассказала ему про себя все и даже то, что старше его на несколько лет! Он не поверил.

— Быть такого не может! Я же не слепой!

Пришлось показать паспорт. Он был в шоке. Потом тряхнул своей роскошной шевелюрой и сказал:

— Ну и пусть! Для меня ты все равно моя маленькая девочка, которую я не могу и не хочу от себя отпускать. Давай жить вместе — я хочу видеть тебя каждый день. А со всем остальным я тебя не тороплю...

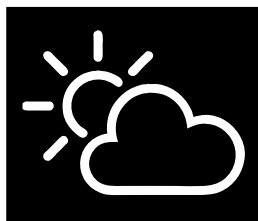
Полгода мы живем в моей квартире. Сначала он спал в другой комнате, потом как-то я уснула рядом с ним, и вошло в привычку засыпать на его плече. Он так трепетно ко мне относится, что я чувствую себя маленькой принцессой на горошине. Более внимательного, чуткого и заботливого мужа я себе даже в мечтах не представляла.

В июле мы ездили в отпуск к его родителям. Оказалось, что не любой теплый климат мне во благо — там цвела амброзия. Раньше я про такое растение даже не слышала, но дышать мне там было решительно нечем, и я практически не выходила на улицу. Благо, его родня очень хорошо меня приняла, но разговоры о возможном переезде из Москвы ушли сами собой.

Вчера был мой очередной день рождения, который мы отметили вдвоем. Задувая на торте свечи, я загадала — и чудо свершилось. Мне не пришлось переступать через себя — Игнатий своей лаской не просто стер все, что занозой сидело во мне, а стал таким родным, таким необходимым. Как же мне повезло с ним. А он уверяет, что ему — нашел настоящее сокровище.

Еще через год у нас родился сын. Игнатий был на седьмом небе от счастья — наследник растет, будет помогать строить дом. Я же очень хотела родить девочку — у нее будет самый лучший в мире отец и старший брат, который всегда сможет ее защитить, даже когда нас не станет. Врачи предостерегали меня, говорили о рисках, но я знала — теперь в моей жизни все будет хорошо.

И все-таки мой Игнатий чуть в обморок не упал, когда я после выписки рассказала ему про зеркальный потолок в операционной. Как же я его люблю! □

ОСНОВОПОЛОЖНИК ПОГОДНОГО ПРОГНОЗА

Действительный статский советник, доктор физики и химии, ординарный профессор и декан физико-математического факультета Московского университета, член Императорского Московского общества испытателей природы, Императорского Русского географического общества и многих других ученых объединений — все это Михаил Федорович Спасский.

Где-то на просторах Ливенского уезда Орловской губернии затерялось небольшое село Захаровка, где 21 ноября 1809 года и появился на свет малыш, которого назвали Михаилом. Его отец, Федор Спасский, был дьяконом местного храма и мечтал, чтобы сын пошел по стопам батюшки. Стремясь дать сыну духовное образование, свое любимое чадо дьякон определил в Ливенское духовное училище и был счастлив, слыша об успехах сына, который считался одним из первых учеников в училище. Затем Спасский-младший продолжил обучение в орловской духовной семинарии и окончил ее в 1829 году. Несмотря на духовное

образование, будущий священник больше всего интересовался естественными науками и физикой. Пути-дороги привели его в Петербургский Главный педагогический институт на факультет естественных наук. И как здесь не вспомнить бессмертную грибоедовскую комедию «Горе от ума», где об этом институте княгиня Туговская соизволила сказать: «Там упражняются в расколах и в безверьи профессоры...»

А время было суровое. На престоле находился император Николай Первый, принявший так называемый «чугунный устав» для вузов, в результате которого все свободомыслие в стране подавлялось. Но Миха-

ил не слыл ни «якобинцем», ни «вольтерIANцем», он усердно «грыз гранит науки» Особенно увлекся физикой и метеорологией Последняя и стала главным делом его жизни.

В 1833 году появилась в печати первая работа Спасского «О формуле Дюлонга», которая сразу заинтересовала ученых, в том числе и профессуру института. А через три года, окончив институт с серебряной медалью, Федор был послан в Германию для совершенствования образования. Два года он слушал лекции по физической географии и физике в Берлинском и Кенигсберском университетах Магнуса, Якоби и Бесселя, а в 1838 году издал еще одну неординарную научную работу «О призме Николя».

В Россию Спасский вернулся уже признанным ученым и стал работать над проблемой определения земного магнетизма. А перед этим выступил в Санкт-Петербургской академии наук с лекцией «Объяснение явлений дифракции света по теории волнений». Присутствующий на лекции его учитель Купфер отмечал, что Спасский «извлек счастливейшую пользу из всего того, что мог собрать в областях физических знаний во время своей поездки за границу».

В 1839 году Михаила Федоровича назначили на должность адъюнкта Московского университета по кафедре физики и физической географии. В Москве он решил заняться изучением климата первопре-

стойной. Вскоре в журнале Императорского Московского общества испытателей природы стали печататься результаты его метеорологических исследований и наблюдений.

Кроме проводимых опытов он еще писал учебные и методические пособия, а в качестве учебного пособия по геофизике перевел на русский язык двухтомный цикл лекций немецкого профессора Л.Ф. Кемптца по метеорологии. Появились в печати его статьи и лекции «О влиянии внешних условий на долголетие», «О назначении и употреблении барометра», «О маятнике Фуко», «Об атмосфере Земли».

Чтобы занять профессорскую кафедру, Михаилу Федоровичу необходимо было получить степень доктора. Темой для своей защиты он избрал климат Москвы, а в 1847 году опубликовал свой основной труд «О климате Москвы, критическое исследование». За это 38-летний ученый получил степень доктора физики и химии и был утвержден в звании профессора. Он вывел закон, по которому следует изменение термометра и барометра в течение года, указал на частные отступления от этого закона, на взаимную зависимость между переменами температуры, атмосферного давления и направления ветра. Его труд способствовал организации в 1849 году Главной физической обсерватории в России и намного опередил зарубежную метеорологическую науку. Именно Спасский впервые разработал понятия

*Санкт-Петербургский
Главный педагогический
институт, позднее
университет*

о полярном и экваториальном потоке воздуха, о циклонах, сформулировал тринадцать физических законов, которые составили основной принцип современной климатологии.

За 50 лет до норвежского ученого Бьеркнеса Спасский выдвинул практическую задачу о прогнозе погоды. Его даже за рубежом называют не иначе как «основоположник погодного прогноза». Всю свою жизнь Михаил Федорович стремился к популяризации теоретических сведений о физике и метеорологии, заботился о практическом применении научных данных и особенно занимался составлением проектов громоотводов. Именно он является автором проекта постоянных громоотводов при построении храма во имя Христа Спасителя. Незадолго до своей смерти Спасский представил в Русское географическое обществу весьма ин-

тересную работу о среднем долголетию в стране — согласитесь, что в наши дни это звучит актуально. Он сумел опередить даже время. А еще состоял директором Комитета акклиматизации животных и членом Императорского Московского общества сельского хозяйства. И до конца своей жизни возглавлял физико-математический факультет Московского университета.

Скончался Михаил Федорович Спасский 28 января 1859 года — ему было всего 50 лет. Похоронили доктора физики и химии, профессора физики, члена Императорского Московского общества испытателей природы, Императорского географического общества и ряда других ученых обществ на Лазаревском кладбище. После его смерти остались ученики, прославившие российскую науку: И.М. Сеченов, А.Г. Столетов, Ф.А. Бредихин. □

Встать на гвозди

Мировой рекорд стояния на гвоздях принадлежит нашему соотечественнику, москвичу Георгию Горгиладзе, который 10 ноября 2018 года простоял неподвижно на досках садху в одном из столичных парков аж целых 12 часов и еще 8 минут. Гвоздестояние сейчас становится популярным во всем мире, и в том, что это такое, я решил убедиться на собственном примере.

Встать на гвозди, причем самые настоящие, вполне реально даже

абсолютному в этом деле новичку. Доски садху сейчас невероятно популярны во всем мире, в том числе и в России. И стоят на них люди с улыбкой, забывая о счете времени.

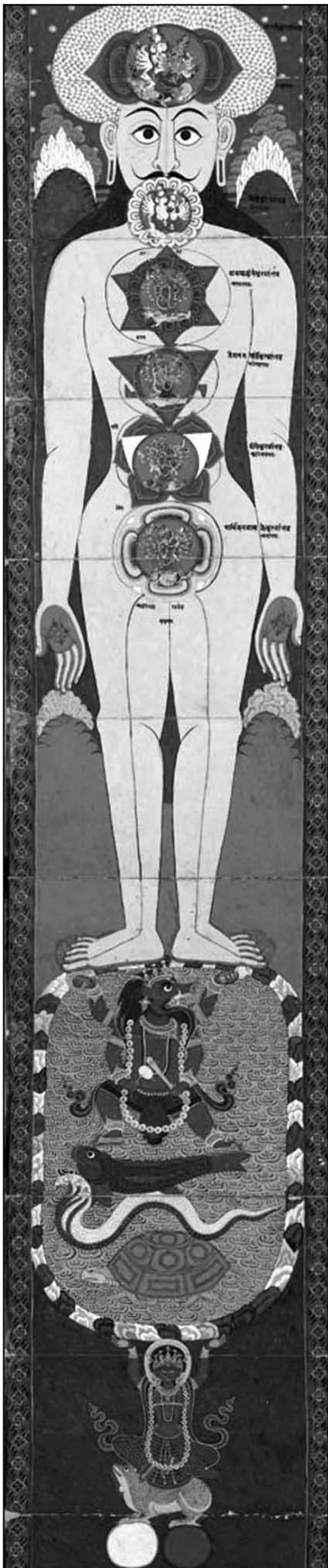
Многие люди твердо убеждены в том, что стояние на гвоздях доступно лишь каким-то там продвинутым йогам?! Спешим развеять досужие мифы и стереотипы — встать на гвозди может практически каждый! Ведь ресурсы нашего

организма настолько невероятны и уникально безграничны, что возможно практически все!

Кстати, неспроста продвинутые гуру в этом направлении и йоги стоят на гвоздях именно босыми ступнями: на наших стопах расположены свыше шести десятков рефлекторных точек или проекций, отвечающих за правильное функционирование практически всех органов. В наши дни врачами было подсчитано, что на подошвах у че-

ловека расположено свыше 70 тысяч нервных окончаний. Но еще с седой древности было верно подмечено, что долгожители, как правило, всегда подвижные люди: и это вполне объяснимо, ведь движения, которые все мы осуществляем посредством наших ног, — это и в самом деле жизнь, путь к здоровью, благополучию и успеху. Так что совсем не случайно стопы метафорически называют «вторым сердцем человека».

Доски с гвоздями, на которых в наши дни регулярно стоят тысячи людей по всему миру, называются садху. В индуизме этим термином называют святых, аскетов и йогов, более не стремящихся к осуществлению трех главных целей в жизни: камы (чувственного наслаждения), артхи (материального развития) и даже дхармы (универсального закона бытия). Садху полностью посвящает себя достижению мокши (освобождения) посредством медитации и познания Бога. Зачастую вступившие на сложный и тернистый путь садху носят одежды цвета охры, что символизирует отречение от соблазнов этого бренного материального мира в пользу духовных практик.

Доски садху представляют собою две дощечки с вбитыми в них в вертикальном положении гвоздями с обращенными вверх остриями. Благодаря довольно частому расположению гвоздей, которые идут рядами, различается лишь расстояние (шаг) между ними, встающий на гвозди человек не травмируется, поскольку вес тела распределяется так, что давление, производимое каждым из гвоздей, недостаточно, чтобы поранить кожу. Однако стоять на них, тем не менее, совсем не просто, ведь это самые настоящие гвозди, которых довольно много, и каждый из них, в отдельности и все вместе, давят на подошвы человека. Доски садху активно используются для медитаций, но в любом случае они дают мощный оздоровительный эффект для всего организма, снимая накопившиеся в теле человека застои, блоки и напряжения, активизируя работу внутренних органов. При том, что в наши дни миллионы людей по всей планете ведут сидячий, малоподвижный образ жизни, да к тому же питаются преимуще-

должен кардинально поменяться и сам образ жизни человека.

А теперь перейдем от теории к практике, и я расскажу вам о своем собственном опыте стояния на гвоздях. Конечно, вставать на гвозди, а особенно в первый раз, обязательно нужно под руководством опытного инструктора (проводника) и с осознанным понима-

ственно совсем не полезным фастуфудом, доски садху при их регулярном использовании способны стать мостиком на пути к здоровью. Естественно, что при этом

нием, для чего ты это делаешь. Но в любом случае мощный терапевтический и оздоровительный эффект вам гарантирован. А ваши ноги и организм скажут вам спасибо, хотя

в первый раз всегда трудно и не просто.

Итак, непосредственно на доски садху после обязательной предварительной физической разминки и дыхательной практики я встал довольно легко. Но очень скоро со мною началось твориться что-то такое невероятное! Стало больно, причем очень и очень сильно, а в голове у меня закралась настойчивая мысль, что надо немедленно сходить с гвоздей! В этот самый момент важно пересилить себя, превозмочь боль, попытаться отключить сознание и ум, убрав из головы назойливые мысли. Именно так я тогда и попытался сделать. Однако это оказалось непросто, поскольку меня бросило в жар, все тело прошиб пот; сильно затряслась, заходив ходуном, правая половина тела, особенно нога; к горлу подкатила тошнота, и вообще все вокруг меня стало как в тумане. Казалось, еще минута — и я потеряю сознание. К счастью, этого не случилось, хотя удержать баланс тела и банально не свалиться с доски мне в тот момент было непросто. Но сознание быстро прояснилось, и стоять на гвоздях практически сразу же стало много легче.

Потом, когда я сошел с гвоздей, самым удивительным и трудно поддающимся пониманию стал факт того, что я простоял на гвоздях аж целых 40 минут! По моим субъек-

тивным ощущением так вообще прошло не более 5 минут, что лишний раз доказывает удивительный феномен относительности течения времени. И до самого позднего вечера меня в то день не покидало удивительное чувство легкости и приподнятости. Был мощнейший прилив сил и энергии, казалось, еще совсем немного, еще чуть-чуть, и я смогу преодолеть силу земного притяжения и взлечу. Кстати, каждое из моих последующих гвоздестояний отличалось от предыдущих по ощущениям, но в любом случае такой острой боли и тряски тела уже не было и в помине. А в последние пару разминок перед вставаниями на гвозди я на мгновения смог прочувствовать, «прощупать» свое эфирное тело — ощущения, надо признаться, невероятные.

Говорят, чудеса случаются с теми, кто в них верит. Хотите раскрыть спящие возможности своего организма, научиться совершенно по-новому, осознанно управлять своим телом и энергиями и главное — жизнью, а не только плыть по течению, просто попробуйте встать на гвозди. Хотя бы раз в жизни — вдруг вам понравится?! Ведь совсем неспроста знаменитое латинское крылатое выражение *Via est vita* переводится так: дорога — это жизнь. Так оно и есть на самом деле, и дорогу жизни осилит идущий по ней. Своими ногами. □

Николай Филин

НОСТАЛЬГИЯ

Погасли дискотечные огни,
И сразу стало как-то одиноко.
Как будто что-то мы не сберегли,
А что, увы, — неведомо до срока.

Ущербный месяц смотрит в тишину,
Холодный свет замедленно роняя
На Землю, по которой в старину
Шли предки, тайны мира догоняя.

И часто, выходя по вечерам
Из дома, — побродить по переулкам,
Я слышу въяве, как назло годам,
Судьба моя вышагивает гулко.

Она идет в прозрачном далеке —
Над пропастью созвездий и столетий.
Она идет — как в детстве — налегке,
И путь ее, как детство, также светел.

Прозрачный воздух чист и недвижим,
Застыла в белом мареве дубрава.
Над речкой больше не клубится дым —
Хрустальная на берегах оправа.

Загадка — человека естество.
Границы нет могучему раздолью
Его Вселенной, помыслов его,
Его эпохи, обагрённой кровью.
Мы заблудились в мыслях и словах,
Забыли, что возникли из природы,
Погрязли в мелких склоках и делах
И рьяно машем стягом несвободы.
Иллюзию мы возвели в Закон,
А все святое вынесли на свалку.
К чему-то скачем, рвемся и ползем,
Потом доходит — перегнули палку.
Мне мыслится, искусственное — тлен,
А все естественное — там, у Бога...
Опять дымятся ветры перемен
От старого до нового острога.

ТАЙНА

Многогранность притяжения
И безликость восприятия
Переходят в торможение
Бессознательной любви.
Извлекаю проявления
Из безбрежности распятия
Безграничных самомнений,
Поселившихся в крови.

Расстояния смещаются
В направлении чудесного
И однажды оформляются
Сказочностью Бытия.

Ранним утром проливаются
Дождиком из поднебесья
И внезапно превращаются
В чужедальние края.

В бесконечность продолжается
Жизни вечная изменчивость.
Снова кто-то напрягается,
Чтобы Тайну разгадать.
А она мне улыбается,
Зная, как любая женщина,
Что все тайное скрывается
В первоизданном слове — Мать...

«ГНОМ» с ледорубом

*Рамон
Меркадер*

А что же все-таки было? Может, начать с того, что годами скрывалось, от чего отнекивались и отрещивались, но что приказали осуществить именно Рамону Меркадеру? С операции «Утка» по физическому устранению Льва Давидовича Троцкого? Здесь проявились все качества организаторов операции и ее исполнителя — Павла Судоплатова, Наума Эйтингона, Рамона Меркадера. Стратеги, разведчики в поле и ликвидатор уничтожали не какого-то невинного пожилого человека, засевшего в доме-крепости в Мексике, не эксцентричного ученого-теоретика — подлежал уничтожению враг существовавшего в СССР строя. Все ли методы были здесь хороши? Ведь жестокость была проявлена необыкновенная. Да, вникать в этические глубины операции «Утка», завершившейся убийством Троцкого 20 августа 1940 года, глядя на нее из XXI века, исключительно трудно. Цель иная: как можно ближе познакомиться с ее главным исполнителем.

Документы, опубликованные еще в середине 1950-х в ФРГ, называют конкретного переговорщика, встречавшегося с Троцким в декабре 1935 года. Это заместитель фюрера, рейхсминистр Рудольф Гесс. Без приказа Гитлера такая встреча было бы невероятна. Договорились, что в случае войны Троцкий после оккупации части советских территорий получит от нацистов важный пост. Но для этого ему надо было выполнить ряд

условий, поставленных фюрером. Основное: объединить в СССР людей, которых можно будет считать, как мы говорим сегодня, «пятой колонной». Организовать до начала войны и во время ее активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Плюс пойти еще на несколько выдвинутых фюрером и озвученных Гессом политических и экономических требований. Троцкий согласился на все.

Знали об этом в Москве? Почти уверен, что вести дошли из окружения Льва Давидовича, куда внедрились несколько агентов и сотрудников-нелегалов отдела ИНО.

Троцкого следовало уничтожить любыми средствами. Они и были перечислены в жестком приказе разведки от 9 июля 1939 года. «Отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел, возможно также вооруженное нападение группы».

Но «Демон» русской революции, как неизменно величала Троцкого после высылки из Советского Союза иностранная пресса, относительно благополучно переехал из Франции в Норвегию, а уже оттуда в Мексику, где серьезным угрозам не подвергался, хотя почти каждый его шаг был известен, архив украден, а испанка Африка де Лас Эрас, подбравшаяся совсем близко к «Демону» и вошедшая в его окружение, даже передала в Центр подробнейший план комнат в доме Троцкого.

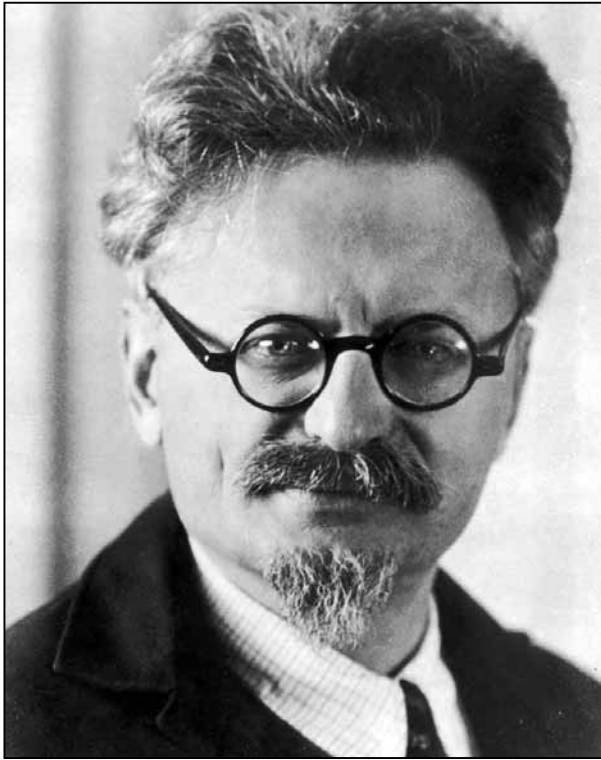
Но уже пахло войной, и Иосиф Виссарионович был уверен: медлить больше нельзя — Троцкий стоял костью в горле.

Сталин недолго искал исполнителя приказа. Провести «акцию», так с необычной для себя деликатностью называл он ликвидацию Льва Давидовича или «Старика», как именовали его работники ИНО, было поручено испытанному чекисту Павлу

Судоплатову. На робкую попытку Павла Анатольевича объяснить, что «Старик» обосновался в Мексике, а он не знает ни слова по-испански, Сталин никак не отреагировал. Зато дал право привлечь к «акции» всех, кого только Судоплатов сочтет нужным, и пообещал, что партия не забудет ее участников. Срок исполнения — год.

Слова «не забудет» имели особый смысл. Даже Сталину, никогда особо не переживавшему за судьбы тех, кто выполнял его суровые приказы, было понятно: человеку, которому предстоит уничтожить Троцкого, вряд ли удастся скрыться. Уйти живым с места совершения акта возмездия почти невозможно, исполнителю смертного приговора грозит смерть. Так что пусть не беспокоится за родственников — партия им поможет. Стало ли после этого кому-нибудь легче?..

Павел Судоплатов сразу решил: без сражавшихся в гражданской войне в Испании интербригадцев не обойтись. Но, конечно, первым и основным разработчиком операции «Утка», ее исполнителем и непосредственным руководителем стал близкий ему человек, Леонид Александрович Котов. Под этим именем работал в Испании чекист Наум Исаакович Эйтингон. Он и придумал кодовое название операции. «Утка» — на журналистском жаргоне — распространение заведомо ложной информации. Этим и занимался Троцкий, сидя в хорошо укрепленном

Лев Троцкий

доме, купленным им в Койоакане — предместье Мехико.

Эйтингон, в отличие от Судоплатова, согласие дал сразу. Гражданская война в Испании отозвалась не только горечью поражения, но и обогатила действовавшего там заместителя резидента, затем и резидента «Котова» огромным опытом. Но не только. Внешняя разведка приобрела внушительную агентуру. Боец интернациональной бригады, впоследствии Герой России Морис Коэн рассказывал мне, что на собеседование с советскими разведчиками кандидатов в помощники свозили буквально грузовиками. Отбирали лучших. Среди них, конечно, подавляющее большинство испанцев. При Франко они вынуждены были перебраться

в страны самые разные, в том числе и в Мексику.

Руководить этими людьми на месте было поручено «Тому» — Эйтингону. План операции «Утка», в основном им и разработанный, существовал в одном единственном экземпляре. О деталях были осведомлены лишь трое — начальник ИНО Павел Фитин, Судоплатов, которому поручалось руководство всеми участниками из безопасной Москвы, и «Том».

Предусмотрительный Эйтингон иллюзий относительно быстрой и удачной «акции» не питал. Не вызвала никакого понимания и подкинутая непосредственным начальником Судоплатовым идея привлечь к операции раскаявшихся иностранных сторонников Троцкого. «Том» считал их публикой колеблющейся, ненадежной, склонной к предательству. Он понимал, что операция может стать кровавой, смертельной не только для Троцкого, но и для чекистов. Знал, на что все они шли. Необходимо было подстраховаться.

Без дара предвидения классному разведчику не обойтись. И Эйтингон предусмотрительно предложил два плана операции «Утка». Это сейчас мы говорим о плане «А» и плане «Б», как о нечто само собой разумеющемся. В довоенные годы это было в новинку, к тому же требовало солидных расходов, что не могло радовать руководство. Но, как говорят французы, *les circonstances exigent* — обстоятельства требуют, и с даль-

новидной предусмотрительностью «Тома», скрипя перьями, согласились.

Как и настаивал Эйтингон, участники двух групп не знали друг друга и даже не подозревали, что существует два плана уничтожения «Старика». В случае неудачи одних, другие, стараниями «Тома», были гарантированы от провала.

Первую группу «Конь» возглавлял уже тогда знаменитый мексиканский художник-коммунист Хосе Давид Альфаро Сикейрос. Он должен был вместе со своими соратниками ликвидировать «Демона» во время налета на его дом. Точно по приказу НКВД от 9 июля 1939: «Возможно вооруженным нападением группы».

Вторая группа получила трогательное название «Мать». У испанской аристократки Каридад Меркадер, метавшейся между пристрастиями к коммунизму и анархизму, было четверо сыновей. Один из них, Рамон Меркадер дель Рио, как и мать, воевал в Испании. Старший погиб там же, младший после падения Республики жил в интернате для испанских детей в Москве, а дочь обосновалась в Париже. Сама Каридад, тяжело раненная во время гражданской, люто ненавидела Франко. Ее вместе с сыном Рамоном и завербовал в Испании Леонид Котов-Эйтингон — эта связка казалась более надежной.

О Рамоне Меркадере до сих пор пишут как о любителе-новичке, зарубившем «Старика» ледорубом в отсутствие других подручных средств.

Павел Судоплатов

Ничего подобного. Меркадер в Испании не просто участвовал в боевых действиях. На его долю приходились рискованные задания в тылу фашистов. Ножом и ледорубом он бесшумно «снял» часовых-франкистов, охранявших штабы, мосты, склады. В 24 года дослужился до майора. А еще Рамон был, по сегодняшнему определению разведки, настоящим «Ромео», то есть, соблазнителем. Испанский красавец нравился женщинам и умел этим пользоваться.

К тому же приехавший в Париж Эйтингон, где его ожидали Каридад и Рамон, времени даром не терял. Нелегал Меркадер выдавал себя за бизнесмена. А «Том» в ускоренном темпе попытался научить «Мать» и, главным образом, Рамона — опе-

Наум Эйтингон

ративный псевдоним «Сын», необходимым разведывательным навыкам. Вскоре «Сын» знал не только, как менять внешность, но и каким образом вступать в контакт с нужными людьми, отвечать на каверзные вопросы. А боевым и холодным оружием он, прошедший школу гражданской войны, и без своего наставника «Тома» владел неплохо. Так что недооценивать Меркадера ни в коем случае нельзя.

Как, впрочем, и Давида Сикейроса, о котором с усмешкой пишут, как о неумехе, неуклюже полезшем на «Старика». Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» 1967 года лет за тридцать до этого в течение двух лет героически воевал в Испа-

нии, закончив войну полковником. Он был готов выполнить любой приказ Сталина, а, значит, и «Тома».

И получил его в мае 1940-го. До этого была проведена определенная агентурная работа. В США помощники Эйтингона завербовали Роберта Харта. И пришла удача: этому агенту под псевдонимом «Амур» удалось стать одним из охранников Троцкого. Американец с часто меняющимися политическими взглядами и настроением был неизменен в одном: он любил деньги. И крупная сумма, с удовольствием им принятая, Харта воодушевила. Именно во время его ночного дежурства и были открыты ворота дома-крепости «Старика».

Эйтингон и Сикейрос действовали профессионально. Понимая, что охранники, пусть и с открытой Хартом дверью, сразу дадут отпор группе неизвестных, они нарядили десятка два нападавших в форму мексиканской армии и полиции. Ночью 24 мая 1940 группа Сикейроса ворвалась в дом и произвела больше двух сотен выстрелов, изрешетив спальню Троцкого. Успех казался очевидным, но «Старика» и его жену спасло чудо: они забрались под кровать, не получив ни единой царапины.

А Сикейрос и его люди ушли, прихватив с собой и Харта. Больше об этом человеке никто и никогда не слышал. Почти наверняка он был уничтожен теми, кому и открыл калитку в дом-крепость.

Сикейрос недолго оставался на свободе. Вместе с девятью своими

соратниками он был арестован. На них вывел найденный полицией человек, покупавший для группы военную форму. Группа «Конь» прекратила существование. Но благодаря предусмотрительности «Тома» группа «Мать» осталась выведенной из-под удара.

Эйтингон непосредственно в нападении не участвовал. Возможно, одна из причин провала была и в этом. О том, насколько болезненно переживал он неудачу, свидетельствуют строки из радиogramмы, отправленной кружным путем из Мексики в Центр. «Принимаю целиком на себя вину за это кошмарный провал. Готов по вашему первому требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания».

Вместо наказания Эйтингон вскоре получил телеграмму, где ему выказывалось полное доверие и приказ продолжить акцию альтернативными средствами. Такое решение принял Сталин: надо было добивать Троцкого, и кому, как не Эйтингону и группе «Мать».

После первого покушения забор дома «Старика» сделали повыше. Стены укрепили мешками с песком, на окнах поставили решетки. К охранникам Троцкого прибавились и мексиканские полицейские патрули. И тогда в дело вступил Ramon Меркадер.

Для начала он, как и планировалось «Томом», познакомился с верными последователями и друзьями Троцкого — супругами Розмер. Затем завязал знакомство с близкой

семейству Троцкого Сильвией Агелофф (ее фамилия пишется по-разному). Сильвия часто помогала Льву Давидовичу в Мехико как секретарь и переводчица. Она как раз отдыхала в Париже, что добавило знакомству определенной романтичности. Непонятно только, каким образом невообразимо скучная и некрасивая дама поверила в искренние чувства красавца-фотографа Жака Морнара, за которого выдавал себя Меркадер, работавший тогда под оперативным псевдонимом «Раймонд», но любовь не только зла, она и веру вселяет. Агелофф ничего не оставалось, как отправиться с возлюбленным в Мексику. Надежда на вечное счастье была подкреплена предложением о вступлении в брак. Не то, что о конспирации, об элементарной осторожности было забыто. Сильвия представила Жака Морнара Троцкому и его окружению как своего жениха.

Симпатьяга-бельгиец стал вхож в дом-крепость. К его визитам, по подсчетам дотошной, но обведенной вокруг пальца охраны, их было не меньше дюжины, привыкли. Он разыграл перед «Стариком» не только роль влюбленного в его секретаршу, но и человека, мятущегося в поисках истинных идей грядущей революции. Он попросил Троцкого прочитать его статью на эту животрепещущую тему, и «Демон» согласился, подписав себе этим смертный приговор.

Между «Томом», «Матерью» и «Раймондом» поначалу не было со-

гласия, как осуществить «акцию». Эйтингон разумно предлагал отвлечь внимание охраны. Он, Каридад и еще несколько сподвижников нападут на виллу, в которой уже находился Меркадер, облегчая тому выполнение заключительной фазы «Операции «Утка» и побег.

Но Меркадер был готов и хотел лично уничтожить Троцкого, даже ценой собственной жизни. Вместе придумали «легенду»: он убивает «Старика», якобы решительно возражавшего против вступления своей секретарши в брак с бельгийцем. Орудия возмездия — нож, ледоруб или один из хорошо освоенных боевых приемов. Все это Рамон, как уже говорилось, применял в Испании. Убив Троцкого, Меркадер должен был быстро покинуть дом и броситься к одной из машин — своей, оставленной совсем рядом с воротами, или к авто, находившемуся чуть дальше, где его ждали Каридад и «Том». Но... не удалось.

Ближе к вечеру 20 августа 1940 года Меркадер вошел в дом Троцкого. Не избежал вопроса, почему в такую жару и в плаще, и, не вызвав подозрений, ответил, что его немного знобит. А Троцкий находился в прекрасном настроении. Утром даже отпустил шутку, очень не понравившуюся его жене: «Мы смогли проспать всю ночь, и никто нас не убил».

Вместе с «Демоном» Меркадер прошел в его кабинет. Положил свою статью, точнее ее тезисы, озаглавленные «Бонапартизм, фашизм и война», на стол Троцкого. Сюда

же небрежно бросил плащ, в кармане которого уместился малый альпинистский ледоруб с укороченной рукояткой, а еще, на всякий случай, незаметно пронес в комнату револьвер и кинжал. Он надеялся воспользоваться ими, если все-таки удастся вырваться во двор и пробиваться к машине.

В какой-то момент Троцкий склонился над статьей, и Рамон легко выхватил из кармана плаща ледоруб. Один удар...

Троцкий прожил еще несколько часов, фактически сутки. Когда приходил в сознание, слышал успокоительные слова врачей: «Рана не такая серьезная». Быть может, доктора искренне так и думали, потому что после удара Троцкий добрался до двери комнаты, увидел жену и, теряя сознание, вымолвил: «Не убивайте его, он должен говорить». Быстро вызвали полицию, и Меркадер, жестоко избитый ими, был арестован. В книге Виктора Стечкина «Павел Судоплатов. Терминатор Сталина» приводятся показания Меркадера: «... Я вытащил ледоруб из плаща, сжав его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове. Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое «А-а-а», бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик пронзил мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите, еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на

пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты».

Меркадер за четыре года следствия, избиений, угроз не сказал ни слова о «Томе» и советской разведке. Суд состоялся в мае 1944-го. Доказать, что это политическое убийство, не удалось. Показания Сильвии Агелофф не были приняты во внимание. Она называла Меркадера агентом ГПУ, выкрикивала, что убийца обманывал ее, начиная с Парижа. Но судьи словно пропустили все это мимо ушей. Не верили они и подсудимому, твердившему, что он

«Мать» и «Том» долго метались по разным странам, скрываясь от преследователей. Куба и Китай — не единственные страны, через которые пролегал путь Эйтингона домой, завершившийся в мае 1941-го на конечной остановке поезда Харбин — Москва. Так закончилась «акция», проведенная под руководством «Тома».

Награды отыскивали героев за две недели до начала войны. Каридад и Эйтингону были вручены ордена Ленина.

До чего безжалостным было то время стоического выживания, нам,

Троцкого следовало уничтожить любыми средствами. Они и были перечислены в приказе разведки: «отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв машины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел, возможно и вооруженное нападение группы. Но «Демон русской революции» относительно благополучно переехал из Франции в Норвегию, а уже оттуда — в Мексику.

покончил с Троцким по личным мотивам, не давая ему жениться на Сильвии. Из политического убийство превращалось в чисто бытовое.

Но сурово наказанное. Из 20 вынесенных ему приговором лет Рамон Меркадер, настаивавший на своем, отсидел 19 лет, 8 месяцев и 14 дней в мексиканской тюрьме и вышел на свободу 6 мая 1960 года. На вопросы прессы — ни слова, кроме того, что убийство совершено исключительно из ненависти к человеку, попытавшемуся разрушить его личное счастье.

наверное, не понять, его героев нельзя судить по сегодняшним меркам.

...В начале 1970-х в ресторан Дома журналистов иногда заходил хорошо одетый человек с неизменным загаром на лице. На лацкане темного пиджака поблескивала Звезда Героя. И всезнайки-журналисты перешептывались: это Меркадер, тот самый, что хлопнул Троцкого. Звездочка была присвоена закрытым указом от 31 мая 1960 года. Но Рамону Меркадеру, отсидевшему почти двадцать лет,

Рамон Меркадер

было глубоко плевать на все указы и приказы.

Стала ли Россия для него родной? Как и для почти всех людей его профессии, жизнь в чужой стране давалась нелегко. Может, тут стоит вставить слово «поначалу нелегко». Приспособились же, выучили неимоверный сложный для освоения уже во взрослом возрасте язык обособившиеся в СССР англичане Джордж Блейк, Дональд Маклин. Нашел здесь любовь своей жизни Ким Филби. Бойко торговалась на базаре с продавцами американка, Герой России Лона Коэн. Общалась

с друзьями партизанской молодости и семьями своих учеников— нелегалов испанка Африка де Лас Эрас.

Но так было далеко не со всеми. Иная среда обитания, замкнутый круг общения, дефицит привычных и так доступных «там» товаров. Иногда раздражали строгости, наложенные кураторами из спецслужб. Порой они казались приехавшим в Советский Союз разведчикам-иностранцам (не пишу агентам) чрезмерными. Некоторые, особенно выходцы из южных стран, болели. Это для нас дедушка Мороз — при-

вычный персонаж, и все холода и сосульки, что он с собой несет, коренных россиян не пугают. А еще язык общения — трудный, сложно постижимый, запиравший в полужамкнутом пространстве.

Как правило, все жили под чужими фамилиями. Чтобы оправдать акцент тех, кто все же учился говорить на труднейшем русском, им «присваивали прибалтийские» имена и фамилии. Даже Ким Филби до конца дней своих значился прибалтом.

В случае с Рамоном Меркадером все было еще сложнее. Он добрался до Москвы в 1960-м. После акта возмездия над Троцким пролетело уже два десятилетия. Прошел XX съезд партии, культ личности Сталина был развенчан и осужден. Но и намек на то, что с «Демоном» революции было покончено по приказу Сталина, не допускался. Да, многие знали, догадывались, но вслух говорить об этом было нельзя, а сотрудникам спецслужб и вовсе запрещено, как, впрочем, и о деяниях других наших друзей. Не всем из них такая завеса секретности была по душе. Но все принимали негласные правила игры. Всего лишь два заметных исключения из правил: член «Кембриджской пятерки» англичанин Гай Берджесс и ирландец Шон Берк, который помог сбежать из тюрьмы приговоренному к 42 годам Джорджу Блейку. И Гай, и Шон были если не алкоголиками, то людьми, явно не знавшими отпущенную им меру. Берджесс искал встреч с редкими

тогда, да и теперь, британскими туристами, представлялся им тем самым Гаем, что работал на Советы. Никаких результатов это не приносило, кроме бесконечных заморочек, сваливавшихся на головы его опекунов из КГБ. Бедный Гай скончался в возрасте 52 лет от цирроза печени. Шон Берк, не мысливший жизни без ирландских пабов, после долгих увещательных бесед и душеспасительных разговоров был с миром отпущен домой, где вскоре совсем спился и ушел из жизни.

Ну а почти все остальные жившие у нас герои — бежавшие от ареста, обмененные или срок, как Рамон Меркадер, отбывшие, невольно тянулись к своим, к тем русским, советским, с которыми они работали там.

Так фактическая родственница Эйтингона, журналистка и переводчица Татьяна Козлова, вспоминает: Леонида (Наума) Эйтингона сразу после его освобождения из Владимирского централа стал одним из первых навещать именно Рамон Меркадер. А к кому, как не к организатору операции по устранению Троцкого мог тянуться Рамон? Вот уж кто не боялся, в отличие от многих других, запятнать себя связями с опальным генералом, с которым было пройдено столько испытаний и сделано главное дело в жизни. Эйтингона — «Тома» и «Гнома» — Меркадера связывало героическое прошлое. Упомянуть о нем было нельзя, но эти искусственные правила Меркадера не касались, вернее им не соблюда-

лись. Но от этого боевые, тяжелые, мало кому понятные месяцы совместной работы не могли забыться, испариться...

Но как могли понять Рамона Меркадера другие? Любому человеку, попавшему в чужую страну, нелегко. Да, его опекали кураторы из КГБ. Но и им всего не расскажешь. Например, того, о чем он однажды на первых порах московской жизни поведал Эйтингону — ему, мол, предлагают некое «уплотнение». Это слово сейчас забыто, а в 1960-е оно еще как давило на испанца и его жену Рокелию. К ним в честно заработанную подвигом и двадцатилетним молчанием четырехкомнатную квартиру приходили люди, представившиеся «общественниками», и предлагали товарищу Лопесу (под этим именем жил в Москве Меркадер,

«уплотниться». Рамону было строго запрещено рассказывать, кем и за что выдана ему квартира. Обращаться к кураторам он стеснялся. Но предпринимать что-то было нужно.

И умудренный опытом и знанием советской жизни Наум Исаакович Эйтингон дал другу совет. Почему бы не порадовать настойчивых «общественников»? Встретить их в пиджаке со звездой Героя Советского Союза. Рамон не очень-то поверил «Тому», но совету последовал. И был поражен скоростью, с которой «общественники» навсегда покинули его квартиру. Звездочка подействовала магически.

И на место работы — в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — он появлялся в пиджаке со звездочкой. Формально занимался историей гражданской вой-

Слева:

*Кабинет Троцкого,
в котором было
совершено убийство*

*Ледоруб —
орудие убийства*

ны 1936–1939 годов в Испании, но утверждать, что Рамон Иванович Лопес внес большой вклад в ее изучение, трудно. А сотрудников явно раздражала его звездочка, непонятно за что им полученная. Но не рассказывать же о звезде всем и каждому — это была государственная тайна, которую раскрыли лишь в 1990-х.

Да, герою-испанцу требовалась помощь.

Опекать Меркадера, отсидевшего 20 лет в мексиканской тюрьме и обосновавшемуся в Москве, было приказано молодому тогда чекисту Олегу Нечипоренко. Он — сын старого большевика с опытом дореволюционной подпольной работы, с десяти лет, начиная с 1942 года, рос и мужал на явочной квартире Управления НКГБ по городу Москвы. Ему, полковнику разведки, довелось ра-

ботать во многих странах. Круг знакомств был невероятно обширен, поэтому книги писателя и разведчика известны и популярны. Слушать его — одно удовольствие. Седовласый полковник разведки в отставке, знакомы мы много лет, с удовольствием вспоминает о своем подопечном.

— Олег Максимович, правда ли, что даже в годы Великой Отечественной в Мехико из Москвы была послана специальная группа, чтобы освободить узника? Своими ушами слышал рассказ сына одного из членов группы.

— Так рассказывают. Но и ей не удалось выволить Рамона. С ним выходили на связь, но очень осторожно. Сразу после освобождения Меркадер вылетел в Прагу, а уже оттуда — в Москву. В 1960-м году ему было

присвоено, пусть и на чужое имя, звание Героя Советского Союза.

— И я помню, как появлялся в московском доме журналистов молодой человек со звездочкой, которую носить ему, между прочим, категорически запрещалось. И много чего знающие журналисты шептались: «Меркадер, тот самый, который Троцкого...»

— История Рамона Меркадера обросла невысказанными подробностями. Но я работал с «Гномом» в Москве, и мифы с выдумками имею право откинуть.

— Честно, не знаю, почему выбор пал на меня, «зеленого» новичка. Я как раз перешел из отдела США и Канады в латиноамериканский отдел. Новый начальник вызвал меня в свой кабинет, представил молодому сотруднику — Алексею Прохоровичу, долгие годы находившемуся в Мексике, и сообщил, что мне предстоит работать с человеком, вернувшимся из-за рубежа, а подробности сообщит Алексей Прохорович. Оказалось, подопечным моим будет тот самый Меркадер, который уничтожил Троцкого. Я был по-

Рамон Меркадер был человеком выдержанным, вежливым. Провести столько лет в заключении — и все равно не признать причастности советской разведки к покушению — это многого стоит... В 1970-м году, откликнувшись на предложение Фиделя Кастро, Меркадер уехал на Кубу, где работал советником команданте по иностранным делам. Там он и скончался

— Почему вы называете Рамона «Гномом»? Ведь во время операции по уничтожению Троцкого он носил псевдоним «Раймонд».

— Так окрестил его Судоплатов. Рамон и «Раймонд» — очень прозаично и близко к разгадке. Чтобы обезопасить разведчиков, псевдонимы часто меняют, и Меркадеру присвоили «парадоксальный», превратили в «Гнома» — а он был парнем атлетического сложения, на липуга никак не походил.

— Почему именно вам было поручено работать с Меркадером?

ражен. Конечно, мы слышали о Рамоне, но вслух о нем говорить было как-то не принято.

— И как вы работали с Меркадером? Что входило в ваши обязанности?

— Никаких оперативных поручений. Установить доброжелательные отношения и, главное, помогать в решении бытовых проблем. По существу, стать его опекуном. Сами представьте: после двадцати лет тюрьмы оказаться с женой, не говорящей, как и «Гном», по-русски, в Москве. Другой уклад, иная жизнь.

Мне рекомендовали не беречь чувств подопечного, не расспрашивать о прошлом. Но был живой человек, герой, нуждавшийся в опеке.

Меркадер оказался исключительно скромным, если не молчаливым, то точно немногословным. С просьбами обращался редко — всегда с конкретными. Чаще приходилось помогать его супруге.

— Вы и о ней заботились?

— Рокелия — мексиканка, в нашем климате, да и не только климате, жить ей было непривычно. Приходилось возить ее из их дома на «Соколе» в ведомственную поликлинику «Интуриста» на Большой Никитской — простужалась она часто. Наша служба никогда своих не бросает. А Рамону и Рокелии на первых порах было здесь нелегко.

— Правда ли говорят, что Рокелия была нашим агентом под псевдонимом «Пчела» и навещала Рамона в тюрьме по заданию советской разведки, а потом, по-настоящему проникшись чувствами, они поженились?

— Как вам сказать... Поначалу посещала она брата, сидевшего, как и Меркадер, в тюрьме Лекумберри. Брат — братом, но люди, которые в курсе, намекали мне, что Рокелия «подведена» к нашему агенту в результате мероприятия, спланированного советской резидентурой. Предпринималось все возможное, чтобы помочь Рамону: влиятельные агенты старались всеми способами скостить срок, тяжелые условия

пребывания в камере пытались облегчить, что иногда удавалось. Ведь в мексиканских тюрьмах так: платишь деньги — получаешь послабления и привилегии, вплоть до регулярных визитов подруг. Но с Меркадером было сложнее — у политических узников это не всегда проходило. Вот и организовать побег не получилось.

— А каким все-таки человеком был Рамон Меркадер?

— Выдержанным, вежливым. Провести столько лет в заключении — и все равно не признать причастности советской разведки к покушению — это многого стоит. Его подлинная личность была установлена после десяти лет отсидки при случайных обстоятельствах. Настоящее имя Меркадера стало известно мексиканцам, а за ними и всем интересующимся убийством Троцкого лишь в 1950-м, когда Рамон уже отсидел половину срока. Перед судом он предстал как канадский журналист Франк Джексон и сын бельгийского дипломата Жан Морнар. Вскоре стало понятно, что обе фамилии вымышленные. Джексон к тому времени уже несколько лет как скончался, а на посланный запрос о дипломате Морнаре в министерстве иностранных дел Бельгии прислали исчерпывающий ответ: сотрудник с такой фамилией у них никогда не работал.

Личность преступника пытались установить мексиканец доктор Альфонсо Кирос Куарон. Опытный криминалист и на суде придерживался версии, что по произношению и ма-

нере поведения подсудимый — испанец. Надеялся отыскать его родственников — и безуспешно. Но упорный Куарон верил в свое предположение: преступник — испанец. Попав в Мадрид, он добился в полиции встречи с ведущим специалистом по дактилоскопии и передал ему документы на осужденного с отпечатками пальцев.

Через несколько минут тот буквально ошеломил мексиканца: субъекта поиска зовут Хайме Рамон Меркадер Рио Эрнандес. Этот отпрыск старинной испанской дворянской семьи был в свое время арестован за принадлежность к запрещенной компартии, отсюда и отпечатки. В Мексике Меркадера буквально прижали к стенке, но ответ был все тот же — убил Троцкого по сугубо личным мотивам: тот уперся и никак не разрешал своей секретарше выйти за него замуж...

(Есть и иная версия. Вскоре после окончания Второй мировой Меркадера опознал один из интербригадцев, воевавших в Испании. Покинув ряды компартии, он сообщил мексиканской полиции настоящее имя узника. Те не сразу поверили, но отправили запрос в Испанию, откуда в Мехико и прислали полное досье на Рамона Меркадера дель Рио...)

Теперь я понимаю, что определенная изолированность «Гнома» в СССР была в значительной степени вынужденной мерой, на которую

пришлось пойти нашей службе. Каждое лишнее слово, ненужное общение могли отозваться вспышкой погашенных, было, пересудов и разговоров. Да и личная безопасность Меркадера подверглась бы, возможно, рискованным испытаниям, для него и семьи не нужным. Кстати, несмотря на все это, Рамон совершил благородный поступок: усыновил двух детей, чья мать умерла, а отец погиб в Испании.

С Меркадером увидеться больше не пришлось. К сожалению, московский климат был для него явно вреден, и, откликнувшись на предложение Фиделя Кастро, он в 1970-м уехал на Кубу, где работал советником команданте по иностранным делам. Тяжело заболел и, понимая, что неизлечимо, перед смертью сделал признание моему коллеге по профессии, помогавшему ему бороться со смертельным недугом: «В 1939-м было уже совершенно очевидно: Германия развяжет войну против СССР. Я видел, что Троцкий является лидером довольно многочисленного движения, и в случае войны оно может представить дополнительную угрозу, ведя войну против Советского Союза. Целесообразность моих действий не вызывала у меня каких-либо колебаний».

В октябре 1978 года ушедшего из жизни Рамона кремировали в Гаване. По его предсмертной воле урну отправили в Москву. Но и тогда все с ним связанное находилось

под грифом «секретно», поэтому похороны прошли тихо, в присутствии группки родственников и соратников. Слава пришла позже...

А Рокелия с детьми окончательно перебралась в Мексику, где они регулярно получали пособие на мужа и отца.

В Москве я побывал на его могиле, положил цветы. Там же покоится прах его брата, написавшего книгу о Рамоне. Памятник из розового гранита без всякой помпезности. На портрете человек в белой рубашке, в очках. Но даже надпись по-прежнему свидетельствует о некогда тайной миссии «Лопеса Рамона Ивановича, 1913–1978», здесь похороненного.

Но тут мне хочется вспомнить еще об одном участнике покушения — знаменитом живописце монументалисте Давиде Сикейросе.

Как же по-разному складываются человеческие судьбы. Его попытка покончить с Троцким не удалась. Сикейроса заключили в тюрьму, но карать «гордость Мексики» не посмели и вскоре выслали в Чили, откуда через некоторое время он возвратился на родину. Своим взглядам не изменял, оставался верным другом Советского Союза, никого и ничего не боявшимся. Когда нескольких сотрудников посольства СССР в Мехико, и меня в том числе, по несправедливому обвинению назвали персонами нон грата, Сикейрос подарил каждому из нас по авторской литографии. На моей изображен младенец в распашонке. Подпись такая: «Хесусито станет Христом», и пожелание: «Олегу М. Нечипоренко с благодарностью от имени мексиканского народа». □

Георгий Ланской

ЛОВУШКА

для идеального мужчины

Приплясывая перед школой на холодном ветру, Маруся Рязанова жалела, что вообще решилась отважиться на беседу с той, кто явно не желал ее видеть. Внутрь альма-матер, выкрашенной новой краской только с фасада, Марусю не пустил охранник, сославшись на распоряжение директора, а журналистское удостоверение только усугубило ситуацию. Возмущенная Маруся попыталась пробиться с боем, ссылаясь на законы о СМИ, на что ей нелюбезно посоветовали обозначить свои желания в официальном запросе, на который дадут ответ. Маруся таких ответов не читалась и прекрасно знала, что, если организация не захочет отвечать, никто ее не заставит. Напишут обтекаемую чушь, и все, утретесь, акулы пера. Впрочем, официальные источники в данном вопросе Марусю совершенно не интересовали.

Она два раза сбегала к ларьку с шаурмой, где продавали кофе на вынос, и, прихлебывая остывающий напиток, мрачно думала, что ее тяга к справедливости на сей раз занесла ее очень далеко. Когда она, окончательно замерзнув в своей легкой курточке, собралась уходить, двери школы выпустили из себя стаю детей.

Алена Богаченко, сгорбившись, вышла одной из первых и торопливо пошла к остановке. Маруся кинулась следом.

— Алена, стой!

Окончание. Начало в №10, 2023.

Девушка резко повернулась и самым недружелюбным тоном спросила:

— Чего тебе?

Маруся, запыхавшись, остановилась и пару мгновений молчала, не зная, что сказать. Действительно, чего ей?

— Поговорить хотела.

— Ты уже поговорила, — яростно прошипела Алена. — Ты так поговорила! На весь город! А сейчас хватило наглости прийти снова? Зачем? Чтобы я тебе в красках рассказала о своем отце-педофиле? И где же твоя камера? Давай, включай! Я на всю страну заявлю, что он этого не делал!..

— Я знаю, — прошептала Маруся.

— Что ты сказала? — Алена, готовящаяся отражать атаку, запнулась и недоверчиво посмотрела на нее.

— Я сказала, что знаю. Точнее... Блин, это сложно объяснить. Я очень сильно подозреваю, что это какая-то подстава, но не могу понять, какая. Потому и пришла поговорить с тобой.

— О чем? — насупилась Алена.

— О твоей подруге Татьяне. И о том, как все произошло.

Алена с сомнением поглядела на Марусю, вздохнула и обреченно кивнула:

— Ладно, давай поговорим. Только подальше от школы отойдем, не хочу, чтобы эти уроды видели.

Для разговора она выбрала торговый центр. Поднявшись на фудкорт, взяла себе молочный коктейль и пончик, обсыпанный сахаром, нервно отщипнула от него кусочек и положила на бумажную тарелочку. Маруся сидела напротив, вертела в руках свою колу и не знала, как начать разговор.

— Я хотела совсем не такой сюжет выдать, — жалобно сказала она. — Там редактор все перекроил. У меня еще на конференции появились мысли, что все как-то странно.

— Ты мне всю жизнь искалечила, — с ненавистью ответила Алена. — Что вы лезете в нашу жизнь? В школе теперь издеваются, прохода не дают, обзывают, бьют. Психолог через день к себе вызывает и с таким участием спрашивает: Аленочка, может, тебе помочь? А у самой в глазах такая алчность, я же понимаю, что она от любопытства вот-вот лопнет. Только с Танькой ничего никогда не было, она все врет.

— Зачем ей это? — спросила Маруся.

— Не знаю. Не вижу смысла устраивать такую бучу из-за учителя. Я сама пару дней назад пошла к ней и спросила, она фактически призналась, что соврала. Но чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что все это было организовано ею.

— Такие откровения не получили бы столь широкого распространения, — возразила Маруся. — То есть, может быть, и получили бы, если бы она опубликовала это в популярном паблике. Но скандал начался позже, одновременно с нами на твоего отца начали атаку соцсети. К тому же никакого заявления в полицию не было ни от Тани, ни от ее родителей.

— Какое там заявление? Ее родители алкаши, — отмахнулась Алена. — Им плевать.

— Но, тем не менее, твоего отца тут же выставили педофилом. Дальше. На брифинге нам сказали, что в его компе нашли фото голых девочек.

— Он этим компом почти не пользовался, — буркнула Алена, — это мамин компьютер, старая рухлядь, давно выкинуть пора, даже простейшие игры не тянет.

— У Тани была возможность к нему подобраться?

— Да сто раз, — отмахнулась Алена. — Она иногда им пользовалась, если надо было почту проверить. Комп даже не запоролен. Я уверена, что она фотки и подбросила. Хотя «подбросила» не то слово, скачала с Интернета, мало ли там этого добра? Вон, только в поиск введи, и будут тебе и такие, и не такие, и совсем не такие. А вообще шалава она, за айфон с кем угодно ляжет. И не стала бы она отца просто так обвинять, тут явно какой-то смысл, особенно, если ты говоришь, что травлю очень умело организовали. Нет там никакой влюбленности и влечения. У нее другой мужик есть, взрослый, богатенький. На черта ей отец?

— Откуда про мужика знаешь? — насторожилась Маруся.

— Сама видела, — нехотя призналась Алена. — Караулила ее перед домом, ну, она и подкатила на «ренджровере». Мужика не разглядела, поняла только, что взрослый. А недавно она хвасталась новым айфоном и шмотьем. Откуда у нее такой телефон? Ее предки, если все бутылки сдадут, даже на китайский смартфон не наскребут. Я спросила, она и похвасталась, что мужик подарил.

— Ты номер его машины не запомнила? — безнадежно спросила Маруся.

— Тогда нет.

— А было еще когда-то?

— Похоже, он к отцу приезжал. Лица я опять не разглядела, а номер машины на этот раз записала. Отец не сказал, кто это был. Какой-то друг детства.

Маруся попросила Алену написать номер машины, и та, нацарапав его на салфетке, ушла, не попрощавшись. Маруся тупо уставилась на мятую

бумажку, а потом позвонила старому знакомому в ГИБДД и буквально через пять минут узнала, кому принадлежит черный «ренджровер».

Чем больше Тамара думала о возможной причастности Сергея Богаченко к убийству Бебусенова, тем меньше ей нравилась эта версия.

Главврач «Афродиты МедПлюс» не соврала, и на видео, что весьма неохотно предоставили охранники больницы, действительно показался неизвестный. Камеры в больнице оказались так себе, так что разобрать лицо гостя Саби Бебусенова Тамаре не удалось. Все, что она смогла разобрать, так это, что мужчина был одет в клетчатую рубашку и джинсы, и, кажется, был брюнетом. О чем они говорили, осталось загадкой, но Бебусенов чуть ли не пинками выгнал гостя вон, а потом понесся в клинику, словно ошпаренный.

— Интересненько, — пробормотала Тамара и вбила в поиск имя Богаченко. Браузер выдал несколько десятков ссылок. Часть из них она уже видела. Это были ссылки на публикации, где Богаченко обвинялся в домогательствах, другие, более старые, рассказывали о его героическом поступке. А еще несколько, с видеоизображением, она видела впервые. Тамара ткнула мышью в видеофайл с надписью: «Учитель бьет бомжа, ржачка, смотреть до конца», и напряженно уставилась в монитор.

Видео было совсем коротким, секунд на сорок. Вполне узнаваемый Богаченко выволакивал из школы мужчину. Следом из школы выбегал охранник и что-то орал угрожающему кулаками мужчине в клетчатой рубашке, лица которого Тамара не разобрала. Правда, оставалась надежда на техников, авось подчистят картинку.

Она задумалась: двое друзей детства, с интервалом в несколько дней, гнали в шею плохо одетого мужчину, а потом спешно пожелали встретиться. Вот только встреча не состоялась, а позже одного из них нашли мертвым. Казалось бы, все просто как божий день, два дружка что-то не поделили, и один по пьяной лавочке застрелил второго. Вот только Богаченко в квартиру не входил. На его одежде не нашли ни пылинки из квартиры Бебусенова, ни одного волоска. Не говоря уже о том, что у Богаченко не было ни одного даже самого крохотного мотива.

А вот был ли мотив у побитого мужчины? Тамара еще немного подумала, а затем набрала номер мужа.

— Соскучилась? — насмешливо спросил Геннадий.

— Безумно! Скажи мне, Царев, а доследственная проверка по факту подозрения в домогательствах по отношению к несовершеннолетней Татьяне Шишкиной закончилась? У нас ничего нет.

— Кто такая Шишкина? — недовольно спросил Геннадий, а затем, помолчав, нехотя протянул: — А, эта... Которую учитель трахнуть хотел?

— Эта. Заявление от нее или родителей поступило?

— Нет. Она не стала заявлять. Может, любовничка своего пожалела, — хохотнул Геннадий.

— Адрес ее скажи.

— Сейчас... Васхнила, 236, квартира 53. А что? Нарыла что-то? — насторожился Геннадий, но Тамара тут же отключилась.

Допивая кофе из чашки, она вдруг почувствовала, как в мозгах замесалось что-то смутно тревожное. Выведя видео на экран, нажала на «стоп», когда лицо незнакомого мужчины стало видно лучше, сделала скриншот и отправила его на печать. Получив чуть теплый листок с серым изображением, стала вглядываться в него и вздрогнула, когда дверь открылась. На пороге появился Василий.

— Есть информация, мать, — сказал он.

— У меня тоже, — помахала в воздухе листочком Тамара, — но давай сначала ты.

— Могу и я, — согласился покладистый Василий. Короче, Том, знаешь, что расположено в доме, где живет Бебусенов? Ну, кроме парикмахерской, магазина и кофейни?

— Ну-ка, — подбодрила Тамара, и Василий сунул ей распечатку.

— Элитная хата в аренду. Хозяйка сдает ее нелегально, налогов не платит, хотя это ее официальный бизнес. В ее ведомстве девять квартир, и эту она купила недавно, сделала ремонт, начала сдавать, но в реестры не внесла, клянется, что просто не успела. Может, врет, может, нет, но самое интересное, что за два дня до убийства Бебусенова ее сдали в аренду. На три дня.

— Кому?

— Вот тут самое интересное. Снял квартиру приезжий из Омска, некий Семен Матвеевич Кузьмичев, семьдесят второго года рождения, причем, по словам хозяйки, хотел именно эту квартиру, вроде как друг советовал. Заплатил наличными, съехал раньше срока, за залогом не пришел, номер оказался выключен. Из квартиры ничего не вынес, так что хозяйка не беспокоилась.

— А надо было?

— Надо, потому что паспорт Кузьмичев потерял лет пять назад, в поезде украли, я уж молчу про то, что он не выезжал из Омска, потому что находился в больнице с аппендицитом. Только выписался. Так что это не он. И еще хозяйка, которая лично квартиру в порядок приводила, сказала одну очень интересную вещь: постоялец, видимо, отмечал что-то или

женщину ждал. В квартире остался завядший букет белых астр, а на потолке шарики. Квартира, которую сдают, прямо под квартирой Бебусенова.

— Описание постояльца есть? — нетерпеливо спросила Тамара.

— Так себе. Полноватый мужик, усы, борода. Солидный, пахло дорогим парфюмом. Одет хорошо. Небольшая дорожная сумка. На реального тощего Кузьмичева не похож несколько, но хозяйка божится, в паспорте был тот самый полный мужик. Вот только паспорт она в руках не держала, он ей его по ватсапу прислал, она поверила, а фотку паспорта потом удалила. Тебе не кажется, что это может быть наш клиент?

— Кажется, — задумчиво протянула Тамара. — Скорее всего, именно его мы видели входящим в подъезд с шарами и цветами.

— Именно, — кивнул Василий. — Я запросил все видео двумя днями ранее и неделей позже. Думаю, после смерти Бебусенова убийца мог просто отсиживаться в квартире внизу и не открыл нам во время поквартирного обхода. А когда все стихло, просто съехал с квартиры. Как тебе моя версия?

— Роскошная, — согласилась Тамара. — Я тоже кое-что нарыла.

И она рассказала, что нашла неизвестного мужчину, на сей раз в школе Богаченко, и тот мутузил гостя почему зря. Василий внимательно слушал, а когда она кончила говорить, заметил:

— Мне не нравится, что все снова возвращается к Богаченко. И эта история с домогательствами какая-то тупая. Колоть его надо, он этого мужика явно знает.

— Мне тоже не нравится, — согласилась Тамара. — Давай сгоняем к этой девице?

— Когда? Сейчас?

— Ну да. А чего время терять?

— Мать, — взмолился Василий, — пожалей, я сутки на ногах, до дома бы добраться.

Тамара вздохнула и махнула рукой:

— Ладно. Иди, спи. Сама съезжу.

Глава 5.

ОХОТА НА ШАНТАЖИСТА

Татьяны Шишкиной дома не оказалось, чему Тамара совершенно не удивилась, едва оказавшись на пороге этой зачумленной квартиры. Крохотная двушка в старом панельном доме выглядела безнадежной. Затхлый воздух был пропитан сивушной вонью, так что неудивительно, что един-

ственный ребенок Шишкиных старался проводить в родных пенатах как можно меньше времени.

— Нету ее, — невежливо ответила мать Татьяны, в сорок два выглядывавшая на шестьдесят.

— А где я могу ее найти? — строго спросила Тамара.

Тут в коридор выглянул мужчина с испитым лицом. Ехидно проговорив:

— Да у хахалы она своего, — он снова скрылся за дверь.

— Я же сказала, нет ее, — зло бросила женщина. — На этом все, идите отсюда. Думаете, я не знаю, зачем вы явились?

— Вас как зовут? — прервала ее Тамара. — И вообще, милейшая, я ведь Таню могу и в следственный комитет вызвать, как и вас. А еще я могу в социальные службы написать, чтобы они к вам пришли с инспекцией. Может, лучше без протокола поговорим?

Женщина скорчила кислую мину и нехотя кивнула:

— Ладно, проходите. Только разуйтесь, а то... натащите мне грязи.

По мнению Тамары, это было весьма проблематично, но она скинула сапоги и прошла в гостиную, служившую, судя по всему, еще и спальней, приликая к давно не мытому полу, и, аккуратно присев на краешек табурета, повторила:

— Так как вас зовут?

— Лариса я. Чего вам от Таньки надо? Она хорошая девка, немного бестолковая, но добрая.

— Ваш, наверное, супруг сказал, что она у какого-то мужчины. Кого он имел в виду? — спросила Тамара.

Лариса не успела ответить. Появившийся в дверях мужчина, выставив вперед тощую ногу, покрытую синяками варикозных вен, ядовито вставил:

— Да кто ж его знает? У нее их куча. Сегодня один, завтра другой.

— Закрой пасть! — рявкнула Лариса.

— А ты мне рот не закрывай! Дочь твоя — шалава, вся в мамашу! — заорал он и снова скрылся.

— Он мне, вообще-то, не муж, так, сожительствуем, — пояснила Лариса усталым голосом. — Танькин папаша нас еще пятнадцать лет назад бросил, замуж больше не вышла, тянула дочь, как могла, только одной тяжело...

— Кого имел в виду ваш сожитель? — не отставала Тамара.

— Не знаю. Никогда не видела. Он тут не показывался, только звонил ей. Ну, она и убегала, а когда я спросила, велела нос не совать. Но вроде хороший мужик, щедрый... Может, замуж возьмет.

— Вы знаете Сергея Богаченко? — резко перевела разговор Тамара. Лариса сразу оскалила зубы и оцетинилась, как дикая кошка.

— Этого? Конечно. И его, и Аленку. Лучшая подружка ведь, кто ж знал, что папашка таким уродом окажется? Снасильничать мою Таньку захотел.

— Ухажером вашей дочери может быть он?

— Не, не думаю. Танька с насильником никогда бы не стала путаться, она не такая.

— Вы сказали, что друг Тани щедрый?

— Да, нормальный мужик. Он ей сережки купил, колечко, телефон новый. Сразу видно, серьезный человек, не шантрапа какая.

— Почему вы говорите о нем «мужик»?

— А как надо? Баба? — хохотнула Лариса, но глаза ее заметались в испуге, словно невзначай выболтала какую-то тайну, за которую потом придется держать ответ перед дочерью, или, не дай бог, следствием.

— Если бы я была на вашем месте, я бы сказала «парень». Тане же всего пятнадцать. Она встречается с взрослым мужчиной?

Лариса сразу скисла и отвела взгляд:

— Не знаю. Ну, наверное, он постарше, раз дарит там всякое... У мальчишек денег обычно нет, хотя я слышала, что молодежи сейчас в каком-то тик-таке огромные денжищи отваливают за то, что они на камеру кривляются.

— Тик-токе, — машинально поправила Тамара.

— Да? Вы тоже слышали? Вот времена пошли! Люди всю жизнь на заводе за двадцать тысяч, а тут...

— А вы, простите, кем работаете? — прервала Тамара.

— Я сейчас не работаю. Инвалидность у меня. На пенсию живу. Ну, бывает иногда полы мою в доме, люди понемногу платят...

— Можно посмотреть комнату Тани? — попросила Тамара.

Лариса помялась, а потом махнула рукой:

— Ай, смотрите. Только там не убрано.

Последовав за хозяйкой, Тамара оказалась в крохотной спальне, где царил все та же печать уныния и безнадеги, разве что комната оказалась слегка почище. Она бегло огляделась, отметив отсутствие компьютера и планшета. Рыться в шкафу не стала, но осторожно, одним пальцем, выдвинула ящик письменного стола, на миг застыла, а потом аккуратно вытянула из ящика белую коробочку.

— Это от Таниного телефона?

— Наверное, — пожала плечами Лариса. — Я же говорила, что ей ее... парень подарил.

— Недешевый подарок, — хмыкнула Тамара. — Знаете, сколько он стоит? Тысяч семьдесят, если не сто.

— И что? Если мы бедные, нам и дарить ничего нельзя?

— Почему нельзя? Можно. Вопрос только за что. Давайте поразмыслим: ваша дочь обвинила школьного учителя, который вряд ли может разбрасываться такими подарками, в попытке изнасилования. А потом у нее появляется новенький телефон за сто тысяч. А еще сережки, колечко, может, еще что, я уж не стала рыться в вещах. Вы понимаете, к чему я клоню? Пятнадцатилетней школьнице за просто так никто таких подарков делать не будет. А вы называете ее ухажера мужиком. Вы видели его, верно?

— Ты чего сюда приперлась?! — вдруг рявкнула Лариса. — Богаченко защищать? Думаешь, если мы из простой семьи, так на нас можно всех собак вешать?

— Я пришла, чтобы не дать вашей дочери наделать еще больше ошибок, — ответила Тамара. — Ее ведь пока не допрашивали, а когда начнут, она расскажет, как все было. И я сильно сомневаюсь, что Таня будет держаться первоначальной версии о коварном учителе, который, кстати, тоже человек из простой семьи.

— То есть моя дочь — врунья? — зло спросила Лариса. — Пошла вон, Каменская хренова, пока я тебе все зубы не пересчитала! Топай-топай!

— Ладно, — кивнула Тамара, — потопала я. Повестку вам принесут.

На улице она плотнее запахнула пальто и поежилась от промозглого ветра. На город давно упали сумерки. Плохо освещенный двор, пропахший сыростью и окрестными помойками, вызвал у нее отвращение, такое же, как квартира Шишкиных. Ей захотелось забраться в ванну, чтобы навсегда смыть с себя этот сладковатый запах бедности и перегара. Она направилась к арке, соединяющей двор с улицей, и почти миновала ее, когда впереди от стен отлепились две скрюченные тени, и гнусавый голос протянул с опасной ленцой:

— Але, мадам, тормози!

Когда на улице начало темнеть, Сергей отважился выйти из дома, вооруженный баллончиком с краской, купленным накануне. Ночью шел дождь, асфальт не успел просохнуть, оттого утренний вандал, намалевавший под окном на тротуаре надпись: «Здесь живет педофил», недолго радовался. Часть надписи расплылась, смазалась, оставив от последнего слова неопределенное «...фил» и жирную стрелку, указывающую на подъезд. Что тоже было как-то неприятно, особенно учитывая осведомленность местных.

Накинув на голову капюшон, Сергей спустился по лестнице во двор. Оглядевшись по сторонам, быстро вытащил баллончик, в несколько пшиков подправил надпись и, отойдя подальше, с удовлетворением хмыкнул, оценив, как угрожающая надпись превратилась в нечто иное. Теперь жирная стрелка указывала на подъезд, а надпись вещала безобидно и мирно: «Здесь живет филателист». Вот так-то.

Возвращаясь к подъезду, Сергей вдруг наткнулся на сгорбленную девочку фигурку с растрепанными светлыми волосами, сидевшую на скамейке, опустив голову, и по фигуре и одежде понял, что это Алена.

— Привет, пап, — вяло сказала она.

— Привет, дочь, — преувеличенно бодро ответил Сергей. — Чего тут сидишь? Ключи потеряла?

— Да нет, просто смотрю, окна темные, думала, тебя дома нет.

— Ну, пошли наверх, холодно же, простудиться захотела?

— Это была бы самая маленькая проблема, — хмыкнула Алена.

В квартире она как-то быстро оттаяла, переоделась в пижамку, заварила чай и уселась на прежнее место, подогнув под себя ногу и не решаясь начать разговор. Сергей, поглядывая на дочь, не выдержал и спросил, что случилось.

— Да, ничего, — буркнула Алена. А потом, бросив на него взгляд из-под челки, робко спросила: — Ты не будешь против, если я вернусь домой?

— Я буду только за, — ответил Сергей, помолчал немного и тихо добавил: — Тебе так плохо с мамой?

— С мамой? — ухмыльнулась Алена. — Там квартира отстойная, до школы далеко, а мама...

— Что?

Алена отхлебнула чай, а потом нехотя ответила:

— Она дома не ночевала. Ну, в смысле, там, где мы сейчас... У нее кто-то есть, пап. Раньше не было, а сейчас, наверное, есть. И я подумала, что... еще можно все как-то вернуть. А, пап? Может, мы как-то попробуем все исправить? Ну, не обращать же внимания на эту тварь Таньку, тем более что она соврала, я точно знаю. Нам надо только постараться. Я бы школу сменила, ты — работу, мама тоже... Квартиру можно продать, переехать на левый берег, кто нас там знает? А можно вообще уехать хоть куда. Пап, это же наша жизнь, она одна, чего же теперь всегда ходить и оглядываться, как бы кто не сказал гадостей?

Алена умоляюще посмотрела на отца. Ее глаза медленно наливались слезами, а губы пухли и тряслись.

— Не поверишь, я только что думал о том же, — ответил Сергей и неуклюже обнял ее. — У дураков мысли сходятся. Или это генетика?

— Скорее первое, — всхлипнула Алена, но тут же рассмеялась: — Потому что только дураки могли вляпаться в такую чушь. Да, пап, я спросить хотела про того дядьку, что с тобой в «ренджровере» сидел. Он вообще кто?

— Друг детства. Дядя Коля, — ответил Сергей и насторожился. — Коля Безуглый. А что?

— Да просто я видела его, — начала Алена, но ее прервала трель мобильного телефона, доносившаяся из прихожей.

Сергей торопливо выскочил из кухни, путаясь в подкладке, выудил телефон из кармана, попутно взглянув на высветившийся незнакомый номер, и, поднеся трубку к уху, опасно произнес:

— Да?

— Серег? Это Николай.

— Богатым будешь, только тебя вспоминал. А чего ты не со своего номера?

— А того, — рассудительно ответил Николай. — И тебе не советую со своего звонить по нашим вопросам. Короче, я сейчас за твоим домом, тут, в кустиках притулился у магазина. Выйди, перетереть надо по делам нашим скорбным. Только давай быстрее, потому как все очень и очень закрутилось.

— Сейчас, — коротко бросил Сергей, схватил куртку и, обуваясь, крикнул дочери: — Ален, я выбегу на несколько минут.

— Ты куда?

— Тут, недалеко... Мама знает, что ты здесь?

— Я не говорила.

— Ну, так позвони и скажи. А еды дома нет никакой. Пиццу взять или роллы?

— Курицу-гриль лучше! — крикнула Алена.

Выйдя из подъезда, Сергей сразу увидел машину и друга, чье полное лицо светилось в салоне, как луна. Торопливо юркнув внутрь «ренджровера», Сергей пожал влажную руку друга и спросил:

— Ну, что?

Николай пошарил в кармане и вытащил дешевый телефон.

— На вот. Тут два номера всего: мой и Вовки. Скоро нам эта приблуда понадобится. Ты ведь не очень занят завтра вечером?

— А что у нас завтра? — осторожно спросил Сергей.

Николай поглядел на него теплым собачьим взглядом и улыбнулся так, что до Сергея дошло: — Славка объявился?

— Объявился, сучонок, — кивнул Николай. — Володьке позвонил, денег потребовал. Володька, не будь дурак, встречу ему назначил в темном

уютном месте. Знаешь, где? Там, где все начиналось, Серег. Где мы выпили пару пузырей текилы и сдуру решили гробануть обменник. В старом парке под сосной... Ну, в общем, завтра Володька встанет там и будет ждать нашего дружочка, а мы устроимся где-нибудь в засаде, примем его под белы рученьки, слегка потрясем, и он нам все расскажет — и про шантаж, и про Саби, и про то, кто за ним стоит и всю эту историю организовал. Потому как, Серый, не верю я в то, что Славка у нас такой уникам.

— А потом? — сухо спросил Сергей.

— А потом мы поедем ко мне на работу, Серый. У меня там места много, и там его точно никто не найдет.

— Я не хочу его убивать.

— И я не хочу. И Володька. Он вообще не знаю, как держится, нервы у Вершинина ни к черту, даже в клинике не помогли. Он в мэры метит, а это работа напряженная. А мне и подавно не нужны никакие проверки, потому как, если Славка где не надо рот откроет, я точно сяду лет на десять. Никто ж не поверит, что это тесть мой, упырина, все проворачивал. Мне, Серега, это не надо. И тебе это не надо. Только не получится чистеньким остаться.

— Я никого не буду убивать! — прошипел Сергей.

— Ну, не убивай, — миролюбиво согласился Николай. — Поможешь его поймать, а потом домой иди. Ямку-то я уже распорядился выкопать. Так что мы с Вовой сами управимся, если что. Ты не сливайся только. Мы с Вовкой жирные оба, а ты вон какой, как гончая, вдруг наш дружок убежать надумает, не поймаем...

— Что с нами стало, Коль? — вдруг безрадостно спросил Сергей.

— С нами случилась жизнь, друг-сосиска. А она разная. И обстоятельства разные. Все могло быть по-другому, если бы мы в пятнадцать лет не набухались в старом парке, если бы Саби не принес ствол, и, если бы в наши светлые головы не пришла мысль, как можно быстро разбогатеть. Хотя, Серег, я своей жизнью доволен. Не кисни и не жалея Славку — он нам всем жизнь сломал.

— Он — несчастный человек.

— Это не повод делать несчастными всех остальных. Мы все как-то выжили и не скатились. А он скатился. Никто кроме него в этом не виноват. Завтра будь готов, я тебе позвоню на новый телефон, со старого не звони. Давай, друг, и постарайся не набухаться завтра, мы на тебя рассчитываем. Эту историю надо закончить.

Сергей сухо попрощался и вышел из машины. Уже свернув на короткую тропинку, вдруг вспомнил, что дома сидит голодная Алена, которая

ждет курицу-гриль, и, чертыхнувшись, пошел к магазину. Прижимая к груди теплую курицу, он подумал, что завтра никуда не пойдет, и будь что будет.

Обратно Сергей возвращался мимо арки, ведущей во двор подруги его дочери, что так смело бросила в Интернет свои признания. Вдруг его внимание привлекли возня в арке и короткий женский вскрик. Черный клубок теней, возившийся в свете далеких окон, разваливался на несколько фигур, а потом женщина, которую мутузила какая-то шпана, громко закричала.

Не раздумывая, Сергей бросился на помощь.

Тамара успела крикнуть: «следственный комитет!», но первый же удар сбил ее с ног, и она плюхнулась в черную жижу, инстинктивно вцепившись в сумку, в которой было все: кошелек, служебное удостоверение, ключи от квартиры, куча нужного барахла, и это счастье, что она не пошла опрашивать свидетелей, вооружившись табельным оружием — она бы его даже достать не успела.

Нападавших было трое, но в полумраке арки Тамара не разглядела ни одного лица. После того как она упала, кто-то из молодчиков пнул ее под ребра и в живот и рванул из рук сумку, в которую она вцепилась мертвой хваткой.

А потом кучка юных шакалов угодила в бурю.

Тамара даже не поняла поначалу, что произошло, кроме того, что в подворотне появилось новое действующее лицо, в один момент разметавшее банду ее обидчиков. И когда она смогла поднять голову, все трое валялись на земле в странно скрюченных позах, подвывая и охая. Над ней склонилась тень светловолосого гиганта, протягивающего руку, чтобы помочь ей встать.

— Вы как? — участливо спросил он. — Может, «скорую» вызвать?

— Ну, дядя, ты попал, — сплюнул один из сопляков, — я все Сизому скажу!

— Сумка, — прохрипела Тамара. — Сумка...

— Вот ваша сумка, — ответил спаситель. — Вроде все цело. Давайте попробуем потихоньку встать, моя хорошая. А если не сможете, то не геройствуйте, может, у вас сломано что.

Тамара схватилась за руку, ахнула и с трудом поднялась, чувствуя, как болит вся правая сторона ее тела. Волосы падали на глаза, и она раздраженно откинула их назад, досадуя, что не может разглядеть лица героя. А вот ее лицо оказалось на свету, и это мужчину не порадовало.

— А, так это вы? — с неожиданной неприязнью произнес он. — Что же вы на допросы и в одиночку?

Только теперь Тамара его узнала: фигурант по делу убийства Бебусенова — Сергей Богаченко собственной персоной. Узнала и чертыхнулась, поскольку он был последним, кого хотелось бы увидеть.

— А вы что тут делаете? — сердито спросила она.

— Живу, — пожал он плечами. — Вон там, через двор. Вы разве не ко мне шли?

— Не к вам. Но спасибо за помощь. Все так быстро случилось...

— Вы на машине? — спросил Богаченко.

— Нет, я сейчас такси вызову...

— Куда вы в такси в таком виде? Идемте, приведете себя в порядок.

— Не стоит, — отказалась Тамара. — Я коллегам позвоню...

Она нашарила в кармане телефон и едва не выругалась, увидев на экране сеточку трещин. Телефон, ясное дело, не включился. А Богаченко тем временем подобрал с земли пакет, заглянул внутрь и фыркнул.

— Что это? — спросила Тамара.

— Курица-гриль. На ужин купил. Пойдемте, наконец. Раньше дойдем, раньше дома окажетесь.

Тамара выдохнула и отважно взяла его под руку. Нога болела так, что казалось, будто ее перетянули проволокой. Но боль была снаружи, а не внутри, и это значило, что кость не задета. Кроме ноги саднило в ребрах, и она мрачно думала, что их точно сломали.

Они поднялись на лифте, и Сергей нажал на кнопку звонка. Дверь тут же открылась, и на пороге показалась девушка в застиранной голубой пижамке, вопросительно и слегка испуганно уставившаяся на Тамару. Он сунул ей пакет с курицей и быстро проговорил:

— Алена, это следователь Царева, на нее тут немного напали, так что мы ей сейчас окажем первую помощь.

— Похоже, что там было не совсем «немножко», — констатировала Алена и тут же спросила: — Это вы ведете папино дело по домогательствам?

— Нет никакого дела по домогательствам, — покачала головой Тамара.

— Надо же, — недоверчиво произнесла Алена.

— Дочь, выдай гостье чистое полотенце. Идемте, надо с вас хотя бы грязь смыть. Раздевайтесь и бросайте все в стиралку. Алена, найди, во что следователь Царева может переодеться, а вы идите в ванную...

Алена принесла джинсы с дырками на коленях, майку, старую кофту и полотенце. Тамара смущенно поблагодарила, ожидая, что Алена выйдет

и оставит ее в покое, но та не выходила и, дерзко глядя ей прямо в глаза, заявила:

— Папа ни в чем не виноват. Танька врет, и я могу это доказать.

— Каким образом?

— У нее другой мужик, богатый, на черном джипе. Я видела их своими глазами. А потом пошла к ней на разборки. Танька фактически призналась, что оговорила отца нарочно. Он ей на фиг не нужен, он же не платит за ее «хотелки».

— Сможешь его опознать? — спросила Тамара.

— Я номер машины записала, когда он приезжал сюда.

— Сюда?!

— Да, к отцу. Это какой-то его друг детства. И с ним Танька спит. Он ей айфон купил и деньги дает регулярно. Вы же его арестуете?

— Мы с ним поговорим, — уклончиво ответила Тамара. — Спасибо тебе за информацию.

— Не за что, — холодно ответила Алена. — Я вам номер запишу.

Через четверть часа Тамара осторожно вышла на кухню, прижимая к груди большой мусорный пакет с загубленными вещами. Богаченко с дочерью бросили на нее одинаково настороженные взгляды.

— Садитесь, чаю выпьете, — предложил Сергей.

— Спасибо за гостеприимство, но я поеду, — отказалась Тамара. — Можно попросить вас вызвать такси?

— При чем тут гостеприимство? Вы еще от шока не отошли. От того, что вы задержитесь на пять минут и выпьете сладкого чаю, ничего не изменится, — сказал Богаченко. — А я буду уверен, что вы не свалитесь в обморок где-то по дороге.

Тамара пожалала плечами, поставила пакет на пол и села на табурет. Алена взяла чашку, тарелку с куриной ножкой и молча вышла.

Оставшись наедине с Богаченко, Тамара наблюдала, как он наливает ей чай, как гармонично смотрится этот красивый мужчина на крохотной кухне, и вдруг совершенно отчетливо поняла: никого он не домогался и никого не собирался насилловать. Для этого он был слишком хорош.

Они просидели в напряженном молчании минут пять. Тамара почти допила чай, когда в прихожей заворочался ключ в замке. Сергей вскинул голову и как-то сник, но не поднялся с места. В кухню спустя мгновение влетела красивая блондинка и, увидев Тамару, застыла, словно врезалась в стенку.

— Как интересно, — протянула она вместо приветствия. — У нас гости? То есть, я хотела сказать у тебя гости?

— Даш, не устраивай сцен, — поморщился Сергей.

— Да я и не собиралась, — любезно ответила Дарья. — Я вообще за дочерью приехала. Она здесь? Алена, собирайся!

— Даш, пусть ребенок останется дома.

— Нечего ей тут делать, — зло произнесла Даша и покосилась на Тамару: — Почему на ней моя одежда? Что вообще происходит?

Тамара почувствовала, что пора ей вмешаться, и поднялась:

— Я — следователь Царева. Не подумайте ничего плохого.

— Не беспокойтесь, все плохое я уже подумала и увидела, — ледяным тоном ответила Дарья. — Алена, быстро собирайся!

— И тем не менее. Сегодня ваш муж помог мне, когда на меня напали хулиганы, и я ему очень благодарна. К сожалению, моя одежда пострадала в потасовке, но как только я доберусь до дома, немедленно пришлю ваши вещи.

— Ну что вы, — фыркнула Дарья. — Оставьте себе на долгую память о моем добром муже. Что он еще для вас сделал? Растопил одинокое сердце?

— Дарья, прекрати себя так вести! — с нажимом произнес Сергей.

— А то — что? — с вызовом спросила Дарья.

Тамара подумала, что Богаченко сейчас ее ударит и стремительно развернулась к нему:

— Давайте все успокоимся. Точнее, вы успокойтесь, а я поеду. Сергей Владимирович, еще раз спасибо вам за помощь. Наверное, я бы без вас пропала.

— Не за что, — негромко, и абсолютно ровным тоном ответил хозяин дома. — И сходите к врачу. Вы все время за бок хватаетесь, возможно, там что-то серьезнее ушибов.

В прихожей, обуваясь в грязные сапоги, Тамара встретилась взглядом с Аленой, которая держала в руках телефон.

— Такси приедет через две минуты, — сказала она, незаметно сунула в руку Тамаре смятую бумажку и бросила испуганный взгляд в сторону кухни.

— Все нормально будет? — шепотом спросила Тамара шепотом.

Алена развела руками и с отчаянием ответила:

— Я надеюсь.

До встречи со Славкой оставалось ее больше двух часов, но Сергей не мог усидеть дома и отправился в парк заранее, чтобы оглядеться на местности. Когда маршрутка подъехала к центральному входу, Сергей осознал, что инстинктивно избегал визитов сюда на протяжении двадцати лет, и даже квартира у них находилось в другом конце города.

За два десятка лет парк сильно изменился. В нем появился ряд новых аттракционов, хотя чертово колесо, подкрашенное, скрипучее, осталось на прежнем месте, словно скукожившись в размерах. На прежнем месте остался и «Ветерок» с его сидениями на длинных цепях, и статичная «Ромашка», которая в детстве наводила ужас своим наклоном. На этом ностальгические воспоминания заканчивались.

Как и следовало ожидать, от старых качелей-лодочек не осталось ни следа, но место, где они стояли, Сергей, к своему удивлению, нашел без труда. Деревья, что окружали полянку, выросли, сама она заросла кустарником, до обрезки которого у администрации парка не дошли руки. Сергей успел подумать, что спрятаться тут можно в два счета, и никому в голову не придет обшаривать кусты, и тут у него в кармане заверещал новый телефон.

— Не отсвечивал бы ты, друг-сосиска, — слышался в трубке недовольный голос Николая. — Уйди в кусты и прикинься ветошью, вдруг он тоже придет пораньше. И звук на телефоне вырубил, оставь только вибрацию, а то спалишь нас всех. Прямо как дите малое...

Сергей послушно отошел в сторону, спрятался за дерево и, покопавшись в настройках, отключил на телефоне звук. Парк тонул в темноте, которую почти не рассеивали фонари. Ожидание тянулось мучительно долго. Несколько раз, услышав шаги, Сергей подбирался, готовый выпрыгнуть из засады, но каждый раз это оказывалась ложная тревога. Сначала сквозь старый парк прошла влюбленная парочка, бесстыдно целующаяся через каждые пару шагов, затем бабка с тележкой на колесах, задорно позвякивающей бутылочным перезвоном. Последним прошелся какой-то облезлый ханурик, это был не Славка. Забулдыга быстро ретировался, оставив после себя смрад немытого тела, доносящийся даже на расстоянии. Когда он ушел, Сергей отчетливо осознал: никто не придет.

От долгого стояния в сырой траве он быстро замерз, разболелась спина, а ноги промокли и заледенели. Сергей успел подумать, что не собирался приходить и еще не поздно просто уйти домой, когда до него вновь донеслись чьи-то шаги. Он осторожно выглянул из-за дерева и увидел Вершинина.

Володя нервно озирался по сторонам, прижимая к груди внушительный сверток. Он дошел до полянки, сдвинулся на несколько шагов в сторону и остановился, притоптывая на одном месте. Топтался минут двадцать, а затем нервно подпрыгнул, вытащил телефон из кармана и что-то в него буркнул. Разговор был коротким. Оглядевшись, он вороватым движением сунул пакет в урну и трусцой побежал в обход, намереваясь прикрыть третий выход из парка.

Еще через полчаса Сергей вновь услышал шаги, а потом в поле зрения показался человек, в котором он опознал давешнего забулдыгу. Воровато оглядевшись, тот подошел к урне, вынул из нее пакет и начал разворачивать. В этот момент в кустах раздался треск, и Сергей увидел, как к месту, продираясь сквозь заросли, несется Вершинин, спотыкаясь на каждом шагу. Забулдыга присел, словно заяц, а затем бросился прочь.

— Серега, бери его! — заорал где-то рядом Николай, и Сергей кинулся вдогонку.

До выхода из парка оставалось всего ничего, когда он догнал и сбил забулдыгу с ног. Тот заверещал, нечленораздельно моля о помощи и попутно сыпая ругательствами. Сергей ударил пьянчужку под дых, вымещая на нем всю свою злобу. Это ведь был не Славка, конечно, не Славка, а чего они ждали? Школьный друг был слишком умен, чтобы пойти за деньгами самому.

Хрипя, к ним подбежал Николай, остановился, сложившись пополам, а затем, отдышавшись, с яростью схватил забулдыгу за шиворот и поднял его, ударив спиной о дерево. Тот заорал и упал на мокрую траву.

— Это не Славка, Колян, — безнадежно произнес Сергей.

— Да вижу я, — просипел Николай.

— Граждане, товарищи! — взвизгнул забулдыга. — Да что я вам сделал плохого? Шел мирно, никого не трогал, бутылки собирал...

— Завали хлебало! — пнул его по ребрам Николай. — Говори, где второй, или я тебя прямо тут завалю!

— Да в парке он, в парке! — вскрикнул забулдыга. — У выхода, за трубами затихарился! Туда велел прийти...

— Поднимай его, — скомандовал Николай. — Пусть покажет. А Вовка-то где?

Вершинин, прихрамывая, ковылял по дорожке и озирался по сторонам. Увидев друзей, он приободрился и торопливо направился к ним, но, подойдя ближе, разочаровано опустил уголки губ.

— Это не Славка? Черт, я думал, вы его поймали... А он где?

— Где-то рядом, — успокоил его Николай. — Сейчас нам этот тип и покажет. А если не захочет, у нас машинки большие, в багажнике место много. Отвезем ко мне, там и прикопаем.

Забулдыга сник, безвольно опустил голову и вдруг, вьюном выскользнув из драной куртки, оставляя ее в руках Николая и Сергея, одним прыжком ринулся в заросли и исчез.

— Упустили! — взвыл Николай и в сердцах плюнул на землю. Потом вздохнул и добавил: — Ладно, этот в другую сторону драпанул, надеюсь, не успел предупредить. Пошли, глянем, что там и как.

Они прошли полдороги, зорко оглядываясь по сторонам, когда в кармане Вершинина коротко звякнул телефон. Владимир вынул его, глянул на экран и остановился.

— Что там? — спросил Николай.

Вместо ответа Вершинин развернул экран к друзьям и стиснул зубы так, что они захрустели. Там виднелось короткое сообщение:

«Кинуть хотел? Капец вам!»

Свое личное расследование Маруся Рязанова решила начать с владельца «ренджровера» и несколько дней пыталась организовать с ним встречу, но тот оказался человеком несговорчивым и суровым, что при его профессии было вполне понятно. Николай Безуглый заправлял кладбищем, которое считалось муниципальным и бесплатным, но вот хоронили на нем людей почему-то за бешеные деньги. Кляня Безуглова на чем свет стоит, Маруся начала рыться в документах и, уже окончательно запутавшись, решила, что у нее двоится в глазах. Кремацией и похоронами занимались две конторы: муниципальная, чьим директором был Безуглый, и частная, с тем же названием, очень похожими реквизитами, директором которой был все тот же Безуглый. Обхватив голову руками, вооружившись кружкой с кофе, Маруся начала разбираться.

Схема прибылей Безуглого стала ей понятна только ночью, когда, окончательно одурев, она плюнула на все, уехала домой, легла спать и где-то через час проснулась с озарением. Безуглый надувал полуторамиллионный город с изяществом, достойным Остапа Бендера. Слепленные горем люди, как правило, не экономили, но хоронить родственников хотели все-таки подешевле, и чисто теоретически город отправлял их в государственную контору. Придя на место, скорбящие родственники оказывались в лапах конторы Безуглого, а там родню начинали обрабатывать так легко и убедительно, что они, не глядя и не разбираясь, оплачивали счета частной лавочки, находящейся по тому же адресу. Всего несколько других слов в договоре, и городской бюджет не досчитывался миллионов. Разумеется, организовать такую аферу без ведома мэрии Безуглый не мог, значит, делился с кем надо. Маруся порылась в учредительных документах, что висели в свободном доступе на государственных порталах, и без особого удивления нашла в совете директоров мэрского сыночка, мажора, алкоголика и заядлого кокаиниста, что гонял по городу на «майбахе».

— Ах, ты, хитрый жук! — восхитилась она и еще раз поглядела на фото Безуглого.

Чего Маруся не понимала, так это зачем Тане Шишкиной, что путалась с таким богатым мужиком, было подставлять своего учителя, отца лучшей подруги, Сергея Богаченко. Но узнать об этом у самой Тани не получилось. Девушка пропала, в школу не приходила, однако явно не страдала и не мучилась чувством вины. Маруся внимательно проштудировала ее инстаграм, отметив, что качество фото заметно улучшилось. Таня приобрела себе айфон, брендовые шмотки и, судя по видам из окон, отдыхала в «Мариотте», ходила в рестораны и магазины. Маруся написала Тане несколько сообщений, но те остались без ответа. Последние пару дней Таня ничего нового в ленту не выкладывала, сообщения остались непрочитанными. Изучив фото, Маруся поняла, что отдыхает Таня явно не одна, кто-то должен был ее снимать, и пару раз в отражении очков виднелся силуэт грузного мужчины, вот только лицо так и не отразилось, о чем Маруся тут же пожалела — было бы железное доказательство.

Еще она поняла, что даже без объяснений Шишкиной у нее на руках роскошная история, открывающая дорогу в столичные СМИ. Схема коррупционных махинаций на кладбищах города тянула на прямые эфиры, где она стала бы первоисточником. Недолго думая, Маруся решила встретиться с Безуглым и задать несколько вопросов, маскируя свой интерес недавними происшествиями вандализма, когда куча алкоголиков волокла с кладбищ цветной металл. О том, как вырулит на тему сожительства с несовершеннолетней и махинациями на кладбище, она думать не стала, решив довериться судьбе.

Судьба оказалась неблагоприятна. Безуглый был неуловим. Идти к нему с обвинениями домой Маруся не рискнула, поскольку расследование расследованием, но и совесть нужно иметь. Она не знала, как на ее вопросы отреагирует жена Безуглого, и что будет, если она ошиблась. Два дня Маруся околачивалась около офиса, сунулась внутрь, соврав, что у нее назначена встреча, но ее быстро раскусили и выгнали. На улице было холодно, а поблизости не оказалось ни одного кафе, где она могла бы с комфортом пересидеть, дождавшись приезда Безуглого на работу. Делать было нечего. Маруся, хотя это било по ее карману, арендовала машину, с трудом припарковалась поодаль, раздосадовано увидев, что Безуглый уже приехал и воткнул машину на стоянке. Соваться к нему в офис она не стала, решив взять «тепленьким», у машины.

Наконец она дождалась, когда Безуглый вышел из офиса и направился к своей машине. Маруся бросилась ему наперерез:

— Николай Николаевич!

Безуглый остановился, посмотрел на нее, и его губы дрогнули в усмешке:

— Что вам нужно?

— Поговорить, — храбро ответила Маруся.

— Ну, так приходите ко мне в офис, запишитесь у секретаря, поговорим.

— Я пыталась, но вы не хотели.

— А, вы та самая журналистка? По вандализму на кладбищах? А вы настырная... Только мне вам нечего даже сказать, кроме того, что всем давно известно. Полиция их задержала, ущерб оценивается. Что вам еще сказать? Ну, прискорбно...

Маруся подумала, что у Безуглого очень добрые глаза и улыбка приятная, и никак не верилось, что этот человек причастен к многомиллионным хищениям. Не говоря уже о странной истории со школьным учителем.

— Вы ничего не записали, — отметил Безуглый. — Вам не нужен комментарий? Или у вас где-то диктофон?

— Вы же знаете Сергея Богаченко? — резко спросила Маруся.

Безуглый сразу напрягся, и доброта из его глаз моментально испарилась. В одно мгновение из плюшевого медвежонка он превратился в гризли, готового обороняться и нападать.

— Допустим, — холодно сказал он. — Что вам нужно?

— Мне нужно понять, почему ваша любовница его оговорила, — торопливо сказала Маруся.

— Какая любовница? Что за чушь вы несете? Девочка, ты что, ненормальная?

— Ой, бросьте! Очень смешно сейчас отпираться. Вы спите с подружкой Алены Богаченко, Таней. И она по какой-то непонятной причине оговорила Сергея. Я хочу понять, зачем она это сделала? Или вы будете отрицать, что купили соплячке красивую жизнь? Она несовершеннолетняя вообще-то, за растление не боитесь сесть?

— Совсем больная? — зло рявкнул Безуглый.

— Я-то здоровая, а вот у вас с головкой нелады. Я одного не могу понять, чем вам Богаченко помешал. Он вроде на нее не претендовал.

— Слушай, деточка, — с опасной ласковой интонацией сказал Безуглый и придвинулся к ней, почти навалившись грузным телом, — мне пофиг, из какого ты издания, я говорить с тобой не хочу, особенно отвечать на всякий бред.

— Я знаю про ваш МУП и про то, как вы за бюджетный счет хороните покойников, а их родне выставляете счета. И еще у меня есть фото из гостиницы, где вы отдыхаете с Таней. И я могу это доказать.

Маруся вынула телефон и ткнула в лицо Безуглому. Тот выхватил телефон и стал листать ленту в инстаграме. Спустя мгновение на его лице появилась странная улыбка.

— Ты ж моя Агата Кристи, — сказал он и сунул руку в карман. Маруся опасливо отодвинулась, подумав, что напрасно не подстраховалась, ведь ее, возможно, сейчас просто застрелят. Увидев ее ужас, Безуглый откровенно рассмеялся: — Дура ты, дура! Куда ж ты полезла со своим расследованием? Мой тебе совет: затихарись и никуда не суйся. Не твоего ума это дело. А вообще, спасибо.

— За что? — почти беззвучно спросила Маруся.

— За помощь. Домой иди, дуреха, — хохотнул Безуглый.

Маруся захлопала ресницами. Безуглый надавил на кнопку, отпирающую автомобиль, и в этот же момент его поглотил огненный шар. Хлопком выбило окна в офисе похоронной конторы, но ни ее хозяин, ни любопытная журналистка этого не услышали...

От выгоревшей машины похоронного короля мало что осталось. Тамара аккуратно обошла разбросанные по асфальту части кузова и фрагменты чего-то бурого, дымящегося, до сих пор воняющего горелым мясом, прикрывая нос рукой. Криминалисты возились на месте взрыва, поодаль в забрызганной грязью «тойоте» сидел смутно знакомый фээсбэшник и что-то записывал. Из дверей конторы вышел бывший муж, поежился, передернул плечами и, заметив Тамару, подошел, вынул из кармана сигарету и жадно затянулся.

— Есть что-то? — спросила Тамара.

Геннадий бросил на нее взгляд, который можно было бы назвать укоризненным, если бы она не знала его игры.

— И это вместо приветствия?

— Ген, заканчивай, — поморщилась Тамара. — Не до политесов. Хотя бы предварительно что-то есть?

— Ну, взрывное устройство, скорее всего, кустарное, подключили к зажиганию. Хозяин тачку завел, она и бумкнула. Погиб на месте, что не удивительно, там тротила было столько, что можно было Останкинскую телебашню снести как пылинку.

— Это точно Безуглый? — безнадежно спросила Тамара.

— Скорее всего. Свидетели показали, что он вышел из конторы и несколько минут разговаривал с выскочившей из-за угла девицей. А потом машина взорвалась.

— Что за девица, выяснили?

— Вот тут самый вонючий момент, Тома. Это некая Мария Рязанова, журналистка с нашего местного канала. Я уже вижу, как начальство ставит нас раком и требует раскрыть преступление в кратчайшие сроки, а все СМИ поливают дерьмищем. Хай поднимется до Москвы, там еще

всякие правозащитники подключатся, начнут полоскать... Да и для телевидения это тема аж трех передач как минимум. Хочешь в телик, Тома?

— Ничего я не хочу, Гена. Я спать хочу, — устало проговорила Тамара и отошла подальше, к криминалистам, которые раскладывали найденные на месте вещдоки. Сумочка журналистки, ее телефон, ключи от квартиры и машины уже упаковали в прозрачные пакеты. Тамара взяла обгоревшее служебное удостоверение журналистки и посмотрела на фото погибшей Рязановой. Лицо этой юной, не пожившей девочки она вспомнила, вспомнила и то, над каким сюжетом работала Рязанова. И от осознания этого Тамаре стало холодно. Мария Рязанова дважды освещала историю Сергея Богаченко. Сначала журналистка рассказывала о подвиге учителя, а затем заклеила его позором. Еще Тамара вспомнила, как дочь Богаченко упомянула, что рассказала журналистке о том, что, видела Безуглого с Таней Шишкиной, и быстро вытащила телефон.

— Вась, — торопливо начала она, едва Татаркин взял трубку, — надо срочно узнать, где находился Богаченко сегодня и вчера. И еще, надо срочно выяснить, где находится Татьяна Шишкина, которая обвинила его в домогательствах. Если ее нет дома, выбей заявление от ее родителей.

— Ты же говорила, они не просыхают, — уточнил Василий.

— Вась, просто сделай! — выкрикнула Тамара. — У меня тут еще два трупа, и что-то мне подсказывает, что это все в одной куче...

Она оглянулась на скрежет. Криминалисты, наконец, открыли покореженный багажник машины и тут же отпрянули, замахали руками. Насторожившись, Тамара кинулась к машине, догоняя вскочившего фээсбэшника и бывшего мужа. Эксперт отодвинулся в сторону, давая им возможность поглядеть на скрюченный труп, облепленный расплавившимся черным пластиком.

— Третий «жмур»? — недоверчиво произнес Геннадий. — По мне, так перебор. Это что же, он своих клиентов в контору в багажнике возит, да еще не в гробу, а в пакете?

— Что-то мне подсказывает, что это неучтенка, — сказал фээсбэшник. — В девяностые на этом кладбище такое происходило...

— Он что, дурак, труп в багажнике возить? — удивилась Тамара. — Это же до первой проверки. Любой дэпээсник мог его тормознуть и попросить открыть багажник. Среди бела дня возить покойника как чемодан? Тут надо совсем отмороженным быть.

Покойник оказался женского пола. Снять оплавившийся пластик с трупа на месте не получилось, и Тамара, составив протокол, поехала в следственный комитет, разбитая и усталая. Просидев до вечера за текучкой, она то и дело бросала взгляды в угол, где стоял пакет с тщательно высти-

ранными вещами, что одолжил Богаченко. Уезжая от него, Тамара неуютно чувствовала себя в вещах чужой жены, и теперь ей очень хотелось избавиться от них. А еще — снова увидеть Богаченко, что было совершенно непрофессионально. Внутреннее чутье следователя подсказывало, что он, так или иначе, причастен к происходящему, но вот каким боком, она не понимала.

Василий все не звонил. Но вместо него позвонил криминалист, сообщивший, что с лица труп молодой девушки из багажника сняли пленку, а в ее карманах нашлось кое-что интересное. Тамара бесстрастно выслушала информацию, поблагодарила и тут же набрала Василия.

— Тамара, я как раз иду к ее родителям, — пробухтел недовольный голос оперативника. — Сейчас я их расспрошу и заставлю написать заявление.

— Вась, — прервала его Тамара. — Бери Шишкиных в охапку и вези сразу в морг. Кажется, их дочка сегодня нашлась.

Вершинин был зол и угрюм. Сергей, сидя напротив, в захудалой забегаловке, чувствовал себя точно так же. Владимир позвонил первым, захлебываясь в истерике. Сергей же после услышанного был просто раздавлен. Весть, что Безуглого взорвали в машине прямо перед офисом, ударила, как гром среди ясного неба. Оба приехали в кафе с опозданием, разминувшись в дверях буквально на пару минут, дождались неопрятную официантку, почти не глядя, заказали какую-то еду и так же без аппетита стали ковырять в тарелках. Вершинин приехал на малоприметной «тойоте», грязной и удачно вписавшейся в пейзаж. Сергей часть пути проехал на метро, потом пересел на трамвай у оперного театра, долго трясся в вагоне, глядя в немытое окно и думая о Николае, чье тело по фрагментам собирали в городском морге.

Отодвинув тарелку, Вершинин сделал глоток из чашки с кофе и скривился:

— Дерьмовый вкус.

— Сам место выбирал, — огрызнулся Сергей. — Скажи спасибо, что в чашке окурки не плавают.

— Ну, может, они на дне... Глядя на рожу официантки, не поручусь, что она нам в тарелки не наплевала, — ответил Вершинин. Сергей покачал головой.

— Не смешно, Вов.

— Не смешно, — вздохнул тот. — Кто смеется-то, Серый? Все уже почти месяц как не смешно. Наш дружок Слава оказался как-то слишком крут.

— Я уже об этом думал, — признался Сергей. — Это вообще не вяжется с историей бездомного бомжа, безработного, без связей и денег. Колян советовал поискать кого-то еще, кого-то рядом с нами, человека с деньгами. Это все очень странно, Володь. Есть старая история, есть участники, место преступления, оружие, шантажист и шлейф в двадцать лет. Почему он решился прийти к нам только сейчас, ведь он не первый год бомжует? Откуда у бомжа, который не служил, не работал взрывником, не имеет никакого опыта бойца, появилась бомба?

— А он не служил? — уточнил Вершинин.

— По-моему нет. Я вроде бы из нас единственный служил. Но я ничего не понимаю в бомбах. Максимум, из «калаша» постреляю. В то, что Славка какой-то террорист-затейник, я не верю. Остается только одна версия: с нами играет кто-то еще. Кто-то следил за нами в парке, нанял того бича. Надо было допросить его как следует, узнать хотя бы, как выглядел его наниматель.

— Славка тебе никогда не звонил? — вдруг спросил Вершинин.

— Нет. А что?

— А то, что он с требованием выкупа позвонил мне. Откуда-то достал мой номер. Ты его знал?

— Нет.

— И я твоего не знал. И Колькиного. И номера Саби. Саби перед смертью звонил тебе в школу. Так или иначе, мы старались избегать друг друга, номерами не обменивались, домами не дружили. Саби нашел тебя через школу. Как можно было получить номера наших сотовых?

— Ну, — пожал плечами Сергей, — при известной ловкости это возможно. Тебе на работу позвонили, выведали номер у секретарши, так же, как и ко мне, или к Кольке.

— Это все возвращает нас к тому, кем был Славка. Он не произвел впечатление какого-то гениального Мориарти. Обычный алкаш с желе вместо мозгов и одной мыслью урвать себе «бабок».. Что мы вообще о нем знаем? Минимум две ходки, судимый папаша или брат... Маргинал, одним словом. Зачем он пришел к нам с этой старой историей? На что рассчитывал?

— Не понимаю, — согласился Сергей. — Он бы ничего не доказал. Я даже не уверен, что не вышел срок давности. Но, тем не менее, тогда он пошел, забрал пистолет, где-то его спрятал и не пропил за двадцать лет, хотя ствол денег стоит.

Вершинин понуро опустил голову.

— Это все так не вовремя, — признался он. — Я же в мэры собираюсь выдвигаться в будущем году. Для меня это шанс. Сам знаешь, в России

мало субъектов, где разрешены прямые выборы градоначальника. Шансы хорошие, и, если вылезла бы эта история, она могла бы меня потопить. Я бы предположил, что эту историю как-то раскопали конкуренты и начали действовать против меня, но в нее втянули вас. И потом, это не так работает. Обычно идет слив компромата в СМИ, никто не станет бросать тень на будущего городского главу, взрывая машину его одноклассника и втягивая другого в сексуальный скандал. Про убийство третьего я вообще молчу. Так что, либо наш дружок Слава заделался Джеймсом Бондом, либо...

— Либо это месть, — подхватил Сергей. — Мы с Колей об этом говорили. Мы ничего не знаем о том, кто мог мстить за охранника, и почему ждал двадцать лет. У него были дети?

— Да откуда ж мне знать? Но даже если и были, как ты себе эту историю представляешь?

— Как случайность. Славка нажрался и развязал язык. Волею судьбы, его собутыльником оказался сынок убитого охранника, который связал два и два, но, вместо того чтобы просто устранить убийцу отца, решил на них заработать, втерся к Попову в доверие и отправил к нам. Именно поэтому двадцать лет мы жили спокойно. Это была случайность.

— Не верю я в случайности, — покачал головой Вершинин.

— А я верю. У тебя разве не бывало, что ты встречал давно забытого человека в каком-то месте, куда попадал волею судьбы? Динку Волкову помнишь, рыжая такая, за тобой в десятом классе бегала? Она потом в Германию уехала. Я два года назад ездил в Москву, зашел в метро и столкнулся с ней нос к носу, она приезжала к родне мужа, но транзитом, поэтому даже переночевать в Москве не планировала. Тоже двадцать лет человека не видел. А тут два человека из одного города, никуда не уезжали. Славка единственный, кто обитал на прежнем месте, они могли пересечься чисто случайно.

— Все равно очень сомнительно.

— Я и не утверждаю, что это так, но как версия вполне годится. Сам же говорил: Славка — пропитый алкаш, у него не хватило бы мозгов организовать такую операцию. Значит, надо искать того, у кого их в достатке.

— Например, у тебя, — вдруг оскалился Вершинин. — Как тебе такая версия? Зарядил Попова, тот пошел нас шантажировать. Из всех нас только ты ничего не добился. У всех до фига бабок, а ты «сеешь разумное, доброе, вечное». Может, тебе надоело? К Саби ездил именно ты, Серый, ты это даже не отрицал. И все пошло не так, когда эта малолет-

няя шлюшка обвинила тебя в домогательствах. Хотя, с другой стороны, ты мог придумать это, чтобы обеспечить себе алиби.

— И уничтожить репутацию?

— Ой, брось, — поморщился Вершинин. — Что такое репутация по сравнению с баблом? Взял бы несколько лямов, переехал в другой город, и все, финита ля комедия. Не, серьезно, из всех нас материально ты ничего не терял.

— Я уже думал, что это может быть кто-то из нас, — спокойно ответил Сергей, хотя внутри все сжалось, — но потом от этой мысли отказался. Для нас это слишком поздно, и мы все участвовали в убийстве охранника. Если бы мы оказались под следствием, любой из нас потянул бы остальных. Будь я шантажистом, как бы я доказал, что не я тогда спустил курок? Толку от денег, если бы сел вместе с вами. Никому из нас эта история невыгодна.

Вершинин кинул на Сергея недоверчивый взгляд, пошарил у себя в кармане и, вынув кредитку, резко сказал:

— Не хочу больше говорить на эту тему. Ни с тобой, ни с кем-то еще. Я, прости, тебе тоже не верю.

— Володь, может ему, или им, выгодно, чтобы мы перессорились.

— Да плевать мне! — взорвался Вершинин, да так громко, что официантка, рывшаяся в подсобке, высунулась на шум. — Я — сам по себе, а ты разбирайся, как хочешь.

— Не ори, — сурово прервал его Сергей. — Если он тебе еще позвонит, что будешь делать? К кому пойдешь?

— К профессионалам.

— Им придется рассказать нашу историю.

— Я же не к ментам пойду, Серый, — хохотнул Вершинин, — а к профессионалам. А им не обязательно знать детали, чтобы намотать кишки на гвоздь.

— Не делай глупостей, Вов.

— А ты меня не учи, я одного такого умника уже послушался в прошлый раз. Где он сейчас? До сих пор с асфальта соскребают, — зло бросил Вершинин.

В этот момент к столику подошла официантка, он рассчитался и торопливо вышел, хлопнув дверью.

Сергей несколько минут смотрел на закрывшуюся дверь, а потом поднялся и тоже вышел, чувствуя, как его охватывает отчаяние.

Ему не хотелось идти домой, там было пусто. Даше удалось добиться своего, и Алена вновь уехала на съемную квартиру, как ни пытался Сергей доказать жене, что место ребенка в своем доме. Жена, не стесняясь

в выражениях, доказывала обратное, и в какой-то момент Сергею захотелось спорить. Напуганная яростью матери, Алена быстро собралась, и они ушли. При этом Даша так хлопнула дверью, что на кухне жалобно звякнули чашки. И это было очень печально, будто семейная жизнь четы Богаченко треснула и рассыпалась на осколки.

Ему не хотелось идти домой, но он пошел, просто потому, что больше было некуда. Погода испортилась окончательно, таскаться по улицам не было никакого желания. Ему удалось пройти по двору так, чтобы не нарваться на соседей, у лифта тоже никого не оказалось. Поднявшись на свой этаж, Сергей направился к дверям и вдруг увидел, как что-то большое завозилось на площадке вверху. Он напрягся, готовый, что сейчас на него прыгнет Славка с опасной бритвой, но там, на подоконнике, сидела сгорбленная фигурка женщины. Когда она зашевелилась, на площадке вспыхнула лампа, и Сергей выдохнул, узнав в гостье следователя Цареву.

— Что вам? — сердито спросил он вместо приветствия. На политесы не оставалось ни сил, ни желания. Тамара выдержала паузу и ответила слегка обиженным тоном:

— Я хотела вещи вернуть. Огромное спасибо, что вы тогда мне помогли.

— Не за что, — буркнул Сергей.

Она спустилась и, отдав пакет, прикоснулась к его рукаву:

— А вообще я хотела с вами поговорить. — И тут же торопливо добавила: — Если желаете, могу вызвать повесткой.

Сергей провернул ключ в замке, нехотя распахнул дверь и буркнул:

— Проходите. Все равно ведь не отстанете.

— Не отстану, — улыбнулась Тамара. — И я бы не отказалась от чашечки чая, если вас не затруднит.

— Идите в кухню, — сказал он, когда она скинула сапоги в прихожей. — Дочери нет, так что... Вас это не пугает?

— Почему меня должно это пугать? — удивилась Тамара.

— По версии следствия, я еще недавно был чуть ли не серийным маньяком, — невесело рассмеялся Сергей.

— А ваша жена не будет возражать против моего визита?

— Моя жена использовала ваш визит как еще один повод забрать дочь. Так что вы уже в прошлый раз сделали, что могли.

— Простите, я не хотела. Мне казалось, что я все объяснила. Нелогично обижаться на жертву нападения.

— Иногда для скандала не нужны ни объяснения, ни логика. Иногда нужен только повод, а если такового нет, его можно придумать, чтобы выглядеть обиженной. Вам черный или зеленый?

— Мне? Черный. Сергей Владимирович, в каких отношениях вы были с Николаем Безуглым?

Сказать, что он не ждал этого вопроса, было нельзя. Сергея выручило то, что, когда она спросила его о Николае, он стоял к ней спиной и разливал чай. Этой короткой паузы хватило, чтобы взять себя в руки. Поставив на стол чашки, затем вазочку с конфетами, он уселся напротив и с приличествующей скорбью ответил:

— Николай был моим одноклассником. В детстве мы дружили. Недавно снова встретились, поговорили за жизнь. Он меня поддержал в этой истории с Таней. И мне жаль, что с ним такое случилось. Это... неправильно, что ли. Коля всегда был добряком.

— Они были знакомы? Я имею в виду Безуглый и Таня Шишкина, — спросила Тамара.

— Откуда? — удивился Сергей. — Нет, конечно. Что за чушь? Откуда ему было знать Таню?

— Сергей Владимирович, вы знаете, что при взрыве Безуглый погиб не один?

— Да, в новостях передали, что с ним взорвали журналистку. Я, кажется, ее помню, она меня интервьюировала.

— Вы правы, погибла Мария Рязанова. Но дело в том, что трупов было не два, а три.

— Три? — удивленно повторил Сергей.

— Да. В машине было найдено еще одно тело. Знаете, чье?

— Нет, конечно.

— Это было тело Тани Шишкиной.

Вот тут Сергей не просто удивился, а испугался, да так, что спешно поставил на стол чашку, едва не расплескав чай. Мысль, что лучшая подруга дочери мертва, шокировала его настолько, что он пару секунд вдыхал, как выброшенная на берег рыба, и только потом сумел прохрипеть:

— Что?!

— Третьей была Таня Шишкина, — с сочувствием произнесла Тамара. — Учитывая ваш конфликт, мы сразу бросились проверять ваше алиби. На момент смерти вы были здесь, отмывали стены от следствий вандализма, так что убить Шишкину вы никак не могли. А знаете, что еще интересно? То, что к моменту взрыва машины Шишкина была уже мертва минимум сутки. А еще, Сергей Владимирович, ваша дочь накануне видела, как Шишкина садилась в машину Безуглого. Алена рассказала, что у Тани появился богатый ухажер, взрослый, полный мужчина. Это же подтвердили родители.

— Что за... чушь? — нахмурился Сергей. — Вы намекаете, что Таня спала с Николаем?

— Это не чушь, Сергей Владимирович. Согласно данным экспертов, жертва вела активную половую жизнь, так что вполне возможна ее связь с Безуглым. Но у нас кое-что есть. Вот это записи с камер видеонаблюдения похоронного агентства. Обратите внимание на дату: двадцать восьмое августа. К агентству подходит мужчина, одетый в клетчатую рубашку. Вы его знаете?

Тамара веером разложила на столе несколько распечатанных на бумаге снимков, на которых без труда можно было узнать Славку Попова. Впрочем, лицо было смазанным, и потому Сергей решил прикинуться дурачком.

— На этих фото не разобрать лица, — резонно произнес он.

— Верно, камеры довольно плохие, — согласилась Тамара и, как фокусник, вытащила еще несколько фотографий. — Но, может быть, вам освежат память вот эти скриншоты потасовки рядом с вашей школой. Вы выволокли из здания некоего мужчину, одетого точно так же, как этот человек. А вот еще фото. Убитый Бебусенов встречался с этим же мужчиной накануне своей смерти. Что вы можете сказать по этому поводу? Кто он?

Отпираться было бессмысленно. По лицу Тамары было видно, что она оценивает его ответы и готова вцепиться в горло, если он попробует соврать. И он не стал.

— Это Слава Попов. Наш одноклассник.

— Зачем он к вам приходил?

— Просил подкинуть баблишка на бедность, — пожал плечами Сергей. — Я, конечно, не дал, так он начал скандалить, пьяный был в стельку. Ну, я его и выкинул. Славка совершенно опустился. Впрочем, он всегда много пил, даже в юности. Когда-то мы все дружили, видимо, он ходил по всем, кого смог найти и просить денег.

— Значит, этот Попов приходил к вам, Безуглому и Бебусенову. К кому еще?

— Не знаю.

Она поглядела на Сергея с сожалением.

— Мне кажется, вы не понимаете серьезности происходящего или что-то скрываете, — с сожалением посмотрела на Сергея Тамара. — Попов приходил к трем одноклассникам, при этом двое мертвы, а третий едва не сел за растление малолетней, которая таинственным образом оказалась в машине Безуглого, да еще и мертвой. Сергей Владимирович, перестаньте валять дурака! У вас явное алиби на момент смертей

Безуглого, Шишкиной, не слишком прочное на момент смерти Бебусе-нова, подтвержденное, скорее, экспертами, и при этом вы сидите и что-то мне лепечете, будто не понимая, что вас активно подставляют. Или вы действительно не понимаете?

Она раздраженно махнула рукой и опрокинула чашку. Чай вылился на стол, превратив снимки в коричневые абстракции, часть напитка брызнула на Сергея, который отпрянул, но не сумел закрыться. Его светло-серая футболка и светлые спортивные штаны покрылись сетью неаккуратных клякс. Тамара испуганно закрыла рот рукой и вскочила:

— Ах, простите! Я вас обожгла?

— Ничего кроме майки не пострадало, — сквозь зубы ответил Сергей.

— Со мной всегда так, я такая неуклюжая, снимайте скорее! Это в стирку надо бросить, иначе пятна останутся...

Он не стал ее дослушивать и быстро вышел, раздраженно стаскивая с себя майку. В спальне, где стоял гардероб, стал копаться в ящиках, разыскивая что-то чистое, не нашел, вспомнил про брошенные в ванной джинсы, и, скомкав грязную одежду, кинулся в ванную, столкнувшись лоб в лоб с вышедшей из кухни Тамарой.

— Я хотела предложить помощь в стирке. В конце концов это моя вина.

Она вцепилась в ком одежды, и его ладони обожгло холодом.

— У вас такие холодные руки, Тамара, — хрипло сказал Сергей.

Она беспомощно улыбнулась, но рук не отдернула, и, когда он бросил одежду на пол и потянулся к ней, хрипло вскрикнула и вцепилась в него, как утопающий в плот, не понимая, что делает. А он, тоже не понимая, сделал то, что не делал никогда в жизни: подхватил и понес эту суровую женщину на узкий диван, на котором было тесно и неудобно, но им это совершенно не мешало. Два разгоряченных тела сливались в одно целое, старательно расталкивая тучи прошлых отношений, сплетенных из предательства и жестокости...

Когда Тамара пришла в себя после нахлынувших как лавина бурных эмоций, она прижалась к Сергею, провела ладонью по его груди и сказала:

— Теперь теплые. Согрелась.

Он обнял ее и поцеловал в висок, не зная, что она в этот момент с тоской думает о его красавице-жене, и что та в своих подозрениях оказалась куда прозорливее Тамары.

— Почему ты мне поверила? — неожиданно спросил Сергей.

— Потому что учитель истории не способен на убийство, — отшутилась Тамара.

— Ты не видела фильм, как один учитель химии варил амфетамины и сделал своего ученика подельником? Мы, педагоги, на многое способны, — усмехнулся Сергей.

Тамара, не подхватив его шутливого тона, тихо попросила:

— Скажи мне только одно.

— Что?

— Что ты не убивал Бебусенова, не душил Шишкину и не взрывал Безуглого, иначе я этого просто не вынесу.

— Я никого из них не убивал, — твердо ответил Сергей.

— Тогда почему все это крутится вокруг тебя? — не отставала Тамара.

Подумав, что он больше не может носить в себе страшную тайну, Сергей вздохнул и безнадежно произнес:

— Я все тебе расскажу...

Глава 6. УБИЙЦА В ТЕНИ

Отопление еще не дали, да оно и не ожидалось раньше октября. В кабинете было холодно и душно. Тамара открыла окно, вдохнула холодный сырой воздух и, накинув на плечи куртку, уставилась на стол, сосредоточенно прокручивая в голове вчерашний эпизод, когда она повела себя непрофессионально.

Она осталась у Сергея на ночь, настояв на том, чтобы он позвонил дочери и убедился, что ни она, ни жена не придут и не разрушат их маленький мирок, и потом, когда он в подробностях рассказал о событиях двадцатилетней давности, они оба так и эдак крутили схему преступления, так и не понимая, что на самом деле происходит, пока не махнули рукой и не отправились в постель снова. Приехав на следующий день в следственный комитет, Тамара обдумала полученную информацию, сделала несколько звонков, в том числе и в мордовскую колонию, где отбывал наказание Попов, после чего позвонила Василию и попросила прийти, а потом долго сидела и смотрела в одну точку, не в силах собраться и ловя себя на том, что думает вовсе не об убийстве, а о Сергее, в одну минуту превратившегося в самого близкого человека...

Василий пришел только под вечер. Пока он пил кофе, приготовленный Тамарой, она медленно, в подробностях рассказывала историю, поведанную ею Богаченко. Вася слушал, изредка уточняя и задавая вопросы, пока она, устало откинувшись на спинку кресла, не выпила залпом свой остывший кофе, после чего спросила:

— А что у тебя по нашим версиям?

— Как и следовало ожидать, нарыть что-то ни по убийству Ибрагима Текуева, ни по смерти Тимура Гацаева не вышло, — развел руками Василий. — Сама понимаешь, в девяностые таких, как они, клали пачками. Я нашел оперов, которые работали по этим делам, оба на пенсии, один работает юристом, второй цветочки разводит. Вспомнили эпизоды с трудом, ничего полезного рассказать не смогли. От группировки, в которую входили Текуев и Гацаев, не осталось и следа. Многочисленная родня разъехалась, так что кровная месть исключается. Да и кто бы через двадцать лет приехал на разборки?

— У меня тоже пока пусто, — уныло призналась Тамара. — После смерти охранника Иванова его вдова и сын уехали в Абхазию, потом случилась война и все такое, с документами произошла полная неразбериха, словом, следы их потерялись. О сыне вообще почти ничего не удалось найти кроме факта его существования, на момент отъезда ему даже пятнадцати не исполнилось, так что сейчас ему около сорока. Отметать версию мести не буду, но она мне кажется сомнительной. Основной подозреваемый у нас — Вячеслав Валерьевич Попов, лицо без определенного места жительства, нигде не прописан, после отсидки по прежнему месту жительства не появлялся несколько лет.

— Бомжара-взрывник? — с сомнением покачал головой Василий. — По-моему, их кроме бухла ничего не волнует. Где он так ловко научился взрывать бомбы?

— Вась, я того же мнения придерживаюсь, тем более никаких связей ни с террористами, ни с группировками, что взрывали конкурентов, проследить не удалось, — раздраженно ответила Тамара. — Он же за ерунду сидел, никаких там далеко идущих планов, обычный гоп-стоп. Но кто знает, каких умений он набрался на нарах? Я только что беседовала с начальником зоны, так он его даже не сразу вспомнил, что неудивительно. Может, Попова сломали не окончательно, и он решил поквитаться с теми, кто его на нары привел, а это — бросившие его в беде одноклассники. Богаченко говорил, что он обвинял их в том, что жизнь не удалась. В настоящее время эта версия наиболее вероятна. Так что Текуева и Гацаева можно оставить в покое.

— Копали-то мы в верном направлении, — веско отметил Василий, — недаром все крутилось вокруг Богаченко. Не так уж он и идеален оказался. Кто из них стрелял двадцать лет назад?

— Он не сказал, — ответила Тамара. — Подростки же. Пьяные были. Мог кто угодно. Я бы поставила на Попова, но есть ряд нюансов, которые меня сейчас смущают. Богаченко тоже сказал, что Попов пропил все мозги, и вряд ли смог организовать такую грамотную схему.

— Согласен. Я пошарил в инстаграме Татьяны Шишкиной, поехал в «Мариотт» и попросил определить, из какого номера велась съемка. Это дорогой номер, не лучший, но и не стандарт. А теперь угадай, кто его забронировал?

Тамара поймала хитрую улыбку Василия и сдвинула брови:

— Вась, не томи!

— Некий Семен Матвеевич Кузьмичев, житель Омска, наш старый знакомый, снявший квартиру в доме Бебусенова и все еще поправляющий здоровье после операции аппендицита по месту жительства, — с торжеством проговорил Василий, вынул из кармана телефон, пошарил в его памяти и развернул на экране фотографию: — По старой дружбе мне в отеле показали его паспорт. Глянь.

Тамара посмотрела. На снимке был довольно упитанный мужчина с длинной, скрывающей лоб челкой, густой бородой и усами ненатурально черного цвета. Лицо показалось ей совершенно незнакомым.

— Карл Маркс какой-то... — раздраженно сказала она. — Усы, борода... Половины лица не видно. Если растительность фальшивая, он ее отклеит, и мама родная не узнает. Интересно, настоящие ли.

— Вот и мне интересно, — согласился Василий. — Я пообщался с персоналом, но они его почти не помнят. Клиент вел себя тихо, не скандалил, остановился на двое суток, никаких неудобств персоналу не доставлял. Так что шансов, что кто-то обратит на него внимание, было мало. Потом номер сдавали несколько раз, так что искать там что-то бесполезно, хотя можно попытаться. Может, у них горничные халатно убирают.

— Дохлый номер, скорее всего, — скривилась Тамара, — но я выпишу санкцию, может, найдут отпечатки... Меня, Вась, очень смущает в этой истории роль Тани Шишкиной.

— То есть? — поднял брови Василий.

— Ну, смотри. — Тамара взяла лист бумаги и начала черкать на нем ей одной понятную схему. — Первым делом она зачем-то топит своего педагога и отца лучшей подруги, причем, по показаниям Алены Богаченко, припертая к стенке Шишкина не стала отрицать, что врала, заявления не подала, и при этом встречалась с богатым мужчиной, предположительно замешанным в эту же историю Николаем Безуглым. Алена видела, как Таня садилась в «ренджровер», и сказала об этом до того, как машина взлетела на воздух. Наши ребята уверены, что устройство активировали дистанционно, иначе Безуглый мог взорваться где-то на подъезде или вообще у дома. То же самое Алена рассказала журналистке Марии Рязановой, и та погибает вместе с Безуглым, либо случайно, либо эту встречу

организовал некто. И этот самый некто был где-то рядом, наблюдал и активировал взрывное устройство.

— Она туда зачем поперлась?

— В редакции не знают. Копала сама, арендовала машину и, судя по записям, несколько часов просидела перед агентством, потом выскочила и побежала к Безуглому. Но кто-то или знал, или она просто оказалась в зоне поражения.

— Например, Богаченко.

— Возможно. Я узнала, над чем работала Рязанова — ерунда и мелочевка, единственная более-менее громкая история — дело Богаченко, освещенное ею с двух сторон: и как спасителя, и как злодея. На ее месте мог быть кто угодно. Так что версию, что убрать хотели журналистку, я считаю маловероятной. Дальше, у мертвой Шишкиной в кармане находился простенький телефон, в котором несколько отправленных смс на номер Владимира Вершинина, а в другом кармане — дорогуший айфон. Зачем ей второй телефон, где в отправленном первом сообщении требование денег, во втором — назначение места передачи, в третьем — угроза. Она была в парке? Наблюдала? Или телефон ей подкинули? Я думаю, что вероятны оба варианта. По мнению судмедэкспертов, Шишкина была задушена вскоре после того, как Богаченко и его друзья ловили шантажиста в парке. Она могла быть соучастницей, а могла стать очередной подставной фигурой. Убийца, кем бы он ни был, подложил труп Шишкиной в багажник машины Безуглого, чтобы завязать все на него. Я вообще не думаю, что он знал про труп в багажнике. Иначе избавился бы от него где угодно, хотя бы на кладбище.

— Ты Вершинина допросила?

— Не успела. Позвонила, но он не стал разговаривать, сказал, что все вопросы к его адвокату, а к нему только с повесткой. Когда ты сказал про Кузьмичева, я подумала, что номер в отеле снимал Безуглый, но он совершенно не похож.

— Но ведь Алена видела Шишкину и Безуглого. В отелях проверяют весьма формально, особенно вечером, при тусклом свете. Если он был в парике и с наклеенной бородой, его могли не узнать. И если Таня участвовала в шантаже, то как ей удалось провести Безуглого? Или же он ею руководил и в этой истории с шантажом был главным? Журналистка об этом как-то узнала.

Тамара скривилась и нарисовала на бумаге несколько вопросительных знаков, обведя их кружком.

— Да, это и меня смутило. Тогда почему он взорвался? Что за эффектное самоубийство? Нет, я думаю, что Таню убили и подложили в машину

Безуглого специально. Вероятно, он с ней спал, и эта история должна была стать новым витком шантажа. Представь заголовки: кладбищенский король убил малолетнюю любовницу. Номер в отеле мог снимать и он, все-таки женатый человек. Но для чего снимать квартиру в доме Бебусенова?

— Все равно какая-то глупость, — отрывисто возразил Василий. — Зачем она оклеветала Богаченко? Или же это была не клевета?

— Я уверена, что она врала. Судя по чекам из магазина, и телефон, и драгоценности были куплены до того, как в соцсетях появилась история о домогательствах. Крутой любовник от школьного учителя не оставил бы мокрого места, даже если они когда-то дружили. Если, конечно, соплячка была ему так дорога. После того скандала, что поднялся в СМИ, Безуглый не мог не знать, кто совратил Шишкину. Что-то не вяжется. Если бы история с шантажом началась позже, то да, можно было подумать, что Безуглый мстит другу детства. А так это совершенный идиотизм, к которому не привязать ни убийство Бебусенова, ни смерть самого Безуглого. Вообще все, что касается Богаченко, он как-то чересчур притянут за уши, и очень топорно. Мне не нравится эта показуха. История давнего убийства нашей компании ничем не грозила, если бы кто-то не начал откровенничать, а никто этого делать и не собирался. Но они испугались. Богаченко — так точно, как всякий законопослушный гражданин. Заметь, они все испугались, но никто шантажисту не заплатил, если верить рассказу Богаченко. А что было потом, после того как к ним пришел Попов? Бебусенов вызывает Богаченко к себе и погибает. В доме при этом живет этот псевдо-Кузьмичев. Он снимает номер для Тани Шишкиной, оклеветавшей Богаченко. Глянь на фото, разве красавец Богаченко смог бы сойти за Кузьмичева? Уж он точно не прошел бы контроль с фальшивым паспортом. Нет, Вась, в этой истории есть кто-то еще. Кроме убийства Егора Иванова у нас нет ни одной стоящей зацепки. Все началось тогда, двадцать пять лет назад, с убийства охранника. Не забывай, что пистолет, из которого застрелили Бебусенова, тот же самый. А он мог оказаться в руках только этих пятерых. Двое из них мертвы, двое трясутся от действий шантажиста, еще один — в бегах. Попов — единственный, кто может прояснить ситуацию.

— Думаю, вряд ли бомж мог снять номер в «Мариотте». К тому же он совсем не похож на упитанного псевдо-Кузьмичева.

— Поэтому надо искать и Попова, и этого Кузьмичева. Только вот кого мне в розыск объявлять? Ты связывался с омскими операми?

— Связывался, — кивнул Василий, — и подробно с ними общался. Кузьмичев действительно дома и действительно на больничном. И он

внешне вообще не похож на этого типа. Настоящий Кузьмичев маленький и худой, я видел его фото.

— Значит, продолжаем искать, — заключила Тамара. — Надо составить ориентировку.

— Ты решила исключить Богаченко из числа подозреваемых?

— Я ничего не исключаю, Вась, просто не верю, что человек сознательно и без всякой выгоды решил разрушить свою жизнь. У него семья, работа, репутация. Его вывозили в дерьме, так что с карьерой педагога можно попрощаться, и, возможно, навсегда. Если это была сознательная акция, то либо там какие-то очень глубокие мотивы, о которых мы не знаем, либо он — идиот, а мне он таковым не показался.

— Ты как-то странно выглядишь сегодня. С чего бы вдруг? — покосившись на Тамару, поинтересовался Василий.

— Как это — странно?

— Ну... — он неопределенно помахал в воздухе рукой, обводя круг. — Странно. Как будто светишься изнутри. С мужем помирилась?

— Наоборот, Вась, завтра я с ним развожусь. Оттого и настроение хорошее. Я чувствую запах свободы.

— Выйдешь из суда, сделай веерную рассылку со словом: «Откинись», — посоветовал Василий.

— Непременно, — весело рассмеялась Тамара.

Несмотря на просьбу Тамары оставить попытки найти Славку самостоятельно, Сергей, которого тяготила безнадега, решил походить по памятным местам. Где обитал Славка в его новой бомжеватой реальности, он, конечно, не знал, но предположил, что где-то там, в прошлой жизни еще остались люди, которые могут знать, где Славка появляется. Сейчас, когда по ночам было уже холодно, друг детства нуждался в ночлеге, причем в таком, чтобы не было риска не проснуться «от переохлаждения».

Частный сектор на Первомайской давно уже застроили многоэтажками, уничтожив теплицы, куда они пацанами порой заглядывали, выбирая те, где от безнадеги еще сажали помидоры, огурцы, чтобы набить ими пузо. Бегали от сторожей, а потом, перейдя мелкую реку вброд, валялись на высоком берегу, наблюдая за городом с верхотуры, среди сосен и высокой травы. Там жил Славка с его пьющим братом и не менее пьющим отцом. Мать сгинула где-то на зоне, то ли от туберкулеза, то ли от иной болячки. Там они ходили в школу, там же закончилось детство после того, как один из них направил пистолет на охранника и нажал на курок...

Славкиного дома не было, да и вообще местность Сергей узнал с трудом. А вот подальше, там, где жила Славина бабушка, дома еще стояли. Шансов, что старушка, угощавшая их пирожками с щавелем, еще жива, не было, но Сергей решил попытаться. Дом все так же был огорожен провололочной сеткой, и даже дыра, через которую они лазали, была на прежнем месте: отогни сетку и пробирайся внутрь, если не слишком жирный. Возможно, в доме жили родственники, был шанс, что и внук Антонины Поповой обитал здесь. Сергей покосился на дыру, но все-таки пошел к воротам. За ними начала брехать собака, бречащая цепью. Подойдя к дому, он постучал в окно. Кто-то невидимый тронул занавеску, а затем послышалось, что кто-то, отчаянно шаркая подошвами, подошел к двери. Готовясь к чему угодно, Сергей подобрался, готовый прыгнуть на врага, но ему открыла женщина в драном пуховике. В сумраке лица было не разобрать, но это явно была не Славина бабушка.

— Здравствуйте, — поздоровался Сергей.

— Здравсьте, — прошелестела женщина, выдыхая сивушную вонь. — Вам чего?

— Я ищу Поповых. Раньше они в этом доме жили.

Женщина сделала шаг вперед, похлопала глазами, начисто лишенными ресниц, и сказала:

— Ну, я Попова. Чего вам? Опять соседи пожаловались? Так мы не шумим больше, просто день рождения был. Вы из полиции, что ли?

— Нет, я не из полиции.

— А откуда?

— Мне нужен Слава Попов, — не стал пускаться в объяснения Сергей.

— Славка? А чего ты его ищешь? Ты кто?

— Одноклассник.

— А-а... А какого лешего ты его ищешь, одноклассник? Славка тут лет сто не живет, теперь мы с Игорешкой тут живем.

— А вы Славе кто?

— Так дядька он мой. Я — Ира, его брата Кости дочь.

— Когда он у вас был? Давно?

— Да летом еще. Заходит иногда по старой памяти, но я не особо его привечаю. Папка-то мой, пока живой был, Славку не любил, и я тоже не жаловала. Он вороватый, как зайдет, так обязательно чего-то украдет. Иногда, когда совсем некуда идти, приходит, я по жалости пускаю, и каждый раз думаю, ну, может, в этот раз пронесет. И никогда не пронесит. Утром встанешь: одного нет, другого нет...

— А где его можно найти? — спросил Сергей.

— Понятия не имею. Может, Игореша знает. Придет, спросишь у него. А на кой тебе Славка? Ходите и ходите к нему... Ищете все... Нечего его тут искать... Чего-то не верится во встречу выпускников... А вот и Игореша пришел...

Дверь открылась, и Сергей тут же вскочил. Игореша оказался ему очень хорошо знаком. Это был тот самый алкаш, что приходил за деньгами в парк. Если до сего момента у Сергея и оставались сомнения в причастности Славки к этому делу, то теперь они отпали окончательно. С кем еще Славка мог пойти на дело, как не с дальним родственником, собутыльником, которому тоже нечего было терять. Вошедший в дом пропойца, зыркнув взглядом, тоже сразу его узнал, потому что шарахнулся, впечатался в стену спиной и вывалился в сени. Сергей бросился к нему, но внезапно Ирина кинулась ему в ноги и вцепилась так, что уронила на пол. Отпихнув ее, Сергей выскочил во двор, оттуда — на улицу и помчался за удирающим Игорешей.

Дорога шла под уклон, и Игореша неплохо стартовал, но на стороне Сергея был опыт бега по утрам, поэтому он ускорился и стал следить за дыханием. А вот Игореше сил придавала только паника. Пару раз он пытался свернуть и ринуться через огороды, но, видимо, сообразил, что каждая такая попытка будет стоить ему сил и времени, поэтому вернулся на дорогу и продолжил бег. Сергей догнал его почти в самом конце улицы и, со всей силы впечатав Игорешу в ствол корявого тополя, с ненавистью прошипел:

— Говори, сволочь, или я тебя здесь и закопаю!

— Да что говорить-то, начальник? — загнусавил Игорек.

— Славка где? — рявкнул Сергей.

— Ей-богу, не знаю, начальник, сто лет его не видел! Отпусти, я ж ничего не сделал!

Сергей снова его ударил и скомандовал:

— Пошли!

— Куда? В ментовку, что ли?

— К Славке пойдем.

— Дурак ты, мужик, — оскалился Игорь. — Какой ты дурак! Ты и дружки твои. Думаете, все, разбогатели, так вам все можно? А все вон как обернулось. Не по-вашему стало, вот вы и задержались.

— Хватит болтать, пошли, — подтолкнул его в спину Сергей.

— Ну, пошли, — криво усмехнулся Игорь.

Они миновали проулок, поднялись по невысокому холму вверх, и Игорь решительно повернул в сторону своего дома. Он молчал и слегка поскуливал, но не пытался больше давить на жалость. Частный сектор гото-

вился ко сну, и Сергей оценил масштабы окружающей их тишины. Деревья стали выше и раздались вширь, а улица впереди напоминала темный тоннель. Когда они почти подошли к дому, он спросил:

— Где вы прятались все это время?

— У тебя под носом, дебил, — ответил Игорь, и визгливо рассмеялся. — Прямо под носом!

Того короткого мгновения, когда Сергей, растерявшись, ослабил хватку, хватило, чтобы Игорь вырвал руку и бросился прочь, на сей раз к собственному дому, где чувствовал себя в большей безопасности, чем на пустынных улицах. Однако добежать до ворот ему не удалось. Впереди, во тьме, что-то завозилось, а затем улицу озарила яркая вспышка, сопровождаемая хлопком, а затем еще одним.

Сергей почувствовал, как оса ужалила его в бок, прыгнул в сторону и спрятался за столб, а вот Игорь, нелепо всплеснув руками, начал оседать и упал, скорчившись в позе эмбриона, после чего забился в агонии. Невидимый в темноте убийца выстрелил еще дважды. Обе пули врезались в деревянный столб и вышибли из него щепки, а затем до Сергея донеслись шаги, и он в панике бросился прочь. Позади вновь хлопнуло — «сердитый шершень» пролетел прямо над головой. Чувствуя, как теплые ручейки стекают по коже, Сергей прижал руку к ране и поковылял к оживленной Первомайской. Тупая ноющая боль уступила жгучей и разъедающей, но ему не показалось, что рана серьезна, вот только кровь текла все сильнее, да еще тротуар вел вверх, что отнимало последние силы. Там, за спиной, на улочке вдоль мелкой реки лежал труп Славкиного родственника, а еще ждал вооруженный школьный друг, шантажист и убийца, вошедший во вкус двадцать с лишним лет назад.

Когда Сергей дошел до улицы Первомайской, у него почти не осталось сил. Он пошарил в кармане, но не нашел телефона, видимо, где-то выронил, пока догонял Игорешу. Это его не порадовало. Мало того что телефон может валяться рядом с трупом, так еще он сейчас не в состоянии вызвать такси или «скорую». Увидев приближающиеся слепящие фары, Сергей вышел на дорогу и замахал руками. Машина, вильнув, объехала его и скрылась. Следом показалась еще одна. Он снова замахал, но и она не остановилась. Не стали подбирать пассажира и водители третьей и четвертой машины, поэтому когда рядом остановился гигантский внедорожник, Сергей не поверил своему счастью. Водитель толкнул дверь, и та открылась.

— Вы не могли бы отвести меня в больницу? — попросил Сергей.

— Садись, придурок! — прошипел Вершинин. — И дверь закрой.

— Володь? — изумился Сергей. — Ты как тут?

— Как, как... У идиотов мысли сходятся. Славку поехал искать. Смо-
трю, вы бежите. Я к машине, сам знаешь, мне с таким пузом за вами не
угнаться. Только подошел, тут пальба началась, ты бежать.

— Ты Славку видел? — спросил Сергей.

Вершинин обернулся, дотянулся до аптечки и бросил ее Сергею.

— На, попробуй кровь остановить... Видел, как тебя, козлину. Стоял
в кустах. Я очканул на него с голыми руками, а у козла ствол. Осталось
надеяться, что он за тобой не побежит, и меня не заметит. Не алкаш,
а прям Соколиный Глаз... Наш дружок очень прокачался за эти годы.
Я вот что думаю... Может, он только прикидывался алкоголиком? И зоны
никакой не было?

— Была у него зона, Вов.

— Следачка твоя меня вызывала. Я не пошел, велел юристу с ней по-
общаться. Зря ты ей все рассказал, но ничего теперь не поделаешь. Мо-
жет, и к лучшему, пусть Славку менты ищут...

— Что нам делать дальше? — спросил Сергей. — Он ведь не остано-
вится. Славка окончательно свихнулся. Этот... Игорь сказал, что они все вре-
мя были у нас под носом. Славка не спонтанно пошел на шантаж. Он гото-
вил это долго, ходил вокруг, как волчара, а мы его не увидели.

Вершинин смахнул с лица дурашливую улыбку, и на его внезапно по-
старевшем лице появилась вселенская, можно сказать, тоска.

— Он не отстанет, — согласился Володя. — Колька был прав. От него
надо избавиться раз и навсегда. Закатать под асфальт, чтобы никогда не
выбрался. Мы ведь спокойно жили все это время. А сейчас, смотри сам,
мы остались вдвоем.

— Вдвоем, — согласился Сергей. — Только мы. И он.

— И он, — с отчаянием выдохнул Вершинин.

Заседание назначили на десять утра. Собираясь в суд, Тамара нервни-
чала, одергивала на себе строгий костюм, который следовало бы ушить,
так она похудела за последние полгода. Тратить время на макияж она не
стала, пусть в суде увидят ее несчастное, изможденное лицо, может, это
добавит в ее пользу несколько баллов. По сравнению с румяным и цветущим
Геннадием она и впрямь выглядела бледной немощью. Вот только
глаза, обычно мрачные, как подземные озера, светились огнем, а губы,
будь они неладны, все время растягивались в улыбку.

Вечером Тамара позвонила Сергею, но он не ответил. Потом телефон
и вовсе оказался выключен. Не выдержав, она набрала его домашний
номер, и Сергей ответил, правда, каким-то сонным голосом. Оказалось,
мобильный он где-то выронил. Это пояснение показалось ей натянутым,

но, с другой стороны, почему нет? Люди постоянно что-то теряют. Однако в голове зашевелился червячок сомнения — Богаченко опять что-то скрывал.

На ее телефоне высветилось несколько пропущенных сообщений — Тамара отключила звук на ночь, решив выспаться. С работы не звонили, а вот бывший муж набирал ее дважды вечером и один раз утром. Два раза звонила свекровь, не иначе, как желая отговорить строптивую невестку от неверного шага. Была парочка голосовых сообщений от нее, от Геннадия, но Тамара решила их не слушать.

Она думала, что приедет в суд первой и готовилась бесстрастно встретить отсутствие мужа на заседании, но, когда такси, которое она вызвала, остановилось у здания суда, Геннадий уже стоял там, привалившись к машине и нервно куря. Судя по количеству окурков, он стоял тут не менее часа.

Тамара подошла к нему легкой походкой и улыбнулась:

— Привет, Царев! Боялась, что ты не придешь. Или опоздаешь.

— Когда я опаздывал? — угрюмо буркнул он и тут же слабо улыбнулся: — А ты сегодня хорошо выглядишь. Мы вообще хорошо смотримся рядом. Может, еще передумаешь?

— Не передумаю, Царев. Потому и выгляжу хорошо. Видишь, как я улыбаюсь? Это от предвкушения свободы.

— По-моему, у тебя кто-то есть, — пытливо заглянул ей в глаза Геннадий.

— Ты удивительно проницателен. Да, у меня кто-то есть.

— Я его знаю?

— Тебе не все равно? Даже если и знаешь, ничего не изменится.

— И что в нем такого, чего во мне нет? — вкрадчиво спросил Геннадий и коснулся ее руки.

Она резко отдернула ее и ответила:

— Он делает меня счастливой, Царев. Пойдем уже, закончим с этой волюнкой. У меня дел по горло, я же не могу все каждый раз откладывать.

К ее удивлению, заседание прошло гладко и коротко. Оба назвали причиной развода непримиримые разногласия и спустя каких-то двадцать минут вышли из дверей чужими людьми. На улице оба остановились и, неловко молча, уставились друг на друга, пока Геннадий, нехотя не произнес:

— Ну что, бывшая... Пока, что ли?

— Пока, Царев, — просто сказала Тамара.

Рядом просигналила машина. Тамара обернулась и увидела Василия, который ждал на стоянке, приплясывая от нетерпения. Геннадий тоже обернулся, увидел Татаркина и по-идиотски ухмыльнулся:

— Погоди... Я надеюсь, что твой новый — не Вася? Тома, фи, что за моветон — путаться с женатыми?!

— Дурак ты, Царев, — сухо ответила Тамара и пошла прочь.

Она не дошла до машины несколько шагов, когда в кармане заверещал телефон, оглашая окрестности идиотской песенкой «Тома, Тома, выходи из дома», которую без ее ведома поставили на часть служебных номеров оперá. Тамара долго злилась, и все никак не могла разобраться, как стереть эту мелодию, а потом плюнула. Звонил судмедэксперт Виталий Плохотников, с которым она работала по делу Бебусенова..

— Томочка, здравствуй, — проскрипел Плохотников. — Мне сказали, что ты разводиться побежала? Я очень тебя отвлекаю?

— Не очень. Я уже все, отстрелялась. И на правах свободной женщины могу позволить все, что угодно, даже отвлечься.

— Ну, я рад, если ты этого хотела. Тут опера донесли, что ты разыскиваешь некоего Попова Вячеслава Валерьевича, семьдесят шестого года рождения, дважды судимого?

— Да, разыскиваю, — осторожно ответила Тамара, чувствуя неладное. — А... что?

— А то, Томочка, что заехала бы ты в морг. Твой клиент сейчас лежит в прозекторской с пулей в башке.

— Это точно он?

— Ну, пальцы, или то, что от них осталось, мы откатали, судя по отпечаткам — он. Опять же, татухи его. На зоне били еще по первой ходке.

— Когда его нашли? И где?

Виталий промолчал, а затем в его интонации послышалось осуждение:

— Я всех деталей не знаю, только протокол читал, это к операм. Но по рассказу, нашли в пригороде. Дачники потащились через лес по грибы, говорят, пока оттепель была, опята пошли, после заморозков грибы не червивые, а тут такой вот... опенок. Это было дня три назад.

— Почему сразу не доложили? — возмутилась Тамара.

Плохотников фыркнул и раздраженно ответил:

— Ну, голуба моя, у меня не сто рук, я ж тебе не Шива. Как дошла очередь. Типичный бомжара, кабы не огнестрел, никто б и не почесался. Но пуля в его башке из того же оружия, что фигурировало по делу Бебусенова. Я как это понял, сразу тебя и набрал, а ты того... разводишься. Ребята сказали, что ты и Попова ищешь.

— Ясно, — разочаровано протянула Тамара и уже хотела отключиться, как Плохотников добавил:

— И еще один момент. Судя по степени разложения, клиент мертв уже недели две.

Этого Тамара точно не ожидала. Выстроенная теория летела ко всем чертям, и она недоверчиво переспросила:

— Что-что? Но этого не может быть!

— Ты со мной спорить будешь, что может быть, а чего нет? — возмутился Плохотников.

— Нет, нет, Виталий Андреевич, не буду конечно... — залебезила Тамара. — Просто...

— «Просто»! — передразнил Плохотников. — Все у нее «просто». Это наука, милочка моя, а не ваши теории. Моему делу люди годами учатся. А вашего брата понабрали по объявлению... Что скисла? Версия накрылась?

— Еще как накрылась, — уныло констатировала Тамара, пропустив мимо ушей обвинение в профессиональной непригодности. — Хорошо, спасибо, я заеду. Вы же мне отчет подготовите?

— Сейчас вот сяду за него. Давай, жду тебя.

Тамара отключилась и сунула телефон в карман. Василий молчал. Бывший муж все еще торчал поодаль, курил и наблюдал за ними, Тамара не обращала на него внимания, хмуря лоб. Василий вдруг кашлянул, и она очнулась, уставившись на него.

— У меня новости, — сказал Татаркин.

— У меня тоже, Вась. Труп Попова нашли в лесу. Застрелен две недели назад, и потому версия об его причастности к взрыву машины Безуглого летит к чертям.

— Фигово, — ответил Василий, но в его голосе почему-то не слышалось разочарования. Было что-то другое, вроде сдерживаемого торжества, но Тамара не сразу это поняла.

— Фигово, Вась. Ладно, что у тебя?

— А у меня как раз все хорошо, — похвастался он, и на этот раз она это торжество услышала. — Я нашел сына застреленного охранника. Интересная биография у человека. В восемнадцать лет успел повоевать в Абхазии, служил в бригаде оперативного назначения. Знаешь, что у него написано в военном билете? Сапер! А самое главное, Том, угадай с трех раз, где он работает.

— И где?

— Он работает в той же школе, где и Богаченко, — улыбнулся Василий. — Это школьный физрук Виктор Иванов. Он всегда был рядом. А мы его почти прозевали. У него был железный мотив и возможность встретиться с Таней Шишкиной. Зуб даю, Тамара, это он!

Был ранний осенний вечер. Он сидел в кабинете следователя и разглядывал пальцы, не понимая, что здесь делает, и почему этой худой

мрачной женщине интересна его жизнь. А она копала все глубже и глубже, залезая в подкорку, туда, где все давно остыло, прикрылось слоем пепла и пыли. Прошое, похороненное и забытое, в один момент оказалось разворошено. В кабинете было холодно, и он все время ежился. Хотелось встать и сделать несколько резких гимнастических упражнений, чтобы разогнать кровь. Но он послушно сидел и отвечал на вопросы.

— Расскажите про смерть вашего отца, — попросила следователь Царева.

Он поднял голову и непонимающе посмотрел на нее. Смерть отца? Она кивнула. Ей, кажется, и правда интересно, и она не собиралась заниматься каким-то психоанализом. Он вздохнул и начал рассказывать. Хотя, по большому счету, рассказывать было нечего.

Однажды отец пошел на дежурство в магазин, где располагался обменный пункт. Работенка непыльная, в магазине никто не бузил, потому что доступное спиртное продавалось чуть дальше, а здесь торговали псевдоэлитой: амаретто, сангрией, сладкими бабскими ликерами. Еда тут тоже была чисто сувенирная: марсы-сникерсы. В соседнем отделе продавались спортивные костюмы и двусторонние пуховики. Ассортимент так себе, на рынке в разы больше, сюда заходили чисто поглазеть и прицениться. В обменник тоже заходили редко — не очень людное место. Отцу нравилось работать в магазине, особенно после завода, потому что здесь платили деньгами, а не продукцией. Он ходил на работу каждый день, с одним выходным, возвращался вечером и иногда приносил новую шоколадку. И Витя, которому было почти двенадцать, ел их с удовольствием, хотя признаться в том, что он любит заморские сласти, было как-то стыдно и не солидно.

Однажды отец пошел на дежурство в магазин. И однажды он с него не вернулся. Так кончилась история нормальной семьи Вити Иванова.

Убийц, конечно, не нашли. Они с матерью долго не могли прийти в себя, пока ее сестра не сделала опрометчивое предложение и не позвала их переехать в Абхазию, что уже бурлила в гражданской войне, и мать, которой были чужды политические события, сразу согласилась, угодив в самый водоворот военных действий, в разгар эвакуации и панического бегства. Каким-то чудом они пережили этот год кошмара, а потом совершили еще бóльшую глупость, оставшись там, наблюдая, как страна погружается в разруху...

Мать начала пить. И жить было все тяжелее. Вите, рано возмужавшему, приходилось тащить на себе все хозяйство, поскольку тетка на деле оказалась довольно сварливой, и уже не рада была приезду сестры с племянником, но ровно до момента, когда ее вдруг не разбил инсульт. И Вите

пришлось тащить на себе сразу двух женщин: парализованную тетку и мать-алкоголичку. А потом мать умерла. Тетка долго причитала, уверяя родню, что сестрица пила с горя, и от горя сердце не выдержало. И только Витя знал, что мать пила не от горя, а от отчаяния, враз оставшись без дома, мужа, работы, к тому же в чужой стране. И, похоронив ее, он думал о том, как сильно ненавидит неизвестных убийц, лишивших его привычной жизни.

— Расскажите, где вы служили? — попросила следователь Царева, и он начал рассказывать. Про срочную, а затем сверхсрочную службу, потому что больше некуда было пойти. И он служил долго, попав в 2008 году в Абхазию, точнее, попросившись туда, в период очередного витка войны. Вторая родина оставила в его душе новую рану. Тетушка, конечно, давно скончалась, и в ее доме хозяйничала родня, не пожелавшая признать в нем наследника.

Следователя заинтересовал его опыт в военном деле, и он рассказал, что умеет ставить и обезвреживать мины, но он не улавливает связи и не понимает, почему ей это интересно. Потом рассказал, как его контузило, и как, в итоге, его комиссовали на гражданку. Так он стал военным пенсионером, негодным к службе, потому что одно ухо не слышало, и левый глаз видел, словно сквозь белесую пленку. Он вернулся в родной город, где его никто не ждал, и устроился в школу на должность физрука. А какое это имеет значение? Ему недолго осталось там работать, ведь он выиграл крупную сумму в лотерею...

— Это имеет огромное значение, — пояснила Царева. — Скажите, как бы вы охарактеризовали вашу ученицу Татьяну Шишкину?

Он охарактеризовал. Не стесняясь в выражениях, не прибегая к преподавательской этике, назвал Шишкину мелкой потаскушкой, которая несла всякую чушь, чтобы просто привлечь к себе внимание. И всю эту историю с Богаченко она выдумала...

— А как вы относитесь к Богаченко? — спросила Царева словно невзначай, и после этого вопроса он посыпался, уверяя, что они в прекрасных отношениях с Сергеем Владимировичем, тот чудный, прекрасный и замечательный...

Царева внимательно слушала его, а потом начала сыпать именами: Саби Бебусенов, Владимир Вершинин, Вячеслав Попов, Николай Безуглый... Что он может сказать о них? Знаком ли? Не дослушав объяснений, она довольно резко спросила, в каких отношениях он с женой Сергея, Дарьей Богаченко. И когда он пробурчал что-то нечленораздельное, добила вопросом, не вступал ли он в сексуальные отношения с ныне покойной Татьяной Шишкиной. Вот тогда он замолчал и потребовал адвоката.

— Вы же не задержанный, а свидетель, — осекла его Царева. — Но это всегда можно изменить. Виктор Егорович, вы же должны понимать, что вас вызвали не просто так. В ходе последних событий вы — самая подходящая кандидатура на место преступника. Потому молчать не в ваших интересах.

— Я вас не понимаю, — покачал головой Виктор.

— А я объясню. Двадцать с лишним лет назад Сергей Богаченко и четверо его друзей оказались причастны к убийству вашего отца. Вы узнали об этом, вероятно, не так давно. Скорее всего, в поле вашего зрения попал еще один фигурант того дела, Вячеслав Попов. Он и рассказал, кто убил вашего отца, и вы, взяв его в оборот, решили отомстить людям, убившим Егора Иванова, в тот роковой вечер дежурившего в магазине. Попов отдал вам пистолет, из которого застрелили отца. Вы решили шантажировать всех, кто приложил руку к его смерти, и начали с Саби Бебусенова. Вы сняли квартиру на фальшивый паспорт в доме, где он жил, проникли к нему в квартиру под видом курьера, когда тот ждал Богаченко. Подслушать их телефонный разговор вам ничего не стоило: в тот день вы отмечали факт вашего выигрыша в лотерею, когда позвонил Бебусенов и потребовал встречи с Богаченко. Вы первым поспешили туда, вошли в дом, застрелили Бебусенова, но, увы, просчитались: Богаченко в квартиру не вошел и своих следов не оставил. В качестве помощницы вы взяли себе Таню Шишкину и познакомили ее с Николаем Безуглым. Она втерлась к нему в доверие и предоставляла нужную информацию, попутно помогая вам шантажировать всю компанию с «левого» номера. Попов был вам уже не нужен, поэтому вы застрелили его и бросили в лесу. Затем Шишкина оклеветала Богаченко, сделав его парией. Но вам этого было мало, вы закрутили роман с его женой, чтобы унижить еще больше. А затем вам стала мешать Шишкина. Вы задушили ее, подкинули в багажник Безуглого и взорвали его вместе с трупом, оборвав все концы. Кто был дальше по плану, Виктор Егорович? Вершинин? Я думаю, что Богаченко вы оставили на закуску, решив посмаковать. Это же такое наслаждение, верно? Что скажете, Виктор Егорович?

— Что большей чуши я не слышал, — ответил он.

Царева улыбнулась, а потом вздохнула с притворным сожалением:

— Виктор Егорович, я вас задерживаю на трое суток по подозрению в совершении особо тяжких преступлений. Так что настоятельно рекомендую вам вспомнить, где вы находились в моменты убийств Безуглого и Рязановой, Бебусенова, а также Попова.

— Вы совершаете большую ошибку, — предупредил он.

— Если бы мне давали рубль каждый раз, когда я это слышу, я бы себе уже «мерседес» купила, причем последней комплектации, — издевательским тоном произнесла Царева. — А на сдачу — бриллиантовое кольцо. Вы уверены, что больше ничего не хотите мне сказать?

Он отрицательно качнул головой, и Царева вызвала конвой. Его сковали наручниками и повели к дверям. Там он вдруг остановился, пристально посмотрел на Цареву и спросил:

— Кто убил отца? Богаченко?

Царева в ответ молча пожала плечами, и его увели в камеру. Там, усевшись на нары, он начал орать и бить кулаком в стену, пока не разбил костяшки пальцев в кровь, отчаянно ненавидя Сергея Богаченко, мистера Совершенство, идеального мужчину, эталон, недосягаемое божество.

Убийцу.

Известие о смерти подруги оглушило Алену, и потому она несколько часов сидела на диване съемной квартиры, почти не двигаясь. Матери дома не было, она последнее время приходила взвинченная, звонила каким-то юристам и спрашивала, не хотят ли они взяться за защиту одного ее знакомого. Имени мать не называла, но Алена понимала, что это ее любовник. А еще она понимала, что, когда неприятности начались у отца, мать не бросилась на его защиту. Так что можно сделать простой и логичный вывод: от их семьи ничего не осталось, как бы ни хотелось Алене удержать родителей вместе, связав их одним ремнем из чувств, долга и обязанностей.

Разбитая и несчастная, она больше не пыталась склеить осколки. Все, чего ей хотелось — это сочувствия и внимания. Поэтому она медленно собрала вещи и, написав матери короткую записку, уехала домой, туда, где осталась ее настоящая жизнь.

Отец был дома, но он явно не был готов ее видеть, потому что, когда Алена открыла дверь ключом, он спешно побежал в спальню и натянул майку на торс. Алена сразу подумала, что в квартире посторонняя женщина, но квартира была пуста. До нее не сразу дошло, что на торсе отца она увидела нечто странное: белую полоску бинта. Она не решилась спросить, в чем дело, даже когда отец скривился, садясь за стол. В ванной, в барабане стиральной машинки, она нашла вымазанные бурыми пятнами джинсы, а, заглянув в мусорное ведро, нашла там порванную кофту с кровавым пятном. И вот тогда Алене стало страшно от осознания, что ее мир разбит на части и вот-вот окончательно рассыплется.

Ей хотелось с кем-то поделиться, но мать не звонила, видимо, решив, что дочь ее предала, выбрав отца. Лучшая подруга была мертва. Думая

про мертвую Таню, Алена не заметила, как заснула. Проснулась она от звонка домашнего телефона. Обычно на него звонили из школы, но это редко происходило так поздно. Она поднялась и, крадучись выйдя из комнаты, увидела, как отец отрывисто бросает «хорошо» и торопливо одевается.

— Пап, ты куда? — прошептала Алена.

Отец обернулся и улыбнулся ей:

— Мне надо отъехать на пару часов с другом. Ты не жди, ложись спать.

— Куда отъехать, пап? — настойчиво повторила Алена. — И почему у тебя живот перебинтован?

— Ален, мне надо поехать, — устало проговорил отец. — Есть шанс все это закончить и вернуться к нормальной жизни. Это пара часов, а потом мы будем жить как раньше. Не переживай, все будет хорошо. Дай мне телефон, я свой где-то посеял. Обещаю, что все закончится в ближайшее время.

Он поцеловал ее в лоб и ушел. Алена ждала ровно минуту, услышала, как опускается лифт, схватила куртку и побежала вниз по лестнице, надеясь не опоздать. Ее инстинкты обострились настолько, что она как зверь чувствовала нависающую над отцом беду. Выскочив во двор, Алена успела увидеть, как отец садится во внедорожник и уезжает, не заметив ее. Машина проехала мимо Алены, и она отшатнулась, как от удара, потому что узнала эту машину. А еще потому, что круглая дура. Невнимательная дура!

Она вернулась в квартиру, набрала номер отца, но он сбросил звонок. Истерически тыкая в кнопки, набрала номер матери, но и та не ответила. Тогда Алена помчалась в свою комнату, перетряхнула рюкзак и нашла смятую бумажку, на которой был написан телефон следователя Царевой. Царева сняла трубку после первого же гудка.

— Вы помните, я говорила вам, что видела, как Таня садится в машину, — вместо приветствия закричала Алена, и Царева, мгновенно сообразив, ответила, что помнит. — Это был «ренджровер», он приезжал к нам во двор... Точнее, я думала, что приезжал. Но машина, в которой сидел мой отец, была четырехдверной, а та, из которой вышла Таня — двухдверная. Это была другая машина, понимаете? Той же марки, но другой модели! Отец поехал куда-то с другом. И он только что сел в эту машину. Я звонила ему, но он не отвечает! Вы же можете его найти, правда? Как-то запеленговать или... как это называется? Можете?

— Скажи мне свой номер, — резко бросила Царева. — Я его найду.

Обещая дочери, что все решится сегодня, Сергей вовсе не лукавил. Вернувшись домой, он, морщась от боли, набрал полную ванну и, раздевшись, лег в теплую воду, шипя от жжения в ране. Бинты отмокали в теплой воде и, наконец, их можно было снять, чтобы проверить, насколько плохи дела. Вода немного порозовела, но в целом Вершинин оказался прав — эта рана была неопасна, просто длинная борозда на коже, больше крови и переживаний, чем опасности. Он вылез из ванны, заклеил рану пропитавшимися йодом ватными дисками и неудачно обмотал себя свежим бинтом. На первое время сойдет, главное, не уснуть на животе. Теперь, когда опасность подкралась к нему вплотную, Сергей решил прекратить суетливую беготню. Да, надо было признать, они всполошились и поддались панике, в то время как следовало остановиться и подумать.

Он налил чай, взял тетрадку, куда записывал конспекты занятий, и принялся чертить схемы, совсем как тогда, вместе с Тamarой, когда они отбрасывали версию за версией. Когда он закончил, список выглядел следующим образом:

1. Убийство. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав, Саби.
2. Пистолет. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав, Саби.
3. Шантаж. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав, Саби.
4. Таня. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав, Саби
5. Пресс-конференция. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав, Саби
6. Смерть Саби. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав.
7. Парк. Сергей, Николай, Владимир, Вячеслав.
8. Взрыв машины Николая. Сергей, Владимир, Вячеслав.
9. Дом Вячеслава. Сергей, Владимир, Вячеслав.

С убийством все было понятно. Тогда, двадцать лет назад, все и произошло, когда пьяные дураки решили поиграть с пистолетом. В той панике нажать на курок мог кто угодно, Сергей не исключал даже себя, но ему не давала покоя грустная улыбка Николая, который сказал, что знает, кто стрелял в охранника. И, скорее всего, он действительно знал. Не сам ли нажал на курок?

Пистолет из парка мог забрать кто угодно. Сергей исключил себя и, поколебавшись, Саби. Даже если тот и возвращался в парк, вряд ли позволил бы убийце завладеть пистолетом. Такой вариант не стоило исключать, но Сергею он казался маловероятным. Саби скорее утопил бы пистолет в реке, чем позволил бы авторитарному отцу узнать, что сынок нашел в его приемной. Туда же отправился и Николай. Взрыв машины создавал ему прочное алиби, разве что взорвали Безуглого совсем за другие дела. Но в подобное совпадение Сергей не верил.

Шантажировал Попов всех. Якобы всех — проверить это невозможно. Однако ни от кого не добился никаких результатов. И, не добившись, начал мстить. Сергей припомнил, как выглядел когда-то лучший друг, и с сомнением обвел его имя кружком. Да, Попов мог быть Джеймсом Бондом, но отсутствие половины зубов, серая кожа, воспаленные глаза не делали его героем-любовником, так что в историю с шантажом и привлечению к делу Тани Шишкиной не верилось. Сама Таня, каким-то чудом оказавшись мертвой в багажнике Безуглого, теоретически могла быть его любовницей. Николаю хватило бы средств содержать ее и делать роскошные подарки, тем более что не избалованной школьнице много и не требовалось. Однако мысль, что Коля мотался по городу с покойницей в машине, тоже вызывала бурные сомнения. Нет, Безуглый был очень осторожен. Его тревожила ситуация на кладбище. Взрыв могли организовать те группировки, которым он отказал в помощи. Но зачем им было подкладывать труп в багажник? Те же мысли возникали и об организованной в СМИ травле. По большому счету, кроме объяснений в МВД от Сергея ничего не потребовали, обвинений не предъявили, а на момент смерти Тани у него оказалось железное алиби. Организовать такое мог только человек со связями. Саби к этому моменту был мертв, у Попова вряд ли имелись выходы на журналистов, исключался и сам Сергей. Оставались Николай, богатый и влиятельный, и Вершинин, который с прессой и МВД был на короткой ноге. Но Николай мертв, вот в чем беда.

Далее — убийство Саби. Сергей исключил себя и самого убитого. Вспомнив о пистолете, Сергею вдруг показалось, что из схемы можно удалить и Славу. Он бы пропил оружие давным-давно, либо оно могло оказаться в таком состоянии, что убийца сам рисковал остаться без пальцев. Однако пистолет где-то хранили и наверняка за ним ухаживали, приобретали патроны, возможно, тренировались. Ведь только что убийца, стоя в двадцати метрах, безошибочно попал в Игоря и ранил Сергея. Саби жил в доме без консьержа, теоретически Попов мог пройти туда, но в подобных домах маргиналов заметили бы, да и на камерах, по словам Тамары, Попова не было. Зато был некий мужчина с воздушными шарами и букетом, удачно прикрывший ими лицо. Цветы и шарики стоили денег, а были ли деньги у Славки?

Значит, оставались двое: Безуглый и Вершинин, Володька, который, в отличие от Коли, остался жив, который так удачно отстал в парке во время поимки шантажиста, который так кстати оказался на улице Первомайской. Все это показывало на Вершинина как на вероятного убийцу. Кроме одного — мотив. Чертов мотив, которого у Вершинина не было. Уж ему-то не нужна была эта история, что утопила бы все его политиче-

ские амбиции. Мэрское кресло города-миллионника — это серьезная ставка. Вершинин бы не стал затевать эту историю, и это значило...

Или же это ничего не значило?

Или значило что-то совсем другое?

В двери повернулся ключ, и Сергей опрометью кинулся одеваться, догадавшись, что пришла Алена. Кажется, она заметила его бинт, поскольку во время чаепития приглядывалась и вроде хотела о чем-то спросить, но так и не спросила, уйдя к себе. А когда поздно вечером зазвонил его домашний телефон, Сергей почти не удивился, услышав голос Вершинина.

— Чего мобилу не берешь? — проворчал друг. И в этом ворчливом недовольстве был все тот же Володька, которого невозможно было не любить и невозможно в чем-то подозревать. И все бы ничего, но этот неожиданный звонок...

— Посеял. Что хотел, Володь? — холодно спросил Сергей.

Вершинин вздохнул, и в этом вздохе отпечатались вся мировая скорбь.

— Нашел я кукловода, Серег. Ну, как я, менты нашли и даже повязали. Мне тут шепнули по секрету, что его допрашивают. И ты просто охренеешь, когда узнаешь, кто это. Я вот охренел, но не настолько. Тебе придется куда тяжелее это осознать.

— И кто же?

— Сыночек нашего убиенного охранника. Зовут Витенькой. А работает Витенька физруком в твоей школе.

Сергей едва не выронил трубку.

— Что?!

— Да что слышал. Давай, собирайся, поедем в ментуру, в глаза ему посмотрим, — зло сказал Вершинин, казалось, ничуть не заботясь о конспирации. Сергей был оглушен: Витя? Витя, который был ни на что не годен, кроме как кричать: «раз-два-три-четыре»? Витя, который радовался выигрышу в лотерею? Хотя... Был ли выигрыш? Сергей вспомнил предложение Николая поискать кого-то близкого с шальными деньгами, вероятно, заработанными на шантаже. Витя Иванов с его новой машиной, купленной в рассрочку, под это описание очень подходил. Не было ни одного подтверждения выигрыша, зато были рассказы про смерть родителей, скупые, односложные, создающие впечатление, что все там было не так просто. Подумав об этом, Сергей застонал и беспомощно проговорил в трубку:

— Нас не пустят, Володь.

— Это тебя не пустят, — сурово ответил Вершинин, — а меня очень даже. Так что спускайся, я уже рядом. Ты, кстати, один?

Сергей, открывший рот, чтобы признаться о спящей в соседней комнате дочери, закрыл его и сдержанно произнес:

— Да. Мои же съехали из-за всего этого.

— Понятно. Выходи, я уже во двор въезжаю.

Черный «ренджровер» Вершинина рычал под домом. Сергей запрыгнул на переднее сиденье, и под ногами что-то звякнуло.

— Там пакет, кинь его назад, — попросил Вершинин.

Сергей аккуратно поднял пакет, в котором сверкали гранями квадратные бутылки виски, и аккуратно переложил его на заднее сиденье.

Вершинин рванул с места так, что с трудом вписался в поворот. Взятый у Алены телефон начал трезвонить, но Сергей сбрасывал вызов. Вершинин косился на приятеля, но не говорил ни слова. Несколько минут они ехали молча, а затем Сергей спросил, хотя на вопрос это мало походило, скорее на утверждение.

— Ты же в дом Попова ходил накануне, верно? Еще до того, как туда я пришел.

— С чего ты взял? — рассеянно произнес Вершинин.

— Виски, Вов, точно такой же, как в доме Поповых, там стояла пустая бутылка, сомневаюсь, что ты бы с ними пил что-то другое. Там люди не брезгливые.

— Я Славку искал. Думал, бухну с ними, они и расколются. Только они ничего не сказали. Потом я подумал, что они могли его вызвать, приехал, а тут ты, потом он, перестрелка...

Телефон снова зазвонил. Сергей снова хотел сбросить звонок, но увидел, что это Тамара, во всяком случае, последние цифры номера были похожи на те, что ему удалось запомнить. Он поднес трубку к уху.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович, — произнесла Тамара донельзя официальным тоном, и он даже подумал, что произошло нечто непоправимое. Например, что она больше к нему не придет.

— Здравствуйте, — ответил он.

— Хочу вам сообщить, что у нас в морге уже очень давно лежит труп Вячеслава Попова. Вы не могли бы приехать на опознание?

«Очень Давно». Это прозвучало прямо заглавными буквами. Как слово «Опасность».

— Могу, — согласился Сергей. — А когда?

— Да вот прямо сейчас, — спокойно сказала Тамара и вдруг добавила совсем другим тоном, в котором он услышал тревогу: — Будьте осторожны на дороге, Сергей Владимирович, скользко.

Она знала. Знала, с кем он, и, вероятно, где. Он моментально сообразил, что и Алена звонила ему не просто так, вероятно, Тамара позвонила домой, не застала его, и Алена сообщила, что он уехал с ее телефоном. Тамара, обнаружив труп Попова, каким-то образом догадалась

обо всем. И потому информация о том, что Витя Иванов оказался сыном убитого охранника, выглядела весьма сомнительно.

— Кто звонил? — небрежно спросил Вершинин.

— Следователь, — спокойно ответил Сергей. — Сказала, Славку нашли, мертвым.

— Надо же. Выходит, он его успел грохнуть, — констатировал Вершинин.

— Наверное, — согласился Сергей, и, помолчав, добавил, словно черти дергали его за язык: — После того как ты сказал, что это Витя, я все думал, вспоминал, и, наконец, вспомнил, что Коля мне сказал, кто тогда застрелил охранника.

— Да ладно? — удивился Вершинин. — Разве это был не Славка?

— Нет, не Славка, Вов.

— И кто же?

— Ты, Володя. Это все время был ты. А что было потом? Тебе так понравилось?

Вершинин резко свернул вправо, на небольшой проселок и остановился. Когда он развернулся к Сергею, в руках у него был направленный на Сергея пистолет.

— Выходи, — сухо пролаял Вершинин. — Надо было тебя вчера добить. Жалко, не догнал...

...Двадцать пять лет назад...

Егор Иванов вышел из туалета, подтянул ремень, на котором болталась пустая кобура, и вразвалочку направился к своему рабочему месту. Несмотря на то, что он поставлен здесь, чтобы охранять обменный пункт, оружия у Иванова не было. На это нужна лицензия, а откуда она у их жалкой конторы, где он оформлен как сторож? Это хорошо, что на их магазин никто не покушается, поскольку стоит тот на отшибе, и за исключением алкашей, которых достаточно припугнуть богатырским телосложением, сюда никто из маргиналов не ходит. И поэтому Егор Иванов был спокоен и расслаблен. Неожиданный шум и возня у входа его дезориентировали. Не понимая, что происходит, он выбежал к обменному пункту и увидел кучку малолеток, которые, тыча пистолетом, пытались ограбить обменник. Не раздумывая, Егор бросился в толпу и попытался отнять оружие, но подростки, пьяные, разгоряченные, на удивление согласованно вцепились ему в руки. Их лица оказались прямо перед ним, мелькая в суматохе: голубоглазый херувимчик со светлыми волосами, тоненький азиат, потасканный худой «гаврош», коренастый, муску-

листый борец с собачьим взглядом. И Вова Вершинин. Толстоватый добряк, сын бывшего коллеги. Мальчишка, который рос на его глазах.

На перекошенном и красном от натуги лице Егора вспыхнуло узнавание, и одновременно с этим узнавание появилось и на лице Вовы Вершинина, который на миг испугался, а затем, сжав тонкие губы, решительно повернул пистолет стволом к охраннику и нажал на курок. Раздался выстрел. Обмякнув, Егор, как оседающее тесто, грузно сполз на пол и угасающим взором увидел оторопелые лица подростков, успевая услышать визг продавщиц, успевая увидеть, как его убийца удирает. Успевая понять, что умирает.

Он умер, не зная, что будет дальше с его семьей. Не зная, что сразу после этого перепуганные подростки зарюют пистолет в парке, и что его убийца, мальчишка с добрым лицом, вернется, чтобы выкопать его и забрать себе, спрятав на даче, среди железок и старого хлама. За пистолетом вернется и блондин с ангельским взглядом, и коренастый борец, и маргинальный парень, отец которого уже сидит. Не придет только на смерть напуганный азиат.

Смерть охранника ударила по всем, но больнее всех — по Вершинину, который перестал спать ночами, начал биться в судорогах, и однажды почти проболтался своему лечащему врачу, когда на полгода оказался в психушке, откуда вернулся умиротворенным и сонным. Ему потребовался не один месяц, чтобы прийти в себя и жить дальше с осознанием того, что он всемогущ, раз убийство сошло ему с рук, и никто ни разу не захотел привлечь его к ответственности. Вся пятерка друзей не попала в поле зрения милиции. Это обстоятельство не могло не радовать Вову.

Пистолет стал его любимой игрушкой. Он учился стрелять и делал это все лучше и лучше. В девяностые найти патроны было не так уж и сложно. Любовно разбирая и собирая оружие, Вова содержал его в идеальном порядке, и порой, в минуты, когда его кто-то доставал, вынимал пистолет, гладил вороненый ствол и представлял, как будет убивать снова и снова. Но, хотя у него была такая возможность, он ничего подобного не делал, потому что не совсем уж псих. Сам по себе факт обладания оружием словно делает его выше, сильнее и опаснее. Вова, а позже уже Владимир Владимирович Вершинин, легко учился, и так же легко делал карьеру, добиваясь внушительных результатов. Он выпустил алкоголь собственной марки, когда на нем можно было легко подняться, успел вовремя обанкротить фирму и переквалифицироваться на выпуск косметических товаров. Его поставщики работали по всему миру, и, делая карьеру в бизнесе, он начал желать большего: власти и признания. И начать хотел с малого, например, с мэрского кресла. Потому что это очень

хорошие инвестиции, потому что с мэром, который сидит на бюджете, все хотят дружить, а потом можно и в Госдуму, на совсем другие барыши и другие возможности. Его друзья остались на периферии сознания, и, входя в новую жизнь, Владимир Владимирович Вершинин смутно догадывался, что давняя история может выйти ему боком. А, догадываясь, подсознательно готовился принимать срочные меры. Но ничего не происходило. Друзья перестали быть друзьями, разойдясь в разные стороны, а в те редкие моменты, когда они сталкивались где-то в ресторанах, на улице, в коридорах учреждений, ограничивались дежурными кивками, вялыми рукопожатиями, а порой и вовсе делали вид, что незнакомы. Точнее говоря, сталкивались не все. Владимир никогда не пересекался со Славой Поповым, уродом, из-за которого и началась вся катавасия, исчезнувшего из поля зрения. Иногда, засыпая, Владимир стискивал кулаки, вспоминая вытаращенные глаза убитого охранника, и думал: лучше бы они тоже сдохли. Но время шло, все продолжали жить, висая на его шее, как жернов. Однако чувство опасности притуплялось и притуплялось, сверля подсознание одиноким комаром. И Владимир успокоился, еще до момента, когда начал готовить свою предвыборную программу, потому что отчетливо понял: всем есть что терять.

Почти всем.

Этот чертов вечер с убийством никуда не исчез, и время не стерло его. Владимир понимал, что они навсегда останутся вместе, пока живы, и в любой момент, если он не примет меры, смогут отыскать путь обратно. Они — пятерка, спаянная вместе одним преступлением и клятвой молчать, которая сильнее всего в жизни. Через десять, двадцать, тридцать лет любой из них сможет проскользнуть между всех преград и сделать так, что реальность обрушится на него, расколовшись на куски и погребя под ними. Но он не мог контролировать всех, ведь друзья выросли, и у каждого своя голова на плечах

И однажды неопределенная единица в виде Славки Попова заявила к нему в офис с требованием денег и с угрозами, а это может разрушить все грядущие планы. Тогда Владимир, уже решивший раз и навсегда разобраться с Поповым, понял: ничего еще не кончено. Как только он займет мэрское кресло, ему припомнят старые долги, требуя должности, средства, помещения. А потом кто-нибудь проболтается, и тогда ему конец. И Владимир, дав Попову немного денег, придумал, как ему казалось, неплохой план.

Убийство. Оно решало все. Но Славка, чертов Славка, подгадил и обошел всех поделщиков, попытавшись шантажировать, и теперь они были предупреждены, а, значит, опасны. И в любой момент могли начать говорить, поскольку с момента убийства наверняка вышли все сроки, к тому же

на момент его совершения они были несовершеннолетними. Что они теряли? Да ничего. А вот он... И потому никого нельзя было стереть с лица земли просто так. Нужно было сделать, чтобы никто им не поверил. А для этого подходили любые средства: безутешный вдовец, чью жену зарезали в больнице пластической хирургии, мафиози, желающий хоронить нелегальных мертвецов, и юная шлюшка, готовая за айфон продать не только школьного педагога, но и родную мать, а еще дальний родственник-алкаш, готовый в нужный момент сыграть шантажиста, потому что реальный шантажист получил свою плату в виде пули и остывал в лесочке. Вот тогда они забегают, не понимая, кто виноват в их проблемах, и сваливая вину на Попова или на совсем посторонних людей. Тогда им будет не до шуток и не до старого убийства. И тогда с ними можно будет расправиться по одному.

Все шло хорошо, по плану, ровно до момента, пока кто-то не открыл рот ментам, а те в два счета не сопоставили два и два, связав преступление двадцатилетней давности с пятеркой друзей, что однажды решились на отчаянную глупость. И после этого все пошло кувырком...

Сохранять спокойствие, когда на тебя направлен пистолет, было тяжело, но еще тяжелее было видеть лицо бывшего друга, с которого сошла вся прежняя щенячья доброта. Вершинин твердо удерживал оружие, ствол не гулял, руки не тряслись. Можно было подумать, что он совершенно спокоен, вот только в глазах плескалось безумие, такое знакомое по юношеским годам, когда после убийства Володька в одночасье стал слезать с катушек, а потом исчез, уехав лечиться. Сергей прикинул, может ли допрыгнуть до Вершинина и сбить его с ног, но тот явно был начеку.

— Это бесполезно, Володь, — спокойно сказал он, радуясь, что голос не дрогнул.

— Ничего не бесполезно, — скривился Вершинин и мотнул пистолетом влево. — Я тебя прямо тут в кустиках положу, авось к следующему году найдут. Место здесь безлюдное, скоро снег пойдет. Давай, двигай в лес.

Сергей сделал несколько шагов в сторону деревьев, прикидывая, успеет ли сбежать, но в темноте очень легко оступиться, к тому же это и не лес, так, небольшая рощица вдоль дороги, которая где-то закончится. Он послушно шел, думая, что можно оттянуть ветку и отпустить, и, когда она хлестнет Вершинина по лицу, сбежать, но тот все время начеку.

— И кого обвинят в моем убийстве, Вов? — спросил Сергей, не поворачиваясь. — Труп Славки нашли. Из всех останешься только ты. Менты тебя быстро вычислят.

На мгновение Вершинин задумался, а потом его губы расползлись в плутовской ухмылке:

— Черт, это я не продумал... Но я выкручусь, Серый. Я столько раз выкручивался, не поверишь, и сейчас что-нибудь придумаю. Вычислять меня менты могут сколько угодно, а вот доказывать — совсем другое дело. Я даже это смогу себе на пользу повернуть. Скажу, выдумки конкурентов. У меня конкурент — действующий мэр, а он такой затейник.

То, что он будет стрелять, не было никакого сомнения. Сергей отчаянно пытался придумать, как отсрочить этот момент и как обезоружить Владимира, но в голову ничего не приходило, и он, испытывая старый добрый метод беседы с хулиганьем, которые так часто бахвалились своими победами, спросил:

— Историю с домогательствами ты придумал?

— Я. Красиво, правда? — обрадовался Вершинин. — Сейчас весь мир помешан на харрасменте. А тебя больше не на чем было взять, ты же такой весь насквозь идеальный. Напрягаться даже не слишком пришлось. Подружка твоей дочери, что решила въехать в рай на богаче, все сделала.

«Идеальный» он произнес с невероятным презрением, в голосе слышалась застарелая ненависть. Сергей решил нажать на больную мозоль, хотя искренне не понимал, как можно завидовать его жизни.

— Что ж ты нас просто не пришел? — спросил он. — Чего проще: подкараулил и арматурой по голове.

На этот раз сожаление в голосе Вершинина было искренним:

— Я ведь поначалу вообще никого не собирался убивать, даже этого урода Попова. Ничего бы не случилось, если б он пришел только ко мне. А он по всем прошелся со своими претензиями о давних долгах. Я не знал, куда он еще ходил, и потому решил, что надо принимать меры. Если б я мог, то поручил бы разобраться с вами кому-то еще, но в таких делах лучше действовать самому. С Саби было проще всего. Он пожаловался, что его шантажирует Попов, да еще родня пациентки, которую он под коксом зарезал, наезжает, пригласил поговорить. Я знал, во сколько приедешь ты, снял в доме Саби квартиру на пару дней по украденному сто лет назад паспорту. Наверное, я уже тогда понял, что Саби надо убрать. А в тот вечер... Я даже видел, как ты подъехал. Саби открыл, я вошел, поговорил пару минут и застрелил его. Квартиру запирать не стал, понадеялся, что ты войдешь. Почему не вошел?

— Сам не знаю. В голову не пришло. А с Таней как вышло?

— С Таней? — пожал плечами Вершинин. — Ну, она была мне полезна какое-то время. Девчонка дурой была, она это все воспринимала, как игру, тем более что я ей сполна платил. Помнишь, в парке, когда мне писал шантажист? Это Танька была. Только после парка ей стало казаться, что все не так уж забавно, она была очень расстроена разговором с твоей доче-

рю и захотела признаться хотя бы ей. Очень стыдно ей вдруг стало, что она в твой компьютер закинула порнушку и свои фото в том числе. В общем, совесть заела. А мне это было не нужно, поэтому пришлось с ней разобраться. Даже жалко. Из нее прекрасная вышла бы шлюшка.

— Как же ее труп оказался в машине Коли? — спросил Сергей, услышав в голосе Владимира опасные ноты.

— У него тоже «ренджровер», а у старой модели есть проблемы с сигнализацией, — пояснил Вершинин. — Периодически начинает клинить, отчего машина орет в самое неподходящее время. Я этим и воспользовался, сам страдал до того, я на такой же ездил. Мне в свое время умелец подогнал очень хорошую штучку, такую специальную «заводилку», при помощи которой можно «ренджровер» открыть, на черном рынке такая штукенция совсем недорого стоит. Отщелкиваешь зеркало заднего вида, и — вуаля, доступ открыт. Подключаешься и открываешь, ничего сложного.

Вот теперь Вершинин отвлекся, и ствол опустил ниже. Сергей решил, что нужно продолжать. Бывшего друга распирало поделиться своими гениальными действиями.

— Один ты все равно не смог бы все повернуть. Славкин родственник тебе помогал?

— Помогал, и недорого, — рассмеялся Вершинин. — Я когда Славку искал, вышел на него. Игорек не знал, кто я, потому в парке от вас пришлось отстать, чтобы этот полудурок не начал тыкать в меня пальцем. Если бы Игорь от вас не сбежал, я бы его застрелил. Пришлось попозже.

— А то, что Витя Иванов — сын того охранника, ты выдумал, чтобы меня из дома выманить?

— Да, ты ведь всегда был башковитым. Но я ничего не выдумал. Витя, и правда, сын Иванова. Я знал, что вы вместе работаете, честно говоря, именно тебя я больше всего и боялся, думал, сблизись с ним, и все пойдет к чертям гораздо раньше, ведь он мог все рассказать. Я же его отца знал, и Витю знал, конечно. Для меня было шоком встретить его, думал, он уехал навсегда. Лоб в лоб столкнулись, представляешь? Но я даже это сумел в свою пользу повернуть. Мне вообще как-то везло. У Левы Батарышкина оказалась запись операции жены, которая ее погубила, ну а я под шумок у Левы ее выкупил. Надо было подстраховаться. Насчет тебя я тоже менту одному из Главка тонко намекнул, мол, неплохо бы на весь город про тебя правду рассказать, а Сухоруков и рад стараться, еще бы, чего не постараться, если он у меня откаты брал сотнями кусков.

— Витя тебя не узнал? — быстро спросил Сергей. Теперь было понятно, почему на него ополчились все журналисты, и кто их на него натравил.

— Не думаю, — покачал головой Вершинин. — Вряд ли. Мы ведь не дружили, тем более, он был немного младше. Так, привет, пока, и то лишь на семейных собирушках. А после смерти дяди Егора собирушки прекратились.

Время неминуемо заканчивалось, утекая сквозь пальцы. Сергей уже чувствовал, что палец Вершинина дрожит на спусковом крючке, и буквально через мгновение из пистолета вылетит маленький безжалостный шершень, ударит в грудь, заставив корчиться и умирать в грязи.

— Зачем все это было, Володь? — спросил он. — Мы же давно похоронили эту историю.

— Вы — может быть, — безжалостно сказал Вершинин, — а я — нет. Такие истории не похоронишь до конца, пока кому-то не потребуется вытащить кости наружу и сплясать на них джигу. А на моей репутации не должно быть ни пятнышка, никаких сомнительных моментов, за которые начнут поджаривать на костре. Ты не представляешь, как мне жаль, что все так случилось. Но я даже был рад всех вас снова увидеть. Ну, почти всех, кроме этого козла Славки. Я его почти сразу грохнул. Он, идиот, был, хитрый, но глупый. Всех смог найти, но отжать «бабок» ума не хватило. А когда ему пообещали денег, прибежал с радостью, ну, «маслину» между глаз и словил.

— Все еще можно остановить, Вов, — прервал его Сергей.

Вершинин помотал головой, как конь, отгоняющий мух.

— Да все уже остановилось. Остался только ты.

— Ты — псих ненормальный, — не выдержал Сергей.

Взгляд Вершинина заволокло тьмой, зрачки расширились до предела, а рот задергался в тике.

— Это ты сейчас зря сказал, — прошипел он. — Я ведь после той истории долго в дурке лежал, все осмыслил, так что Славку где-то понимаю. Я ведь не хотел тогда никого грабить, пошел с вами, друзьями лучшими, просто за компанию, думал, поприкалываемся, пошумим. Так что нечего меня в этом обвинять, Серега, вы не меньше меня виноваты. И теперь настала пора платить. Вот и плати.

— Но стрелял ты, — напомнил Сергей.

— Я. И что? — запальчиво воскликнул Вершинин. — Хочешь вызвать во мне чувство вины? Не получится. Мне проще вас во всем обвинить, так легче жить. Я ведь подозревал, что все равно придется с вами что-то делать, не сейчас, так после выборов. Политика — дело грязное. Не ты, так они бы все припомнили, пришли бы с протянутой рукой, а не дал бы им ничего, принялись бы шантажировать. Ничего в этом мире за столетия не изменилось и не изменится. Ладно, хватит болтовни. В общем,

прощай, Серега. Я бы сказал, что мне жаль, но — нет, не жаль. Хорошо, что вас больше не будет.

Вершинин поднял пистолет, и тут за его спиной, на дороге взвыла сирена, замелькали красные и синие всполохи. Он резко обернулся, и в этот момент Сергей прыгнул и сбил его с ног...

Вершинин кубарем полетел в кусты. Сергей схватил его за руку, ту, что с пистолетом, и бил, бил о землю, заставляя выпустить оружие. Ахнув от боли, Вершинин выпустил пистолет. Сергей попытался схватить его, но Вершинин освободил левую руку и ударил Сергея в лицо кулаком с неожиданной силой кувалды, которую невозможно было ожидать в его рыхлом теле. Удар был так силен, что повалил Сергея на землю. Вершинин, воспользовавшись моментом, вскочил на ноги и стал шарить взглядом по земле в поисках пистолета. Увидел, бросился на него, как змея, но Сергей пнул пистолет ногой, и тот, покотившись в канаву, пропал во тьме. Вершинин, оскалив зубы, резко повернулся к Сергею. Увидев в его руке нож, Сергей вскочил на ноги и поднял с земли единственное оружие, оказавшееся под рукой, толстую ветку. Стоя друг напротив друга, соперники замерли перед последней атакой.

Вершинин сделал выпад, целясь Сергею в грудь, и тот парировал, отбивая руку убийцы палкой, которая предсказуемо тут же сломалась. Вершинин даже не вскрикнул, почти не чувствуя удара. Вместо этого он сделал еще несколько выпадов, размахивая ножом как сумасшедший, но Сергею удавалось уклоняться. Темнота мешала обоим, но она же и помогала. Два раза Вершинин кончиком ножа задевал Сергея, а на третий раз нанес такой удар, что Сергей сразу почувствовал ожог в боку. Собрав последние силы и вспомнив армейские навыки, он ударил Вершинина ногой по руке. Нож вылетел и исчез в темноте. Вершинин завыл от ярости и бросился на Сергея, сбивая с ног и придавливая весом к земле. Удар оказался настолько силен, что на короткое мгновение Сергей потерял сознание, а когда пришел в себя, его руки были прижаты к земле коленками Вершинина, а тот, шаря руками по земле, поднял камень, собираясь ударить им Сергея по голове. Не раздумывая, Сергей вскинул обе ноги кверху, чтобы свалить соперника, и сбросил его с себя. С трудом поднявшись, он увидел, что Вершинин убегает прочь, в темноту, куда-то в сторону от машины. Не соображая, что делает, Сергей кинулся догонять врага, скрывшегося среди сосен и рябин.

Они выскочили на шоссе практически одновременно. Сергей сбил Вершинина с ног и, повалив на землю, стал молотить по его лицу. Машины пролетали мимо, равнодушно освещая соперников фарами. Никто не пытался остановиться и вмешаться. А Сергей все бил и бил Вершинина,

вкладывая в удары всю ненависть, боль и обиду, пока тот не перестал отбиваться и не затих, отвернув разбитое лицо набок.

Тут, завывая сиреной, рядом с ними остановилась полицейская машина, и из нее выскочили двое сотрудников МВД. Они споро подбежали к дерущимся и стащили Сергея с Вершинина. Он не пытался сопротивляться, позволяя заковать себя в наручники. Один полицейский остался с ним, а второй, чуть крепче и постарше на вид, наклонился над Вершинным и выкрикнул:

— Тут, похоже, «скорая» нужна!

Вершинин открыл глаза и что-то прошептал. Полицейский снова склонился над ним, и вдруг молниеносным, каким-то змеиным движением Вершинин вцепился в его кобуру, выхватил табельный «ПМ» и выстрелил, сначала в нависшего над ним полицейского, а затем, когда тот, выпучив глаза, со стоном свалился на асфальт, направил ствол на Сергея, но промахнулся, и тот успел укрыться за машиной. Спрятавшийся рядом с ним сержант, серый от страха, потянулся к своему пистолету.

— Сними с меня наручники, дурак! Он нас тут сейчас положит! — прошипел Сергей.

Сержантик помотал головой, передернул затвор, а затем, резко поднявшись, выстрелил в сторону Вершинина. Пуля попала точно в цель — прямо ему в грудь. Вершинин упал на спину, пару раз его тело содрогнулось, а затем Владимир затих.

Сержант осторожно подошел к нему, не сводя взгляда с пистолета, готовый выпустить во врага всю оставшуюся обойму, если тот вдруг, как в фильмах ужасов, подскочит и бросится на него. Но Вершинин был мертв — окончательно и бесповоротно. Сержант шатающейся походкой вернулся к машине и, схватив рацию, выкрикнул свои позывные, умоляя о помощи. Потом, сползая вниз, привалился к Сергею и заплакал. Сергею хотелось утешить молоденького сержанта, но руки все еще были скованы наружниками за спиной, а кровь текла из раненого бока, поэтому он, пробормотав, что все будет хорошо, тут же потерял сознание и упал на асфальт...

Октябрь перешел в свою середину, когда Сергей вернулся домой, слишком опустошенный, чтобы думать о том, как будет жить дальше. Пока он лежал в больнице, в городе вновь зашумели журналисты, наперебой рассказывая запутанную историю преступлений кандидата в мэры Владимира Вершинина, который не иначе как снова сошел с ума, поскольку начал убивать своих одноклассников, перед тем фабрикуя против них фальшивые обвинения в неведомых преступлениях. Они старательно описывали события, связывая их друг с другом сикось-накось, приплетая сюда

несостоявшееся расследование коллеги Маруси Рязановой, превращая ее то в икону журналистики, то в невинную жертву, то в соучастницу. Правды во всех версиях не было ни на грош. Реабилитируя педагога Сергея Богаченко, ни одно СМИ, ранее обвинявшее его в попытке изнасилования несовершеннолетней, не попыталось извиниться.

— Вам не стыдно вообще? — вяло поинтересовался Сергей, когда очередной ретивый репортер проник к нему в палату, где он только что вернулся с процедуры и кряхтел от боли в разрезанном и плохо заживающем боку.

— А чего вы хотели? — пожал плечами журналист. — Политика издания такова: мы ни перед кем не извиняемся. Хотите судиться? Давайте судиться.

— Ничего я не хочу, — отмахнулся Сергей.

— Тогда, может, комментарий? — обрадовался репортер.

— Ради бога, — согласился Сергей и вдруг, набрав воздуха в грудь, рявкнул: — Пошел отсюда на хрен! Такой комментарий вас устроит?

Репортер обиделся и ушел, выдав ядовитый репортаж о неадекватности Богаченко, который почему-то не пожелал, чтобы о нем писали и делали из него героя, так что далеко не факт, что он в этой истории «невинная овечка», поскольку невинные так себе не ведут, охотно общаются с прессой и бла-бла-бла...

А через два дня в городе случилось очередное коррупционное разоблачение, когда крупный чиновник попался на взятке, и о Сергее Богаченко все забыли. Современная журналистка поверхностна, сенсации живут не дольше суток, если их не подогревать. А Сергей и не пытался, отвергая все встречи и отказываясь от интервью на федеральных каналах. К счастью, никто так и не смог связать события двадцатилетней давности с произошедшим сейчас. Но сердце Сергея было беспокойным, главным образом, из-за Тамары. Как на все отреагирует она?

В больницу Тамара приходила дважды. Один раз — взять показания, второй — без повода. Они обменялись несколькими неловкими фразами, после чего Тамара ушла и больше не звонила. Он несколько раз набирал ее номер, слушал автоответчик и бросал трубку, убежденный, что на этом их короткий роман закончен.

Несмотря на то, что все обвинения в попытке совращения с него были сняты, Сергей отказался возвращаться в школу. Он прекрасно знал, что никакие объяснения не помогут с истеричными родителями, решившими не подвергать опасности своих чад. Директриса выслушала его объяснения спокойно и отпустила со столь явным облегчением, что ему даже стало неприятно. Во всяком случае, смена работы позволила ему не ви-

деться с Виктором, которому он больше не мог смотреть в глаза. И, тем не менее, Сергей не мог не ощутить мстительной радости от осознания того, что Даша, явившаяся поговорить о разводе, буднично сообщила, что уходит от него вовсе не к физруку Иванову, а потому, что просто больше не может с ним жить дальше.

— Да, — согласился Сергей, — нам надо расстаться. Аленка уже взрослая, так что поймет. А не поймет — ничего не поделаешь. Не надо больше друг друга мучить.

— Жалко квартиру, — вздохнула Дарья. — Брат требует свою долю, придется продавать и делиться. На остаток даже не знаю, что купить можно будет, придется в ипотеку залезать...

— Я не буду претендовать, — торопливо сказал Сергей, — это твое наследство. Хоть «однушку» купите с Аленкой. Ты не спрашивала, с кем она хочет жить?

— Мне даже думать об этом страшно, не то, что спрашивать, — призналась Даша. — Наверное, лучше со мной. И, если ты не против, мы бы сменили фамилию. Не подумай ничего плохого, но ей дальше жить с клеймом дочери педофила... Нет, не возражай, я знаю, что ты не виноват, но людям же не докажешь. Будет как в той поговорке: то ли сам украл, то ли у него украли... А ей в институт поступать, замуж выходить... Я сейчас очень жалею, что мы не развелись раньше. Зачем цеплялись друг за друга, если давно не любили? Или... ты до сих пор любил?

Дарья пытливо заглянула ему в глаза, словно пытаюсь уловить отблеск былых чувств, но Сергей просто ответил:

— Нет. Я давно тебя не люблю.

— Вот и хорошо, — ответила Дарья фальшиво-веселым тоном, явно разочарованная ответом. — Так легче. Сможем все решать, как цивилизованные люди.

Когда она ушла, в больничной палате осталась плотная, как масло, волна разочарования и безнадежности. Лежа на спине, Сергей задумался, что чертов Славка Попов добился своего. Каждый из пятерки друзей получил свое, и это была его кара: разрушенная жизнь и одиночество. Запах лекарств, спертого воздуха и немых тел больных становился просто невыносимым. Но, к счастью, Сергея решили выписать уже на следующий день.

Когда он вышел из больницы, его взгляд сразу же уперся в сгорбленную фигуру женщины в длинном черном пальто. Нахохлившись, как ворона, она сидела в больничном сквере на скамейке и что-то чертила на земле кривой палкой. На звук его шагов женщина вскинула голову и улыбнулась.

— Привет! — сказал Сергей. — Что ты тут делаешь?

— Тебя жду, — буднично ответила она. — С утра позвонила врачу, он сказал, что тебя выписывают. Пойдем? Ты, наверное, голодный, я тоже не завтракала. Больничные харчи вряд ли очень аппетитны, так что, думаю, ты охотно составишь мне компанию. Я бы бургер съела. Хочешь бургер, Сережа? Или тебе нельзя?

— Мне все можно, — ответил Сергей. — Только... Я думал, ты меня на допрос опять потащишь.

— Дело закрыто за смертью подозреваемого, — пожалала плечами Тамара. — А убийство двадцатилетней давности у меня не в производстве. Я поняла, что Иванова застрелил Вершинин, поэтому то старое дело тоже переведут из «висяков» в стадию завершённых. Но это не моя забота. Хотя, возможно, тебя пару раз дернут на допросы. Не факт, конечно, но все возможно, так что придется отвечать.

— Я отвечу, — хмуро сказал Сергей. — Но я не об этом хотел спросить.

— А о чем?

— О нас. Как мы после всего этого?

Тамара остановилась, посмотрела на него и с тревогой спросила:

— А что — мы? Что это меняет?

— Я тебя люблю, — торопливо произнес Сергей, и даже за руки ее схватил, чтобы она, не дай бог, не сбежала, оставив его одного с этим грузом проблем. — Я все отдам, что осталось, лишь бы мы были вместе. Но готова ли ты быть с человеком, который замешан в убийстве? Твои родственники, начальство, коллеги... Они же все узнают. Я жил с этим грузом месяц и почти сломался. Ты хочешь нести его на своем горбу? Терпеть косые взгляды, намеки?

— Я бы сказала, что еще пару месяцев назад подумать бы о таком не могла, — медленно ответила Тамара. — Но сейчас у меня как-то раскрылись глаза. Двадцать с лишним лет — большой срок, чтобы осознать свою вину, а, судя по тому, что ты рассказывал, ты осознал, съедал себя изнутри. Так что, можно сказать, отсидел и вышел с чистой совестью. По-моему, жизнь тебя достаточно наказала. Разве ты мало потерял?

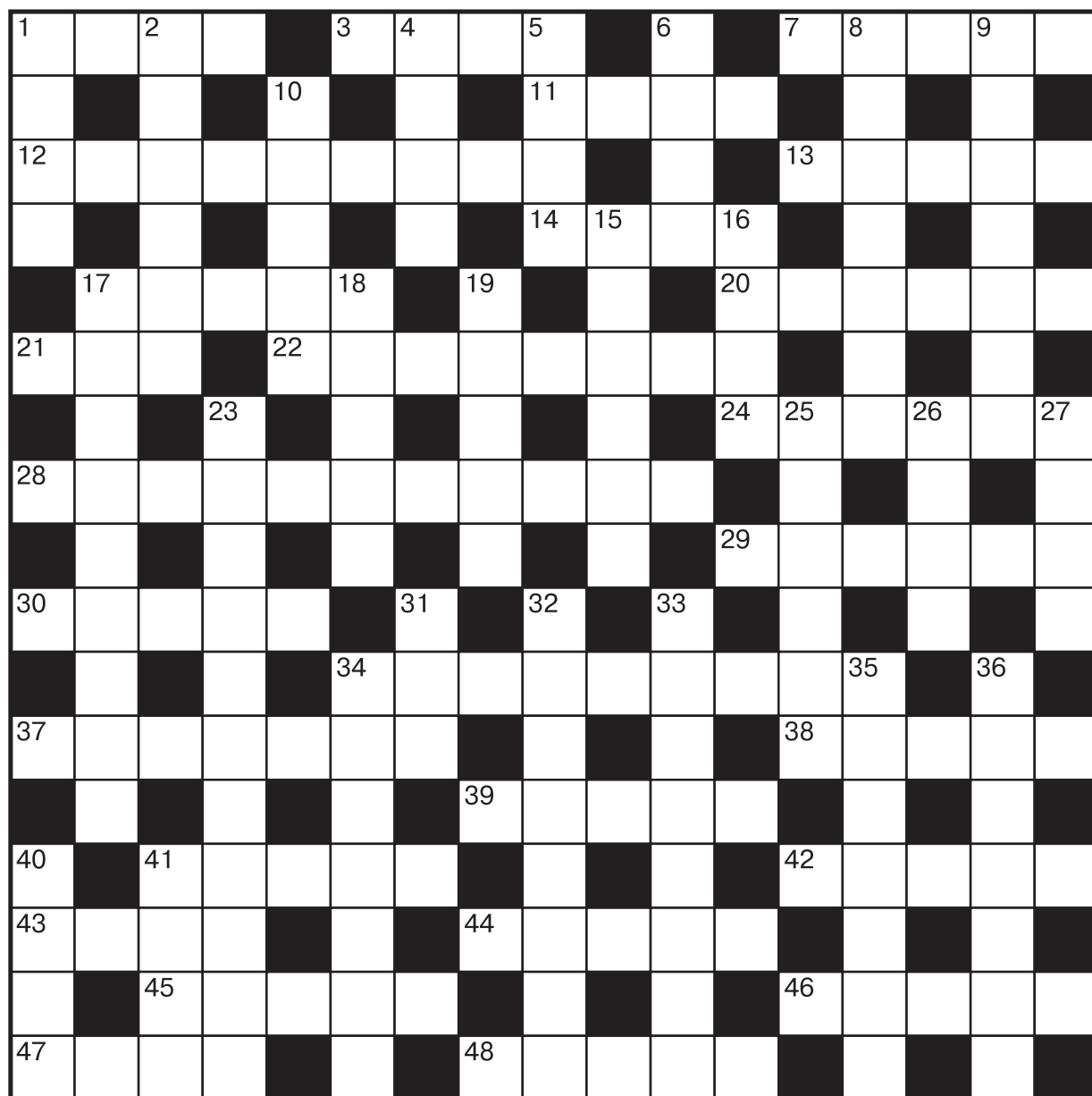
— Все, — улыбнулся Сергей. — Вообще все. Но самое главное, что кое-что я, все-таки, приобрел.

— И что же? — улыбаясь, спросила Тамара.

Прижав ее к себе, Сергей пару мгновений смотрел в ее темные глаза, а потом поцеловал и ответил:

— Тебя. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Дерево на русские мокасины. **3.** Ударник в колоколе. **7.** «Первая скрипка» при исполнении былины. **11.** Национальный цветок Ирана. **12.** «Ты мечтаешь жить богато и красиво, на завтрак крабы, а на ужин ...» **13.** Для приготовления какого кушанья понадо-

бятся виноградные листья? **14.** Экстракт тьмы. **17.** «Нога под кроной». **20.** Жаровня с шампурами. **21.** Компонент фондю. **22.** Жуть за окном. **24.** У кого язык без костей? **28.** Русский конформист. **29.** Самый неожиданный каприз. **30.** Что прежде возили ямщики? **34.** С чем, согласо-

но социологическим опросам, 25% опрошенных американцев «не расстались бы и за миллион долларов»? **37.** Каким названием география обязана Конраду Мальт-Брюну? **38.** Какой из шедевров Тициана пострадал от серной кислоты? **39.** Какому деду многие зайцы жизнью обязаны? **41.** Трутень в пчелиной семье. **42.** При каком результате команды «расходятся с миром»? **43.** Стрелок по сердцам. **44.** Императорское дерево у вьетнамцев. **45.** Кто из русских купцов заслужил прозвище «русский Демосфен»? **46.** Что у башни явно преобладает над шириной? **47.** Какой зверь в Таиланде получает пенсию? **48.** Какой магазин содержал отец Антона Чехова?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Николай Расторгуев и его команда. **2.** «Пиратская валюта». **4.** Купол от дождя. **5.** «Где мыло? Где мочалка? Где? Где ... хотя бы для бритвы?» **6.** Во что может вылиться гастрит? **8.** «Есть ... в бою, и бездны мрачной на краю».

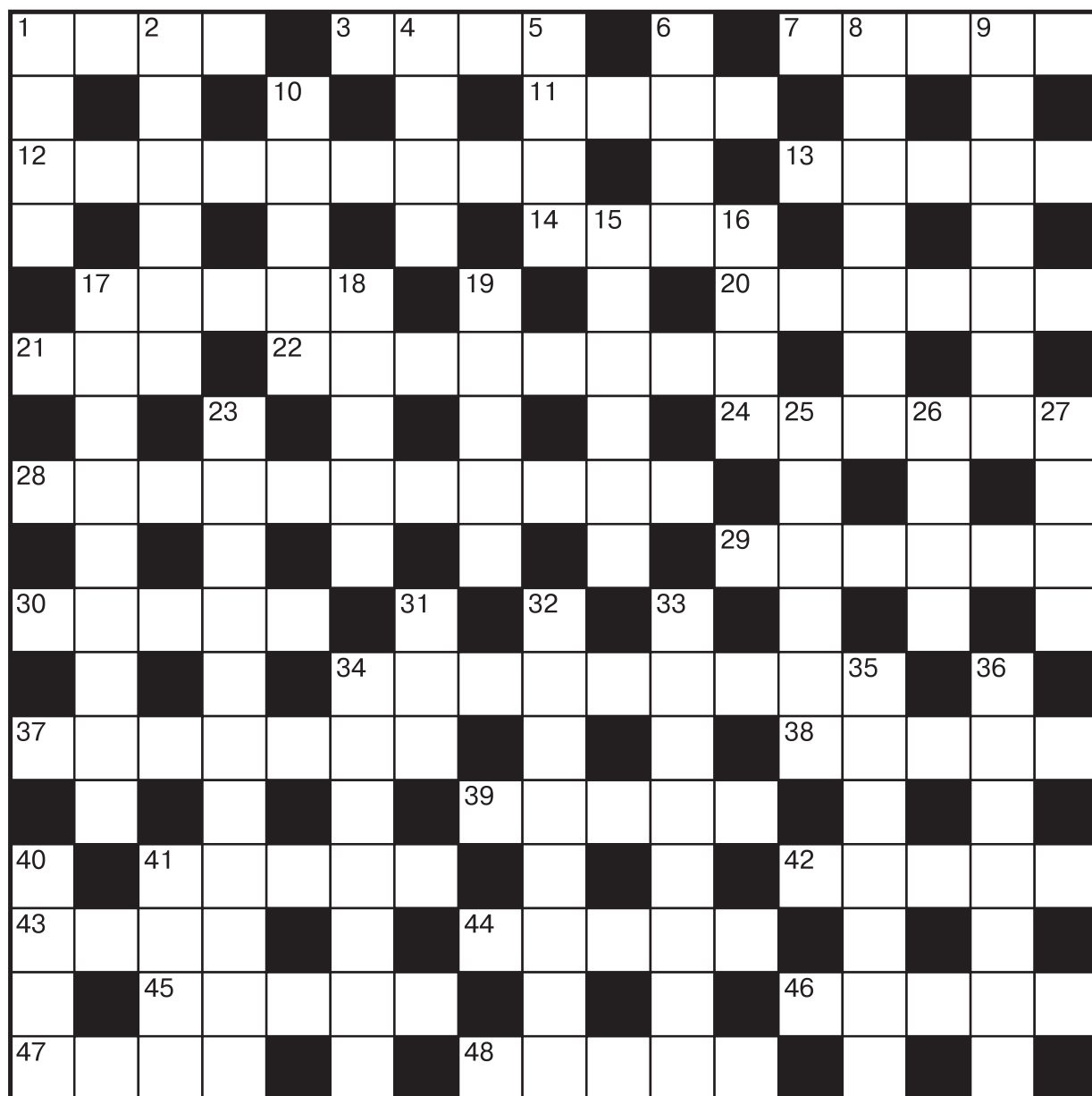
9. Светильник из стихотворения «Узник» Михаила Лермонтова. **10.** Трибуна для проповедей. **15.** Сорняк рисовых полей. **16.** Мэр города в Болгарии. **17.** Молочная ... входила в самый первый рецепт популярного напитка Fanta. **18.** Кому из классических героев русской литературы «на висках волосья при ученье выдраны»? **19.** Сибирский народ, слывающий ближайшей родней венграм. **23.** Краска, чей секрет приготовления из ляпис-лазури открыли в давние времена персы. **25.** Крах брака. **26.** В какой стране отмечают День лимонов? **27.** Что из гранаты вырывают? **31.** Пьедестал для черепа. **32.** «Фигура высшего писательского пилотажа». **33.** Что рождается из союза гриба и водоросли? **34.** Кто передал бразды правления императору Калигуле? **35.** «Пельмени из страны спагетти». **36.** «Головоломка для картежника». **40.** Телефонное письмо. **41.** В какой спортивной борьбе не встретишь поджарых участников?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Искра. **9.** Бранч. **10.** Выговор. **11.** Буддизм. **12.** Квартал. **13.** Бочка. **14.** Бастион. **15.** Фудзита. **18.** Битов. **19.** Порт. **21.** Пуаро. **23.** Риск. **25.** Материал. **26.** Сцинк. **27.** Урок. **29.** Девиз. **32.** Всадник. **34.** Келли. **36.** Ружье. **37.** Огурцов. **38.** Скунс. **39.** Битти. **40.** Слякоть. **41.** Плеть. **42.** Басов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Привкус. **2.** Инфразвук. **4.** Сеул. **5.** Радиация. **6.** Дым. **7.** Ворон. **8.** Вояка. **10.** Взяткодательство. **11.** Бактерицидность. **13.** Бог. **16.** Долив. **17.** Сталь. **20.** Арбуз. **21.** Псков. **22.** Веник. **24.** Инжир. **28.** Ксерокс. **30.** Зеркало. **31.** Планета. **33.** Кубица. **35.** Ягель.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Английский философ, собравший все идеи конституционной демократии. **3.** Один из шести главных городов дорического союза. **7.** Хозяин Вальхаллы. **11.** Наказание у мусульман. **12.** «Львиная» аватара Вишну. **13.** Стойкая ткань на пошив форменной одежды.

14. Волк Одина. **17.** Какой колокольчик мелодичным звоном летней жарой «навевает прохладу» в японском доме? **20.** «Ныряющая» блесна. **21.** «Ливерный суп» у удмуртов. **22.** Наматывающая зима у жителей Плоского мира. **24.** Мифический жрец, остановивший чуму в Спарте.

28. Какая отрасль сельского хозяйства кудряш выращивает? **29.** «Смысл жизни» из японской философии. **30.** Гримерный воск на киностудии. **34.** Помещик, послуживший прототипом героя романа «Что делать?» Николая Чернышевского. **37.** Дарохранительница под алтарной сенью. **38.** Помогатор у фиксиков. **39.** «Пущечный король» XX века. **41.** Древняя страна, сумевшая сначала сбросить гнет кочевников, а после и ассирийцев, заключив союз с вавилонянами. **42.** Неверный для мусульман. **43.** Символ камергера. **44.** Овальное зеркало в примерочной. **45.** Прозвище домового. **46.** Суданский танец. **47.** Чех, ставший соавтором первой в мире экранизации романа «Двенадцать стульев». **48.** Высочайшая вершина Албании.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Последняя большая любовь в жизни великого сказочника Ханса Андерсена. **2.** Рыбий клей. **4.** Американец, придумавший «Полароид». **5.** Индийское блюдо со шпи-

натом под зеленым соусом. **6.** Колочая груша. **8.** Каким фильмом Борис Барнет открыл для советского кино Николая Крючкова? **9.** Городское население в Византийской империи. **10.** Античный боевой щит. **15.** «Винная ладья» на Руси. **16.** Любимый поэт братьев Стругацких. **17.** «Застывшая молния». **18.** Парфюмерный спирт. **19.** Лапша у корейцев. **23.** Югославский сейсмолог, открывший в 1909 году границу между земной корой и мантией. **25.** Европейский кулачный щит. **26.** Первый мопед в СССР. **27.** Поул из «Хроник Нарнии». **31.** Уровень физической подготовки в айкидо. **32.** Декоративная керамика эпохи неолита. **33.** Любимый герой из «Спокойной ночи, малыши!» для Леонида Брежнева. **34.** С какой скалой связано начало дешифровки клинописи? **35.** Какой шайтан вызывает «сомнения с водой»? **36.** Латинский синоним «чепухи», придуманный Антоном Чеховым. **40.** Голландский парусник. **41.** Восточные сабо.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Чудак. **9.** Жучка. **10.** Женеввер. **11.** Дасслер. **12.** Казимир. **13.** Ванна. **14.** Гретхен. **15.** Воцанка. **18.** Эктор. **19.** Арни. **21.** Силал. **23.** Илия. **25.** Брокуорт. **26.** Кикер. **27.** Крец. **29.** Енсиз. **32.** «Цилиндр». **34.** Тверк. **36.** Жирши. **37.** Сугудай. **38.** Дзюдо. **39.** Кокни. **40.** Крокоит. **41.** Митоз. **42.** «Тимей».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гусачок. **2.** Аквитания. **4.** Улар. **5.** Абстракт. **6.** Шер. **7.** Бебан. **8.** Сенна. **10.** Жертвоприношение. **11.** Дисквалификация. **13.** Век. **16.** Орион. **17.** Пикты. **20.** Бинки. **21.** Синец. **22.** Акрит. **24.** Пейдж. **28.** Цидулка. **30.** Звездич. **31.** Брадион. **33.** Ризони. **35.** Чурро.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23011

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2024 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
- Вторая премия** — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала
- Третья премия** — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

